

УДК 821.161.1-93
ББК 84 (2=411.2) 6-45
Х 86

Хохряков Е.М.
Х 86 «Звезда упала на ладонь», – Иркутск:
ООО «Консалтинговое агентство «Бизнес ПР», 2018. – 234 с.

ISBN 978-5-6040371-2-6

«Звезда упала на ладонь» – повесть иркутского писателя Евгения Хохрякова продолжает серию «Для семейного чтения». В неё входят сборник рассказов «Приключения Серёги и его друзей», повесть «Битва за крепость или золото Колчака», сказки «Путешествие Тяпы и Ляпы», «Тайна Земляничной поляны», «Боцман Сарма» и «Девочка по имени Кошмар». Последняя книга стала лауреатом VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь».

Всё творчество писателя пронизано добротой. У него нет отрицательных персонажей. А если появляются неблагоприятные поступки некоторых героев, то они тут же чётко, но ненавязчиво осуждаются. Автор так естественно доносит свою нравственную позицию, что никто не видит в этом нравоучений. Справедливость и любовь – вот фундамент всех поступков героев книг Евгения Хохрякова.

Достоверность интонации писателя, его умение восстановить точную картину детских взаимоотношений позволяют рекомендовать книгу родителям, бабушкам и дедушкам для совместного прочтения с детьми.

УДК 821.161.1-93
ББК 84 (2=411.2) 6-45

© ООО «Консалтинговое агентство «Бизнес ПР»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*О том, что такое Первый и Второй остров.
Как землеройная бригада обеспечивала себе бесплатный
просмотр фильма «до шестнадцати».*

Если пройти через нашу разведскую часть посёлка, а потом за крайним домом, где живёт моя одноклассница Маринка Антипина, подняться на горку и продрагаться через ельник, то там будет такая площадка каменная, с которой очень хорошо видно всю нашу речку Витим. Это наше потаённое место. Мы его давно нашли, что бы отсюда смотреть, какие пароходы плывут по Витиму, как теплоходик дяди Барбариса плывет к нам и везёт разные вкусности: от арбузов до газировки.

Можно сидеть здесь часами и просто молча смотреть. Отсюда было видно, как наша маленькая, но бурливая и говорливая горная речушка Колотовка впадает в Витим. Виден один остров, а за ним и другой. А если хорошо всмотреться, то можно увидеть и третий остров, который называется Зелёный. Его трудно различить на фоне заросших гольцов, потому что зелёное на зелёном да ещё на зелёной воде Витима сливается в одно пятно. Это только осенью ярко оранжевые головы рябиновых кустов чётко обрисовывают весь остров.

Напротив же самого посёлка есть два острова. У них очень простые названия – Первый и Второй.

Первый остров самый красивый. Он овальной формы и окаймляется по всему периметру белым песчаным пляжем из очень мелкого песка. Настолько мелкого, что летом мама всегда ругается, встряхивая дома простыни – не принести на себе песок не возможно! Он остаётся в волосах на голове, на ногах и руках. Кажется, что ты приходишь домой весь в белой рыбьей чешуе. И даже многочасовое вымокание в Витиме не спасает.

В центре острова растут в основном ёлки. Высокие и лохматые. Они тёмной стеной возвышаются над округой. А вокруг них, сразу за пля-

жем, растёт черемуха. И когда она весной зацветает, остров становится таким красивым и загадочным, что в душе всегда что-то поёт и радуется. Мамина подруга из Ленинграда, тётя Лара, гостившая как-то у нас, увидев такую красотень, воскликнула, что это изумительный перстень на одном из пальцев Витима: чистой воды изумруд, опоясанный белым кипением алмазов на белом золоте. Я, вообще-то, из этой картины тётя Лары ничего не понял, но она мне сильно понравилась. Потому что остров был самым красивым и самым любимым. И летом и зимой.

Второй остров вдали от посёлка. Он порос мелким кустарником да рябиной и вербой. Ничего интересного. Зато на нём была огромная коса, в которой всегда, после весеннего наводнения, остаются большие озёра чистой воды. Они были мелкими, по грудь первоклашке. И вода в них нагревается почти как в чайнике. Мы очень любим, купавшись в холодной проточной воде Витима, примчаться к этим озёрцам и бухнуться в горячую воду! Ну, что вот ещё нужно для полного счастья? А нужно совсем немного: хороших друзей, кусок чёрного хлеба и спичечный коробок соли. Дикого лука на острове хоть косой коси. Поэтому никто и никогда на обед домой не бегают. Зачем? Если уж сильно проголодаешься, можно запросто наловить гольянов и запечь их на палочках у костра. Для этой цели у каждого прицеплено к штанам метра три лески и мелкий крючок. Как раз на гольянов или ельчиков. А прут выломать для удочки две минуты делов...

Вот я сегодня сидел в нашем потаённом месте и, ожидая Вовку, рассматривал наш Витим и острова. Вроде бы ничего нового. Каждый день они рядом. Но каждое утро они другие. И когда солнце палит, и марево над песком дрожит. И когда моросит дождик, острова стоят нахохлившиеся, но все равно красивые. И даже если стояли они двумя огромными сугробами, когда наступала зима.

На Первом острове, у самой его стрелки, берег был крутым и высоким. На нём стояла избушка бакенщика, деда Варлама. Вечно насупленного мужика, который гонял летом нас по всему острову. Не

любил он мальчишек. Потому что некоторые иные, те, что постарше, иногда на лодке подплывали к бакенам и снимали с них красные стёкла. Такое стекло в посёлке было как разменная монета: на кусок стёклышка можно было выменять много разных полезных вещей. Потому что через него здоровски было смотреть на мир. Который сразу становился незнакомым, с темно-вишнёвым оттенком, страшноватым и очень притягательным.

Так вот. Зимой, когда бакенщик уезжал в посёлок и больше нами не интересовался, было замечательно взять большие розвальни на конном дворе, притаранить на остров, пыхтя и гикая затащить на самый обрыв, и потом, с криками и визгом, набившись в сани как селёдка в бочку, скатиться вниз. Сани неслись, с каждым метром убыстряясь, и, бывало, доезжали почти до середины протоки. А это никак не меньше двухсот метров. Потом мы всем скопом опять впрягались в розвальни, и снова тащили их в гору. Никакой мороз не мешал этому занятию.

Вовки почему-то всё не было. И я продолжал лениво вспоминать прошлое. О том, что каждую зиму, как только лёд на реке становится крепким, мы с пацанами делаем на нём каток. Чистим от снега лёд, ставим из палок ворота и гоняем в хоккей с мячом. А взрослые потом, рядом, тоже расчищают круг, вмораживают в центр круга толстое бревно, и к нему прилаживают оглоблю от саней. На колесо тележное.

Чтобы оглоблю можно было вращать по кругу. И это такая карусель! На выходные обычно половина посёлка высыпает на реку. Кто в хоккей играть, кто на коньках кататься, а кто – на вертушке. К пустой оглобле мужики позволяют прицепить пять-шесть санок. На каждые санки садится по двое ребятшек или тёток, из тех, кто посмелее. И вот несколько мужиков начинают раскручивать вертушку. Это что-то жутко страшное и весёлое. Карусель стремительно крутится, детвора орёт от страха, тётки визжат, а зрители дико хохочут, когда кто-нибудь из санок, не удержавшись от напора встречного ветра, вылетает вперёд головой в сугроб!

– Хэндэ хох! – заорал у меня над ухом Вовкин голос. – Ви есть партизанен, русиш швайн!

Я вот как сидел на бревне, так сидя и подпрыгнул, чуть не сверзившись в пропасть, что лежала почти прямо под ногами.

– Ну, Вовчара! – заорал с перепугу я. – Ну ты даёшь! Я чуть в реку не выпал! Чо так подкрадываешься?!

Вовка стоял довольнёненький. Его круглое загорелое лицо прямо светилось от счастья: это надо же, ему удалось подкрасться так, что друг ничего не заподозрил. А как тут я мог что-то заподозрить, когда с одной стороны Колотовка ворчит, и ничего не слышно, а с другой стороны я мыслями в прошлое улетел.

Мы с Вовкой вчера вечером в очередной раз посмотрели фильм про партизана Сашу. Вот после этого он по-немецки и заговорил. Так-то мы английский в школе учим. А дома меня мама гоняет по языку так, что скоро буду настоящим англичанином.

Кино мы это уже три раза смотрели. В нашем поселковом клубе киномеханик очень умный. Привёз с базы кино. Называется «Саша». Ну, там про партизан, как они воюют. Как немцев бьют и как Саша, главный герой, в конце погибает. Посмотрели в посёлке это кино один раз. Потом смотрим, афиша висит – «Сегодня в кинотеатре новый фильм – «Партизан Саша. Часть вторая». Конечно, мы все ломанулись смотреть продолжение. Хотя могли бы и подумать: речной трамвай-

чик вечером никаких ящиков с новыми фильмами не привозил, а герой ещё во вчерашней версии погиб. Так и оказалось – киномеханик схитрил: афиша новая, кино старое! Поворчал народ и стал смотреть фильм во второй раз.

На следующий день с обеда на клубе снова афиша. Фильм «Просто Саша». Мы думаем, ну в третий-то раз кто станет хитрить и обманывать? Берём билеты, садимся на лавки. Какой-то дядька спрашивает:

– Слышь, паря! Кино, точно, новое?

– Новое, – отвечает киномеханик. Выключает свет, и мы смотрим ... в третий раз то же кино! Люди давай кричать, деньги назад требовать с киномеханика. А тому хоть бы хны:

– Люди! – кричит он в ответ. – Согласно закону билеты не возвращаются, если у них талон контрольный оторван. Кто не хочет смотреть интересное кино, того никто не задерживает! Пожалуйста, вот тут вот дверь есть на выход.

Народ опять поворчал, да что делать? Кино всё равно интересное, да и десять копеек, как не крути, жалко. Так в третий раз и смотрели одно и то же. Зато дюже как здорово всем залом орать партизанам, что за вон той большой елью немец-снайпер спрятался!

Правда, когда фильм закончился, тот дядька, который перед началом сеанса интересовался новизной кино, пообещал киномеханику голову отвернуть, если он ещё раз такие шутки устроит с афишей.

– Чего сидишь? – спрашивает Вовка. – Пошли!

– Куда?! – слегка оторопел я. – Мы договаривались тут встретиться, а тебя где-то черти носят. Заждался, а ты весь такой – «Пошли!» Вот и спрашиваю – куда пошли? Мы ж с тобой собирались за черёмухой сгонять на Первый остров. Я у Андрюхи Попова и лодку выпросил вчера.

– Во-первых, черёмуха ещё не созрела, во рту вяжет. Нам вчера дядя Гоша привозил с острова. Поэтому делать нам там нечего. Во-вторых, есть дела поважнее черёмухи. Нужно дыру в клуб прорыть!

– Какую ещё дыру? – изумился я. Вчера, когда мы договаривались сплавать на остров, в планах никакого клуба, а уж тем более какой-то

дыры и рядом не было! Что за буйные фантазии посетили ночью моего друга, я не знал.

– А-а-а! Так ты же ничего не знаешь! – почесал в затылке Вовка. – Так-так-так. В общем, сегодня наш кинщик привёз новой фильм. Но нас на него не пустят, потому что он до шестнадцати лет. Вот наши пацаны и решили, что нужно под клубом прорыть небольшой тоннель под сцену, выбить одну доску, и как только фильм начнётся, мы все туда и пролезем. С другой стороны экрана! Понимаешь?!

До меня доходило туго. Главное, я не понимал – как мы пророем такой тоннель. И зачем? Если фильм для взрослых, нас мгновенно вышибут из зала, да ещё и родителям доложат. Хорошо, если их в это время и самих в зале не будет.

– Какой ты непонимаха! – сказал Вовка. – Пойдём, по дороге расскажу. А то там ребята уже ждут. Я им сказал, что мы вместе придём.

Зная Вовку много лет, я счёл лучшим пойти с ним. Потому что всё равно не отвяжется.

Мы подскочили и поспешили вниз по горке, к Колотовке. Наш новый клуб находился как раз на её берегу. Это, правда, никакой и не клуб был. Кинотеатр «Кристалл», что стоял посередине посёлка на пригорке возле школы, ещё весной начали ремонтировать. И вот, чтобы люди не скучали вечерами, начальник рудника Николай Петрович приказал найти подходящее большое помещение, в котором можно было бы показывать кино, и в которое вмещалось бы побольше народу. Помещение нашли очень быстро. По дороге на Динамитку (это такой склад, где хранился динамит и другая взрывчатка), стоял крепкий сарай. Раньше в нём был склад. Огромное такое сооружение. Одним боком оно твёрдо стояло на берегу, а другой бок опирался на сваи, которые были забиты в дно Колотовки. У неё тут как раз была тихая, песчаная заводь.

В этот сарай запросто помещалось человек триста народу. Так что рабочие быстро сколотили будку для киномеханика, приспособив её снаружи, а внутри возвели сцену, на которой была трибуна для собра-

ний, и огромный экран, что сняли с прежнего кинотеатра. Заведение получилось на загляденье.

На бегу Вовка рассказал, что эта идея пришла в голову Валерке Кочневу. Тот уже был почти взрослым – два раза сидел в третьем и пятом классах. И был старше нас на три года. Конечно, ему очень хотелось смотреть уже взрослые фильмы. Вот он придумал такой подземный ход. Я тут же вспомнил, что мы не так давно смотрели кино «Улица младшего сына», про Володю Дубинина, где партизаны прятались от фашистов в подземных каменоломнях. Наверняка Валерка оттуда идею спёр!

Он же, Кочнев, сумел днём попасть в зал клуба и за экраном, где от стены до ткани оставалось ещё метра два, вбил в щель между половыми досками толстый арматурный штырь, который он приволок из механического цеха. Это чтобы не промазать. Получалось, со слов Валерки, прокопать берег под клубом нужно не более метра. И будет не то, что подземный ход, а обычный подкоп. Как в овраге. Всю вынутую землю сыпать в заводь. Так что следов не останется, и можно будет бесплатно ходить в кино всё время, пока ремонтируют кинотеатр! В общем, партизанский отряд в действии. Всё было продумано. А то, что придётся смотреть кино шиворот на выворот, никого не пугало – подумаешь!

Надо сказать, что к концу Вовкиного повествования мне идея понравилась. И мы прибавили ходу, чтобы успеть поучаствовать в мероприятии. Потому что потом Кочнев точно будет пускать в лаз первыми только тех, кто работал. Валерка был справедливым парнем. И хулиганом поэтому. Долго не вникал в суть проблем, быстро делал выводы и бил в лоб. И не разу не ошибся в правоте своих выводов. Так и с учителями бодался, пытаясь добиться правды и справедливости. А если не получалось, прогуливал уроки и оставался на второй год. Так мы его своим пятым «Б» классом и догнали. Вернее, уже шестым «Б» классом. Потому что ровно через три недели наступит первое сентября, и мы с

Вовкой пойдём в шестой класс. Светка, сестра моя, в восьмой. Она тоже успела поучиться с Валеркой. Но потом обогнала его.

Нам было очень жаль, что вместе с нами в шестой класс не пойдёт наш Санюра. Этой весной он здорово простыл, долго болел, и поэтому его мама решила, по совету врачей, уехать в те края, где всегда тепло. И они летом уехали к Черному морю. К Сашкиной тётке. Мы втроём долго прощались на берегу. Помню, я даже заплакал, а Санюра вообще ревел в полный голос и не хотел ехать. Но тут подплыл речной трамвайчик, люди пошли по трапу на него, Сашкина мама потянула сына за рукав...

И мы ещё долго с Вовкой махали вслед уплывающему мимо Первого острова теплоходу. На котором маячила светлая Сашкина голова. Потом они скрылись за поворотом, и мы поняли – это была первая невосполнимая потеря в нашей жизни. Целый кусок её уплывал от нас по Витиму. И с этим ничего нельзя было сделать. Мы остались с Вовкой одни. И нам казалось, что больше уже не будет совместных рыбалок, никто нам больше не почитает своих стихов, не будет изобретать перископы и умничать. Санюра был сыном школьной учительницы и всегда чем-нибудь удивлял нас, вычитав про очередное приключение или интересный прибор из энциклопедии. Мы поняли, что детство вдруг стало меньше на одного человека. Да и шестой класс это вам не третий. Мы уже становились взрослыми и давно прекратили заниматься такой ерундой, как стрельба из поджиги или ловля малявок на банку. И это осталось в каком-то далёком для нас времени.

Мы примчались в клуб вовремя. Валерка уже командовал: кому стоять на страже, поглядывая, чтобы взрослые нас не засекли, кому копать лопатами берег, а кому на носилках относить песок к протоке. Он, как всегда, всё делал основательно и продумано. Увидев нас, Валерка недовольно буркнул:

– Вас только с лучшим искать нужно! Вечно опаздываете!

Но, при этом, он сунул Вовке лопату, а мне ведро, чтобы я им тоже таскал песок.

Работа шла споро. Оказывается, не нужно было копать вглубь, как на гольце в выработках. Можно было просто подкапывать снизу склон берега, он рушился, и мы быстро наполняли носилки и вёдра и только успевали оттащить песок в речку. Не прошло и часа, как Валерка закричал:

– Стоп, машина! Вот он, мой штырь!

Мы побросали инструменты и задрали головы вверх. Там, между оголившихся старых досок и, правда, торчал металлический прут арматуры. Осталось дело за малым – оторвать пару досок от лаг, и сделать проём, через который можно было бы попасть в клуб.

Кочнев послал кого-то из пацанов помладше, чтобы тот посмотрел вокруг – есть ли взрослые? Потому что, если копали мы почти бесшумно, да и ворчание Колотовки скрадывало звуки, то отдираание досок с намертво заржавевшими гвоздями без громкого скрипа вряд ли обошлось бы.

Но время было полуденное. И, конечно, на сто вёрст вокруг никого не было. Кроме нашей бригады землекопов.

Валерка достал откуда-то короткий ломик и стал забивать его под край доски. Сначала у него ничего не получалось, но потом он удачно стукнул, и ломик вошёл между доской и лагой.

– Ну-ка, Вовка, давай вместе! – позвал Валерка моего приятеля. – Хватайся за ломик.

Вовка подпрыгнул и вцепился в железяку. И тут Кочнев резко дёрнул ломик вниз. Раздался дурной скрип, словно по стеклу провели пенопластом, и половица поддалась.

– Пошла, родимая! – обрадовался Валерка. – Дальше уж сам оторву.

Не прошло и пяти минут, как в полу образовалась длинная дыра, через которую, боком, мог пролезть сам Кочнев. Поэтому вторую доску решено было не отрывать.

По одному мы быстро юркнули в лаз и оказались почти в абсолютной темноте. Окна в бывшем сарае, а ныне в зрительном зале, были забиты чёрной тканью. И свет попадал в него только от нашего лаза.

– Эх, не догадались фонарик взять! – вздохнул я.

– Это точно! – проворчал Валерка, в темноте чуть не зашибивший Вовку. – Ладно, чего тут ползать. Давай по одному на выход. Да доску на место воткнём. Есть мел у кого, пометить половицу?

Мела не у кого не оказалось. Какой дурак летом будет его с собой таскать? Поэтому решено было в щель между половицами воткнуть ветку от вербы. Пусть торчит. Так вечером даже проще будет отыскать нужную доску.

Предупредив всю землеройную бригаду, что если кто проболтается, то он того утопит прямо рядом с клубом, Валерка со своими пацанами пошли домой. За ними подались и мы. До начала сеанса было ещё полдня.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О том, как группа мелких шкодников пробралась в поселковый клуб на вечерний сеанс. Трёхметровое кино. «Ой, сейчас он рухнет!» Как ловили в клубе чертей, и что из этого вышло.

Я пришёл домой сразу после того, как мы сделали тайный лаз в клуб. Вовка тоже убежал к себе, потому что мать ему наказала после обеда натаскать воды в бочки в огород. Для вечернего полива. Дом моего друга стоял почти на берегу Витима, поэтому они не проводили себе летний водопровод, и Вовка каждое лето мучился таскать воду. Иногда мы помогали ему с Санюрой, но чаще всего у каждого была своя забота. Да и Санька был дохляком. А Вовка хвастался, что ему никакая гимнастика летом не нужна – натаскать пять бочек воды по двадцать вёдер это рекорд!

Меня тоже заставляли поливать огород. Но мне было проще – маме сделали водопровод, поэтому поливка вечером, когда солнце шло на закат, было сплошным удовольствием. Жара спадала, воздух становился вязким и вкусным от нагретых веток стланика и берёз, что росли

сразу за огородом. И ты стоишь со шлангом и устраиваешь водную феерию на всём огороде. То фонтан прямо в небо, то водяные ворота. А земля жадно впитывает воду и, кажется, что грядки никогда не напьются. Зато здорово смотреть, как пожухлые за день стрелки лука вдруг выпрямляются, кивают тебе белыми от семян головками, словно благодарят. Помидоры, ещё зелёные, вдруг начинают блестеть нежно изумрудным цветом, и ты понимаешь – ещё пару дней, и они переместятся на подоконники в дом, и там будут дозревать. И ещё много крутобоких плодов попадут в прохладную темень внутри диванов, спрячутся в ворохе старых газет, и будут ждать своего часа. И мы со Светкой по утрам будем заныривать каждый в свой диван, и выискивать уже покрасневшие помидоры на завтрак.

Ещё вечером мама просила меня наладить калитку: один шарнир совсем развалился. Шурупы вылетели. И теперь ворота висели на верхней петле, говоря о том, что в доме нет хозяина.

На первый взгляд, работа пустяковая. Однако это только если смотреть со стороны. Я нашёл в ящике с инструментами стамеску, с десяток подходящих шурупов, молоток и отвёртку. И приступил к делу. Сначала снял совсем калитку, а потом стал стамеской аккуратно выбирать новый паз для шарнира. Работа это сугубо кропотливая: нужно точно подогнать глубину паза по толщине шарнира, чтобы он не провалился глубоко, и чтобы потом не застревала калитка. Такой же паз я выбрал и на столбике забора, к которому крепилась вся калитка. Закрепив без проблем на четыре шурупа половинку шарнира на самой калитке, я долго мучился, пытаюсь одной рукой удерживать вертикально воротивину, а другой прикрутить шурупы. Позвать на помощь было некого: Светка где-то шлялась по своим делам, а на улице, как назло, ни одного прохожего. Проковырявшись так с полчаса, я догадался найти несколько дощечек, чтобы подложить их под калитку и таким образом опереть её, чтобы она не была на весу. Тут я понял глубину поговорки, что нам читали на литературе: «терпение и труд всё перетрут». Можно ж было плюнуть и ждать, когда придут

или Светка, или мама и быстро потом доделать. Но это означало бы опять ехидные подковырки сестры, что я не мужик, и сам, без её помощи, ничего сделать по дому не могу. Не-е, лучше застрелиться, чем её подковырки слушать!

Дело пошло быстрее, и вскоре я уже проверял работу калитки – она открывалась и закрывалась безо всякого труда! Мне захотелось ещё что-то сделать, и я решил прикрутить к столбику вертушку. Чтобы вместо веревочной петли, которая накидывалась на штaketину, калитка закрывалась на красивую вертушку.

Сказано – сделано! И буквально за какие-то полчаса я выстрогал из дощечки красивую вертушку, просверлил коловоротом отверстие и поставил закрывашку на место. Всё получилось как надо. «Вот мама обрадуется!» – подумал я. Всё-таки хорошо, когда головой думаешь сам, а не только просьбы исполняешь.

Так как больше домашней работы не было, я взял Светкину недочитанную книгу про рыцаря Айвенго и полез на крышу веранды: Светка мне не разрешала брать её книги. Но на крыше ей меня не достать! А у меня там стояла раскладушка и, лёжа на ней, было классно читать книжки. Заодно и осматриваться окрест – дом стоял на опушке, и с крыши было видно половину посёлка.

Однако почитать мне не удалось. Я не заметил как меня скемарило и я, не прочитав и пару страниц, заснул. И проснулся как заполошенный. Потому что стало существенно прохладней, а, значит, уже наступил вечер! И, скорее всего, я проспал сеанс в клубе!

Я кубарем скатился с крыши, метнулся на кухню, чтобы глянуть на ходики. Часы показывали около шести часов вечера. Сеанс начинался в семь. Значит, у меня ещё целый вагон времени!

– Ты чего это такой взъерошенный? – спросила мама. Она готовила ужин у плитки. Как я понял, мои любимые котлеты.

– Да я думал, что опоздал! – торопливо ответил я, заглядывая маме под руку. – А котлеты уже есть?

– Через полчаса будем ужинать, – сказала мама. – Подожди. Иди лучше в огород и нарви гороху. Там ещё должны были остаться стручки. Мы его на гарнир сделаем. Ты как?

– Ма-а-а, мне некогда! – выпалил я. – Мы с Вовкой в кино идём!

И тут же понял, что влип! Это же была тайна. И я её выдал!

– Какое кино? – мама подняла брови. – Мне показалось, что сегодня взрослый сеанс. Детей не пускают.

– А где Светка? – спросил я, пытаясь увильнуть от прямого ответа.

– Я откуда знаю? – ответила мама, продолжая стряпать котлеты. – Бродит где-то. Так ты мне не ответил – что за кино такое спешное?

– Да ни какое это не кино! – начал отмазываться я. – Это мы собрались у Колбиных новые диафильмы посмотреть. Ты же знаешь, им отец привёз такую приставку, что вместе с диафильмом крутится пластинка, и актёры озвучивают роли. Не нужно самому читать подписи.

– Вы что, маленькие что ли? Это же для дошколят да для начальных классов.

– Не-а-а, ма-а-а, там про Мальчиша-Кибальчиша есть фильм. Про Анику-воина. А почему это вдруг взрослым пацанам нельзя посмотреть диафильмы? – перешёл я в атаку. – На взрослое кино нельзя, диафильмы только для маленьких! А нам куда деться?!

Возмущение моё было настолько неподдельным, что мама махнула на меня рукой, отрезала от буханки белого хлеба два тонких ломтя, положила между ними пару котлет и завернула весь бутерброд в кальку: это такая прозрачная бумага, на которой мама на работе схемы гольцов рисует. У нас её целый рулон на кухне стоял. В эту кальку мама всегда заворачивала нам и себе обеды на работу и в школу, а мы со Светкой отрезали на всякие школьные нужды: через кальку хорошо было переводить картинки для стенных газет.

Я сходил в свою комнату и достал из шкафа лёгкую курточку: дело близилось к концу лета и вечера уже были прохладными. Возвращаться, надо полагать, мне придётся ближе к девяти часам вечера, уже в сумерках.

Запихнув в карман куртки свёрток с бутербродом, я, чмокнув маму в щёку, выскочил на крыльцо и скорым шагом пошёл в сторону клуба. На дороге туда практически никого ещё не было: взрослые обычно приходят под самый «занавес», а ребят не было видно: наверное, все уже собрались на берегу, под самым клубом.

У лаза оказалось человек пятнадцать пацанов. Похоже, не только я не удержался и выдал тайну – почти половина из тех, кто сейчас сидел под навесом, в рытве прохода не участвовали. Это были друзья и братья землекопов. Валерки ещё не было, и все сидели при тихими. Никто не знал как среагирует на такое предательство Кочнев.

Но Валерка сам пришёл не один, а с другом. Поэтому, хмыкнув, не стал устраивать разборки. Он аккуратно вынул помеченную веткой доску, и мы услышали отдалённый гул зала. Клуб постепенно наполнялся зрителями.

– Подождём, когда выключат свет и начнётся кино, – сказал Валера. – Сейчас заметить могут.

Мы уселись кто где как смог и стали ждать. Казалось, время остановилось. Всё замедлилось, и только Колотовка по-прежнему катилась на встречу с Витимом.

Наконец, яркий конус света из отодвинутой доски исчез, и тут же появился другой, мерцающий, свет. И донеслась музыка: фильм начался!

Выждав несколько минут, Валерка Кочнев дал команду:

– Я первый! Остальные тихо-тихо за мной. Запомните, экран справа, а слева до стены метра два. Вот туда и ложимся. Всем ясно?

Мы, как китайские балванчики, закивали головами. Народ собрался взрослый, пятый-шестой классы. Объяснять по десять раз не нужно. Это вам не малышня.

Я, совсем не кстати, вспомнил, как всего пару лет назад, в нашем разведском красном уголке, где тоже по выходным показывали кино, мы с Вовкой в перерывах, пока киномеханик менял бобины с плёнкой,

залазили на скамейку и орали почём зря нашу любимую песню про крейсер «Варяг»:

Наверх вы, товарищи! Все по местам.

Последний парад наступает!

Я от этих воспоминаний невольно хрюкнул, потому что и здесь получалось «наверх вы, товарищи...». Но тут же получил толчок в спину от Вовки:

– Чего хрюкаешь?! Лезь, давай!

Мы полезли. Боком вполне свободно я протиснулся в зал, легко отжавшись руками от половиц. И сразу откатился влево, к стене, чтобы не мешать идущим следом. При этом я понял, что бутерброд в моём кармане превратился в лепёшку.

Уперевшись спиной в стену, я устроился поудобней. Вовка пристроился рядом. Прямо перед нами возвышался гигантский экран! Обычно, глядя из зала кинотеатра, его огромность не поражала. Там расстояние от твоего кресла до него бывало приличное. А тут! Каких-то два метра – и сплошная белая, светящаяся стена, которая, казалось, уходила высоко в потолок. И на тебя наступали трёхметровые фигуры. Они говорили ужасно громкими голосами, и приходилось быстро двигать глазами, чтобы охватить всю картину размером примерно три на пять метров. А то и больше.

Наши землеройщики всё прибывали. Мне они уже все ноги оттоптали в поисках участка для своего тела. Набралось почти двадцать человек. И всем хотелось улечься как можно удобней, чтобы, задрав голову, можно было всё увидеть. В общем, назревала ситуация неуправляемого хаоса. Уже несколько непрошенных гостей упёрлись ногами в нижний брусок рамки экрана. От чего тот слегка шевельнулся. У меня в душе всё захолонуло: не хватало ещё, чтобы экран рухнул. Об этом же, наверное, подумал и Валерка, который цикнул сквозь зубы, чтобы все затихли, и даже двинул кого-то ногой, чтобы тот успокоился. Но получилось всё не так, как он хотел. Тот, кого он двинул, тоже передал движение впереди лежащему. А тот пнул ...

раму! Экран заколебался сильнее. Те, кто лежал рядом с ним, с испугу ухватились руками за нижнюю поперечину, пытаясь остановить колебание экрана. Но, как оказалось потом, нижний брусок не был приколочен к полу сцены, а верх был прихвачен, что называется, «на живую нитку», с полным убеждением, что потом кто-то прибьёт всё это как следует. Поэтому экран держался на честном слове и под собственной тяжестью. Когда пацаны, пытаясь удержать экран, схватились за нижний брус, они невольно потянули его на себя, справедливо полагая, что верхний брус, как минимум, надёжно прибит к потолку. Экран сделал два нерешительных движения взад-вперёд. Кто-то успел крикнуть: «Ой! Сейчас он рухнет!» И в это время, ускорясь, экран повалился верхним своим краем в зал! Пара сотен зрителей ахнули одновременно. А передние два ряда отметились отличным знанием трёхэтажного мата: экран накрыл своей площадью как раз эти ряды!

Картина была дикой! Никто ничего сначала не понял: киногерои ринулись в зал, потом сверху что-то прилетело на голову, а на сцене несколько десятков чертей что-то отплясывали!

Черти – это были мы! Потому что, оказавшись внезапно безо всякого прикрытия, ребята подскочили как ужаленные. В один миг мы были высвечены мощным потоком света. Тени героев фильма метались по нам, мы метались по сцене, совсем забыв, что в полу есть единственный выход: прорываться через зал никто из нас не рискнул. И тут раздался мощный рёв Валерки Кочнева:

– Пацаны! Агас!

И он первым рванул к щели в полу...

Я не знаю, как мчались на палубу матросы крейсера «Варяг», но мы ссыпались в дыру в один момент, прыгая друг другу на головы и разбегаясь в разные стороны в надвигающихся сумерках, словно партизаны из бессмертного фильма нашего киномеханика «Партизан просто Саша».

За нашими спинами в клубе творилось нечто не понятное. Все кричали, чтобы срочно включили свет, вызвали участкового, чтобы ловили чертей, и ещё непонятно что. Но нам некогда было вслушиваться: мы летели кто по дороге, кто вдоль неё по берегу реки подальше от неудавшегося просмотра.

Потом в посёлке долго ходили слухи, как в клубе кто-то взорвал экран, как на сцене плясали черти, и как они потом внезапно провалились под пол. Все как один! И никто никого не поймал.

Что замечательно? Никто из нелегальных посетителей того киносеанса не проговорился. И тайна гастролей чертей в поселковом клубе так и осталась тайной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О том, кто такой дядя Юра и как мы ходили в тайгу за кедровыми орехами. Поездка на лошадях и чем плох лесной мох.

На следующее утро после неудавшегося кинопросмотра к нам в гости зашёл дядя Юра. Он работал шофёром в геолого-разведывательной партии и дружил с мамой. Обычно он приезжал к нам на своём маленьком мотоцикле, который звался в посёлке «козлёнком». От него больше было треску и дыму, чем силы. И, тем не менее, дядя Юра с мамой умудрялись вдвоём на этом чуде мотоциклетной техники ездить в тайгу за грибами и ягодами: машину брать мама запрещала категорически! Смешно было смотреть на эту пару: моя маленькая, но круглая мама и огромный, похожий на медведя, дядя Юра ехали не понятно на чём! Это «нечто» гремело, дымило, но упорно лезло в горку и стремительно катилось с неё. Зато наша парочка регулярно привозила с собой полные горбовики брусники и черники или волнушек и груздей. Они оба знали тайгу как свои пять пальцев, и все грибные и ягодные места были для них открыты. У нас в кладовке всегда стояли большие фанерные ящики, засыпанные ягодой. Лично мне нравилось зимой набить карманы телогрейки промёрзшей брусникой или рябиной и пойти в кино. И там, в темноте зала, есть это невероятно вкусное и холодное лакомство. Еще мы любили сухую черёмуху. Её мы сначала ели ранней осенью, прямо с кустов. А потом, зимой уже, заготавливали и на муку для стряпни, и погрызть вечером с книжкой.

Как собирать черёмуху зимой меня научил мой двоюродный дед. Он работал в лесничестве егерем. Под кустом черёмушным расстилается большая простыня. Затем я залажу на дерево и сильно трясу его. Обычно на кустах с осени остаётся много черёмухи. Она летит прямо в простыню вместе с кисточками. И так от куста к кусту. Быстро и здорово. Ягоды сыпашь в мешок и домой тащишь.

Дома перебираешь её от веточек, а мама досушивает потом в печной духовке. И пожалте в полотняный мешок под стреху в кладовке. Там таких разных мешков и мешочков к зиме скапливается изрядно: лес сытно кормит, если знаешь что брать, где брать и сколько брать!

И вот дядя Юра приехал звать нас в тайгу, за шишками! Кедр уже поспел, и в посёлке давно появились орехи свежего урожая. Мы с парнями ходили в ближайшую тайгу, лазили на кедр, обламывали шишки. Но разве это добыча?! Измажешься весь в смоле, а принесёшь десяток шишек. Мы их, молочные, обычно в котелке или ведёрке на костре варили. Очень вкусной получается варёная шишка. Но на зиму нужен орех. Чтобы можно было потом сидеть на диване, щёлкать его и читать Жюль Верна. Или Конан Дойля. Да любая книга становится интересной с кедровыми орехами!

Мама сразу отказалась ехать на выходные в тайгу: свои дела дома, огород, ещё причины какие-то. Но меня отпустила безоговорочно. И то правда – шестой класс это вам не хухры-мухры. Вполне самостоятельный человек. В войну мои одноклассники уже партизанили вовсю. Но я тут же попросил дядю Юру взять с собой Вовку. Во-первых, друг. Во-вторых, он сильный и помощь будет очень кстати. В-третьих, я просто не мог не спросить. Не по-товарищески это было бы.

Дядя Юра почесал затылок:

– Вовка, это хорошо. Это просто здорово! Вот только втроём мы на мой мотоцикл не поместимся точно!

– А как же ты хотел, что бы мы втроём ехали? – прищурилась мама.
– Не иначе, как что-то задумал?

– Да ничего я не задумал! – засмутился дядя Юра. – Я, это, машину хотел попросить. Ну, продукты нужно с собой, мешки там. Опять же как орех вывозить, на мотике что ли?!

– Юра! – рассердилась мама. – Мы договорились больше не возвращаться к этой теме! Это государственная машина и поэтому я не могу её брать для своих личных нужд. Сколько раз тебе нужно это повторять?!

Когда мама сердится, тут только держись. Наверное, дядя Юра, или Гордей, как мы его называли между собой, потому что его фамилия была Гордеев, знал об этом и поэтому быстро стушевался. Но он был мужик, всё же. И поэтому попытался бороться:

– Валь, ну ведь все же берут машины в гараже! Почему ты такая!? Что тут такого, что мы не можем взять машину? Бензин я куплю как положено. Зато с комфортом можно доехать и переночевать в «Газике».

– Я – не все! – отрезала мама. – Ты не представляешь, какие сплетни сразу поползут по посёлку! Мало ли, что ты заплатишь за бензин. Это никого не интересует. Все будут говорить о том, что начальник партии использует государственную технику в личных целях. Это – неправильно!

– Вот! Опять на кол мочало, начинай всё с начала! – завёлся и дядя Юра. – Почему у тебя всё не как у людей?! Всем можно, а ты особенная?

Я понял, что сейчас грянет буря! Я свою маму хорошо знаю, не раз такие бури проносились над моей головой. Но я-то был маленький, и бури были маленькие. Но то, что сейчас могло произойти, это кино и немцы! Мама подпёрла бока своими миниатюрными кулачками, сделала шаг правой ногой вперёд, открыла рот для первого уничтожающего залпа, и ...

– Мам, а давай мы с дядей Юрой и Вовкой лошадь с телегой возьмём? – встрял я. – Как думаете, дядя Юра? Мам?

Мама так и застыла с открытым ртом, поражённая тем, видимо, что заряд для залпа пропадает даром. Не ответить мне она не могла, потому что предложение было деловым. Продолжать ссору с Гордеем смысла не было, так как исчез сам предмет спора – ведь я предложил какой-то никакой выход!

Мама и дядя Юра так и застыли друг против друга, как два петуха во дворе. Вроде хотели подраться из-за зёрнышка для курицы, а тут им кто-то сыпанул хорошую жменю зерна. И причины для драки как не бывало. Аж обидно!

– Лошадь, конечно, другое дело, – промямлил первым дядя Юра. – Оно, конечно, тоже ничего...

– Почему бы нет? – пошла навстречу Гордею мама. Она злиться долго не умела, а тут ещё выход вполне приемлемый получился. – Нет. Почему же и лошадь не взять-то? И она прогуляется, и всем хорошо. Я сейчас на конюшню позвоню, пусть лошадей дадут и бричку.

– Не-е-е, – заупрямился снова дядя Юра. – Зачем нам бричка? Не बारे какие. Нам подвода нужна. Сена набросаем, в тайгу ехать мягко будет. А обратно ловчее мешки с орехом везти.

Конечно, на телеге удобней. Я уже представил, как мы с Вовкой развалимся на пахучем сене, подложив под голову спальные мешки. Впереди дядя Юра правит лошадью и тайга кругом. И тишина. И ... медведи! К машине, к запаху бензина они не полезут. А вот к лошади!

– Дядя Юра! А вы ружьё возьмете?! Вдруг зверь? На лошадей он, наверное, сильно охоч?

– Ружьё я, конечно, беру всегда с собой. Но не против зверя – он сейчас сытый, не полезет. А вот рябчиков пострелять на ужин... Это уж вы с Вовкой займётесь!

Я аж задохнулся от восторга! Это даже во сне не снилось! Конечно, мы уже много раз стреляли из мелкашки, из маминога карабина, и даже из её револьвера. Но чтобы вот так, по-взрослому поохотиться на рябчиков? Такого ещё не было. Мне захотелось побежать к Вовке, чтобы его предупредить о предстоящей поездке в тайгу. Ему же тоже нужно успеть собраться, рюкзак упаковать, еды набрать.

– Мам! Я к Вовке сбегаю? А то времени у нас в обрез же! Дядя Юра! Мы когда выезжаем?

Гордей посмотрел на часы, потом на маму, потом на меня:

– Давай так – мы сейчас с мамой твоей всё обговорим, а ты дуй к Вовке. И скажи, что мы к нему заедем часа в три дня. Пусть дома ждёт. Думаю, успеет собраться? Нам пару часов на дорогу, пока разведаем кедрач, пока колот сделаем, там уже и сумерки. А в субботу с утра пойдём шишку бить. Он знает, что с собой брать?

Кто ж из парней не знает, что нужно с собой брать в тайгу?! Сухари, тушёнку, пару банок сгущённого молока, вермишели пачку, спички и фонарик. Топор обязательно. И если есть – спальный мешок. А если нет, то и лапник еловый согдится под спину. Только не мох! Мы как-то на рыбалку с Вовкой и Саней ходили в прошлом году. С ночёвкой. Сделали тент над головой из куска брезента, а мешковину, что у нас была, постелили на землю. Вот тут Вовка и предложил мху нарвать и под мешковину напихать. Мол, шикарная перина получится. Конечно, мох он всегда мягкий, пока не высохнет. Это потом он жёстким и колючим становится.

Ну, нарвали мы мху. Выстелили им пол нашего шалаша и накрыли всё мешковиной. Насторожили донки и закидушки, поели, чай попили у костра и спать завалились. Чтобы на зорьке клёв не проспять.

А ночью возьми, да и дождь пойдя! Мелкий такой. Стучит по брезенту, мы радуемся, что догадались взять его да крышу натянуть над собой. Потом чувствуем, вроде снизу мокнем. Хотя и не должны бы. Дождь с крыши стекает мимо мешков. Но спать стало неудобно – мешковина основательно стала влажной. Так мы до утра и промаялись – как тут уснешь, когда сверху вода и снизу вода? Слава Богу, хоть рыба ловилась нормально. Мы вытащили тогда пару налимов почти по килограмму, несколько ельцов и даже три окуня. В общем, утро даром не пропало. Потом, поздней осенью у нас гостил мой дед-егерь. И в наших неспешных разговорах я ему рассказал этот случай с постелью из мха. Он долго смеялся. Потом подвёл к окну и показал на белый мох, что мы с мамой всегда осенью выкладывали между рамами.

– Как думаешь, для чего твоя мать сюда мох кладёт? – просил дед.

– Для красоты! – ответил я, не задумываясь. Потому что рябиновые красные кисточки на белом мху были и правда очень красивыми.

– Красота здесь на втором месте, – усмехнулся дед. – А на первом месте стоит способность мха впитывать в себя влагу. Поэтому у вас

стёкла не запотевают. И вам всё видно зимой. Ясно, что с вами в шалаше произошло?

Я сразу всё понял! Шёл дождь. Влажность воздуха повысилась, и наша подстилка стала её впитывать в себя. Этот урок мы запомнили на всю жизнь. И поэтому теперь, по необходимости, рубили еловый лапник, и он бывал мягче всякой постели.

Через пятнадцать минут я был уже у Вовки. Он, когда услышал от меня такую сногшибательную новость, закружил по двору от радости. У него тоже не было отца, но и такого друга, как Гордей, у него не было. И поэтому он мне сильно завидовал. Я его понимал. Потому что мы с дядей Юрой возились и с мотоциклом, и ружьё у него было, и он мне велосипед помогал чинить. Да и вообще – взрослый мужик в доме, хоть и не живущий всё время, а приходящий в гости, это взрослый мужик. А у Вовки была только мама, которая работала в магазине. И поэтому часто бывавшая сердитой. Будешь такой, когда целыми днями или склочные тётки в очереди скандал устраивают, или пьяные мужики выпрашивают пол-литру под честное слово. Вовка часто попадал под горячую руку, и после этого он либо приходил ко мне, либо долго сидел в нашем укромном месте над Витимом и просто смотрел вдаль. Что он там видел, я не знаю. Но я старался в такие периоды не беспокоить друга: у каждого у нас должно быть время для самого себя. Я вспоминал, как нас очень удивил Санька, признавшийся как-то в третьем классе, что пишет стихи. У него тоже было своё укромное местно.

Сговорившись, что Вовка отпросится на выходные у матери и соберёт свой рюкзак сам, я снова помчался домой. Пятки так и чесались: скорей бы, скорей бы, скорей!

Дяди Юры дома уже не было. Мама сказала, что он пошёл на конный двор за лошадью. И что приказал мне сидеть и ждать его. И, конечно, собираться.

Рюкзак с открытой горловиной стоял на диване. А рядом мама складывала всё то, что мне нужно было взять с собой. Получалась такая приличная куча, что я не вытерпел:

– Мам! Ну, зачем мне столько вещей с собой брать?! На улице жарень, а ты свитер складываешь, носки тёплые? Кто это всё таскать будет?!

– Лошадь! – лаконично ответила мама. – А ночи уже прохладные стали. Ты ещё вспомнишь ночью меня. Был в кедраче хоть раз?

Смешная! Кто же не был? Конечно, был.

– Помнишь, как там сумрачно и даже днём прохладно?

Тут она была права. Кедровые очень высокие и разлапистые. Они частенько закрывают небо своими ветвями, и, действительно, днём в кедровых падах стоит сумрак. Не поспоришь.

Мама принесла из своей комнаты аптечку в кожаной сумочке и положила рядом с рюкзаком.

– Здесь мазь от комаров. Сейчас их, конечно, не так много. Но вечером налетят. Тут вам на всех хватит этой мази. И бинт с йодом кладу. Всякое бывает. Воду из болота не пейте, прохватит. Не каждый бочажок с хорошей водой. Лучше ключик ищите. Где твой котелок? Тащи сюда!

Я сбегал на веранду и притащил котелок и моток лески с несколькими крючками.

– Это правильно! – похвалила мама. – Если станете лагерем у Колотовки, можно попробовать хариуса поймать на закате. Тогда бери ещё и мушки. Ну, да Гордей знает, где стоянку сделать. У реки, конечно, хорошо – гнус и комаров сквознячок сгоняет. Только вот у нас Колотовка по кедрачам почти не течёт. Там посмотрите. Лагерь можно и на берегу сделать, а шишку бить ходить в распадки.

В хлопотах время проскочило незаметно, и мы с мамой вздрогнули, когда за окном зафыркала лошадь: дядя Юра пригнал подводу.

– Готов, Серёга? – прямо с порога пробасил дядя Юра. – Карета подана! Пора ехать.

Я схватил свой рюкзак и ринулся во двор, словно мама могла передумать, а лошадь уехать без меня. У ворот на улице стояла подвода с рыжей кобылой Машкой. Мы с ней были знакомы, потому что не раз

я запрягал её, и мы с ней возили с Витима воду домой. Сама телега была завалена сеном, у облучка притулился рюкзак дяди Юры, чехол с ружьём, связка мешков под орехи и большая берёзовая чурка. А так же топор, пила и ещё какой-то инструмент.

Забросив туда же свой бутор, я запрыгнул в телегу. Через несколько минут пришёл Гордей. Уселся, хлопнул вожжами, чмокнул губами, и мы потрусили по улице в сторону Вовкиного дома. Тот уже ждал нас у калитки. Пузатый рюкзак стоял у его ног.

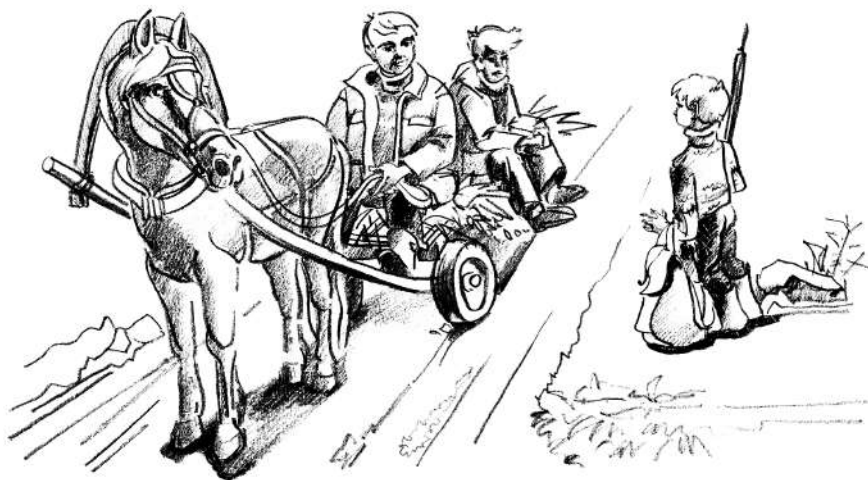
– Во мать нагрузила! – небрежно кинул Вовка, с натугой поднимая рюкзак в телегу. – Помогай, давай!

– Она тебе гранаты положила, что ли? – усмехнулся дядя Юра. – В партизаны пойдём?

– Какие там гранаты?! – засопел носом Вовка. – Тушёнки нагрузила. Будто мы на неделю едем.

– Тушёнка, это здорово! – обрадовался дядя Юра. – Это очень хорошо. И не ругайся на мать. Она права – в тайге закон такой: едешь на день, бери продуктов на неделю. Не переживай, всё слопаете. Как говорится, не полопаешь, не потопаешь!

Вовка залез на телегу, развалился на сене и скомандовал:

– Эй, ямщик! Трогай полегоньку!

Дядя Юра крикнул от такой наглости, щёлкнул вожжами, и мы закачались на телеге, как на мелкой речной волне.

Приключение наше началось!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Шалаш из телеги. Колот-молот. А так же о том,
что кедровка птица умная, но забывчивая.*

Таёжная дорога это тебе не городской асфальт! Телегу качало и бросало из стороны в сторону, и нам с Вовкой казалось, что мы попали в настоящий шторм. Корневища вековых сосен переплетались между собой во что-то напоминающее рыбацкую сеть с очень толстой верёвкой и крупной ячейей. Иногда прямо посередине этой старой и давно заброшенной дороги выростала целая берёза или ольха, и тогда мы с Вовкой соскакивали с телеги, брали в руки топоры и срубали деревца под корень, чтобы лошадь смогла протащить наш «обоз».

Ближе к вечеру дорога стала песчаной, корни почти исчезли и мы, наконец-то, въехали в кедрач. Над головой закачались величественные мохнатые кроны вековых кедров в три обхвата. Это если нам с Вовкой обхватывать. Разлапистые ветки начинались так высоко, что мы заперевивали – как же оттуда шишки добывать? А шишек было видимо–невидимо! Все верхушки кедров были усеяны тяжёлыми гроздьями сизых шишек. Именно гроздьями! В соцветии было по пять–шесть крупных шишек.

– Представляешь, такая тебе по башке прилетит? – почесал затылок Вовка. – Мало не покажется.

– Не стой где попало! А то ещё попадёт! – засмеялся на эту реплику дядя Юра. – Шишка шишку обязательно кому-нибудь набьёт. Это точно! Не было ещё такого случая, чтобы кто-нибудь из подбиральщиков не получал привет от кедра.

– А мы скоро приедем? – спросил я. – Вон сколько шишек уже. Чего ещё искать? Становимся тут?

– Не-е, Серёга! – протянул дядя Юра. – Эти кедровые шишки можно только бульдозером колотить. Видишь, какие толстые? Не один колот не справится. По нему чем угодно бей, он даже не шелохнётся. Потерпи немного. Скоро приедем. Там молодой кедрочек, сподручный. И становище есть. С инструментом. Не руками же шишку шелушить! – снова засмеялся дядя Юра. – Да и вода нам нужна. А там ключик рядом журчит.

Телега плыла по песчаннику, и стройные стволы кедров стояли как почётный караул. Потом они внезапно кончились, и мы въехали в небольшой берёзовый лесок, остриём вклинивающийся в кедровый массив. И, буквально через пять минут, Гордей остановил лошадь:

– Стой! Приехали!

Мы спрыгнули с телеги и осмотрелись. Подвода стояла у края небольшой поляны. Вокруг был березняк, и на противоположном краю полянки виднелось старое кострище, какое-то сооружение из срубленных стволов в виде пирамиды, лежали какие-то ящики. Слышно было, как где-то в траве журчит ключик. И больше ничего не было слышно. Потом вдаль закричала птица: кэrrrr-кэrrrr, кэrrrr-кэrrrr. Голос такой скрипучий и противный.

– Вот! Хозяйка недовольная бурчит, – улыбнулся дядя Юра. – Это кедровка нас услышала. Она тут первая начинает хозяйничать. Ничего, скоро успокоится. Это она нас предупреждает, что шишки в лесу её. Ладно, разберёмся ещё – чьи в лесу шишки, – засмеялся Гордей. – Ну, разгружаемся. И устраиваемся на ночлег. Серёга, Вовка! Давайте в лес, собирайте сухостоя на костер. Видите, где кострище? Вот туда и таскайте. Только глубоко в лес не заходить! Тут заблудить легко. Надо пообвыкнуться сначала. Ясно? А я пока лошадь распрягу, да хозяйство наше осмотрю.

Вовка взял свой топор, я свой, и мы пошли на поиски сухостоя и коряжин, которых всегда так много в настоящей тайге. За полчаса мы

натаскали довольно много валёжника: от тонких упавших стволов ёлок до корневищ старых кедров. Но дядя Юра дал нам ещё пилу и сказал напилить берёзы потолще:

– Надью делать будем, – сказал он. – На всю ночь тепла хватит.

Мы уже знали от моего деда, что такое надья, да и сами на рыбалке её делали. Ничего сложного. После того, как на костре сварится ужин и чай, в землю с обеих сторон кострища, вбиваются четыре кола. Потом берётся два-три толстых бревна посуше, и укладываются между этими кольями друг на друга. Брёвна горят неспешно, дают много жара. И по мере сгорания нижнего бревна, загорается второе, потом третье. По очереди. Никому не нужно караулить костёр и подкидывать дрова – он сам собой горит. Поэтому можно спокойно спать, не опасаясь, что костёр потухнет.

Напилив брёвен, мы нашли недалеко ельник и нарубил лапнику для шалаша. Дядя Юра предлагал нам спать в телеге, мол, зачем я тогда сено брал? Но сено нужно и лошади, да и поперх еловых лап его неплохо набросать бы. Потому что мы с Вовкой задумали сделать

шалаш из телеги. Мы её подтащили поближе к кострищу безо всякой лошадиной силы: Машка, стреноженная дядей Юрой, уже щипала траву поблизости. Еловым лапником мы быстро обнесли всю телегу, втыкая одним концом лапу в землю, а другой, засовывая под ограждение телеги. Вход оставили только сзади. С видом на костёр. Чтобы тепло от него поступало в наш шалаш. Набросали лапник под телегой, накинули на него сена, а потом брезент расстелили. Получился такой шикарный домик, что Гордей тоже захотел с нами ночевать под крышей, а не на телеге сверху.

Между тем, он наладил себе колот. Оказывается, для его изготовления он и вёз с собой в тайгу берёзовую чурку. Колот – это такой огромный молоток, чтобы сбивать шишки с дерева. К тяжелой берёзовой чурке накрепко крепится рукоятка из берёзового ошкуренного ствола. Метра два с половиной-три в длину. Один конец этой рукоятки упирается у корня кедра, потом весь этот огромный молот-колот отводится назад, и со всей силушки забойщик бьёт по стволу берёзовой чуркой. Дерево сотрясается, и спелые шишки градом сыплются на землю! Вовка тут же захотел испробовать этот чудо-агрегат, но дядя Юра остановил его:

– Давай-ка, на завтра всё отложим. Сейчас кашеварим, ужинаем, и отдыхаем. Нам завтра всем работы по самые брови хватит. Ещё сгибни нужно сделать, решёта проверить. Поэтому, Вовка – ты за повара, а мы с Серёгой пойдём инструмент готовить.

Сгибень, оказывается, это обычный мешок. А называется он так потому, что когда наполнится собранными с земли и мха шишками, в три погибели сгибает человека! Мы с Гордеем сделали два сгибня: в один уголок мешка кладётся или картофелина, или, если есть рядом, шишка. Вокруг неё обвязывает один конец верёвки, а второй привязывают у горловины мешка. Верёвка перекидывается через плечо, наискосок к бедру и горловиной на грудь. Вот и ходишь от дерева к дереву и собираешь упавшие шишки. Так мне пояснял дядя Юра, ловко завязывая узлы.

Потом мы пошли к той странной конструкции в виде пирамиды. Это были три шеста, составленные верхушками вместе и упёртые сильно в землю. Так раньше военные винтовки составляли – я видел в книгах. На вершине этой пирамидки был привязан крюк из толстой проволоки, а рядом лежали два больших ящика с днищами из жести. В жести были просверлены отверстия. Получалось большое сито или решето.

Дядя Юра достал из рюкзака тонкую верёвку и стал привязывать ровные отрезки к каждому углу ящиков. Для этого там были прибиты проволочные ушки. Потом он соединил все верёвки в один узел, и привесил конструкцию на пирамиду.

– Так, одно дело сделали, – удовлетворённо кивнул головой дядя Юра. – Теперь нужно осмотреть машинку для шишки. Где-то мы её в прошлом году здесь, в кустах, прятали. Сейчас найдём.

Вскоре он приволок странную штуковину. Это был длинный, метра в полтора, круглый вал, из которого торчали в разные стороны деревянные шипы. Затем дядя Юра нашёл в кустах козлы, подобно тем, на которых мы дома дрова пилим. Только на них был сколочен ящик без крышки и с щелью внизу. И прорезь, куда Гордей тут же приладил свой вал. Затем из кустов появилась ручка. Пять минут, и непонятный механизм был собран.

– Ну, что? – спросил дядя Юра. – Сегодня опробуем машину или на утро оставим? Ладно. Оставим на утро. Не будем гнать лошадей. Алло, кашевар? – крикнул он Вовке. – Ужинать скоро будем?

Костёр у Вовки весело трещал. Из котелка, что висел на длинной жердине, валил пар.

– Скоро! – ответил Вовка. – Сейчас тушёнкой заправлю, и можно будет есть.

Мы пошли к кострищу. Дядя Юра по пути прихватил свой и мой рюкзаки из телеги. Потом мы с ним расстелили кусок брезента. И он стал доставать хлеб, огурцы, зелень огородную, бутылку морса брусничного. И каждому по миске с ложкой.

Кедровка, что трещала весь вечер, видимо, успокоилась. Мы пока не покушались на её добро. И теперь в вечерних сумерках иногда только доносилось её довольное урчание: тью-у, тью-у, тью-у.

– Вот баба без памяти, – засмеялся дядя Юра, нарезаая своим ножом крупные куски хлеба.

– Почему? – спросил я, разрезая огурцы по вдоль и соля их крупной солью.

– Потому что эти божьи твари очень горазды шелушить шишку. С такой скоростью, что белка не угонится. Набивают клюв орехом и потом прячут его про запас. В мох, в листву под куст, просто в землю могут зарыть. И забывают куда спрятали. Что-то затем находят, съедают, но много «кладов» остаётся в земле. Вот потом из этих орехов вырастают новые деревья.

– Ну, так они, значит, молодцы! – заметил подошедший Вовка, и поставил котелок с варевом в середину нашего стола. – Лесникам помогают.

И добавил:

– Кушать подано, давайте жрать!

– Ух, ты! – воскликнул дядя Юра. – Тушёночка с вермишелью! А сейчас мы в неё ещё лучок добавим и перчик. Никто не против? – просил он.

Мы замотали головами – и лук, и перец, и чеснок мы ели с детства. Без них и хлеб не хлеб. Это же обычное дело – ломоть чёрного хлеба с крупной солью и перцем, дикий лук или чеснок, и на весь день на берег Витима. Безо всякого обеда обходились.

Еда на свежем воздухе да ещё в тайге, это вам не ужин дома. Здесь ешь так, что за ушами трещит. И то слово: ехали долго, свежий воздух, поработали. Вот тебе и аппетит. Я давно заметил – летом он всегда лучше. Наверное, потому, что зимой, всё же, больше времени в помещении проводим. То в школе, то дома. А летом носишься как угорелый веник, вот топливо тебе и нужно.

Ели быстро и молча. Только ложки гремели о дно мисок. Каких-то десять минут, и чашки опустели. Вовка снял с костра закопчённый чайник. Я достал пачку печенья, банку сгущённого молока, и мы приступили к кайфу. Растягивали удовольствие, прихлебывая из больших алюминиевых кружек обжигающий чай, и закусывая это всё печеньками со сгущёнкой...

ГЛАВА ПЯТАЯ

*«Чи в лесу шишки», или о том,
что добытым делиться нужно. Кручу-верчу, орех хочу!*

Постепенно темнело. На небе просыпались первые звёзды. Трава стала прохладной и волглой. Дядя Юра начал готовить надью. Вбил четыре вырубленных кола по разным сторонам костра и нагрузил сразу три бревна, что мы напилили с Вовкой. Весело затрещала берёста, потянуло вкусным запахом. Мы с приятелем вспомнили, как несколько лет назад, в пионерском лагере научились делать дёготь из бересты и рассказали об этом Гордею.

Он одобритительно покачал головой.

Хорошо было лежать у костра. Мирно. Вкусно. Где-то высоко, и невидимо уже в чёрном небе, гудели о своём кедры. Кедровка больше не ругала нас – наверное, уснула. Изредка ухала далеко в лесу сова. В траве, порой, шуршали мыши-полёвки. Видимо, запах нашей пищи привлекал их. И они ждали: когда же мы умотаем от костра, чтобы и им можно было полакомиться крошками.

Глаза начали слипаться от этой благодати. И дядя Юра дал команду на отбой. Мы не стали с Вовкой сопротивляться и полезли в наш шалаш. Дядя Юра ещё остался на пару минут, посидеть у костра, да присмотреть за Машкой, чтобы она не убрела далеко в лес. Он связал между собой вожжи и сделал ей длинный повод, привязав один конец в телеге. Так она в тайгу не упрыгает со спутанными ногами. А травы и на поляне было полно.

В шалаше было темно и тепло. Здорово пахло елью и сеном. Оно слегка хрустело под брезентом, а вся постель пружинила от веток. И было не хуже, чем на домашней перине. Вспомнил, как мама заставляла взять с собой тёплый свитер, и усмехнулся: «ну, мама даёт! Тут хоть до трусов раздевайся, такая теплынь!»

Я лёг с краю, положив рядом с собой, на всякий случай, фонарик. Вовка устроился посередине, оставив место для дяди Юры. И, казалось, как только щека коснулась брезента, я тут же уснул.

Проснулся оттого, что солнечный луч попал мне прямо в глаза: оказывается, мы поставили телегу так, чтобы наш вход в шалаш был строго на восток. Вот всходящее солнце и разбудило нас ни свет ни заря. Выскочив из шалаша, я обмер от красоты. Изумрудно зелёная трава блестела от росы, а поляна со всех сторон окружена была уже желтеющими берёзами. Над ними нависали тёмно-зелёные кроны кедров, и пронзительно голубело небо. Такое бывает только в тайге и только в конце лета или ранней весной. Красота!

Дядя Юра возился у костра, прилаживая чайник.

– Как спалось? – спросил он.

– Не помню! – честно признался я. – Уснул-проснулся. А что между этим было, забыл.

Дядя Юра засмеялся:

– Завтра не так будет. Выползть из шалаша не захотите. Рученьки, ноженьки заноят, спина гнуться не захочет.

– Это ещё почему? – раздался у меня за спиной заспанный голос Вовки.

– А увидишь, – уклонился от ответа Гордей. – Давайте чай пить. Да на работу пойдём.

Я сбегал к ключику и помыл чашки с кружками, которые вчера с устатку оставил грязными у костра. Вовка на вновь расстеленном брезенте резал хлеб, а дядя Юра вскрывал банку с колбасным фаршем.

Быстро перекусив бутербродами с колбасой и сладким чаем, мы засобирались на работу. Дядя Юра дал каждому по сгибню, Вовке в него сунул несколько мешков, сам водрузил на плечо колот, и мы двинули по чуть заметной тропе в кедровник.

Идти оказалось не так далеко – минут пятнадцать. По упругому и чистому мху шлось легко и приятно. Кедровник просвечивался на много метров вперёд и был исполосован тёмными и ровными тенями

от стволов молодых кедров. Словно художник по линейке расчертил весь лес.

Идущий первым дядя Юра через каждые сорок-пятьдесят шагов заламывал верхушки кедрового подростка, направляя сломанную веточку в ту сторону, откуда мы шли:

– Запоминайте! Назад будете выходить одни по этим меткам! – пояснял он. – А так же всегда запоминайте, куда вам светит солнце. Если мы идём прямо, и оно греет нам левую щёку, то при возвращении до обеда оно станет греть уже правую, а после обеда так же левую. Ясно?

– Так точно, ясно! – рявкнул дурашливо Вовка. – А ещё нас Серёгин дед учил по мху определять стороны света. Что мох с северной стороны растёт на дереве.

– Абсолютно верно! – согласился дядя Юра. – Вот только ты мне сейчас скажи – в какой стороне восток, а в какой запад, если в этом кедраче нет твоего мха на деревьях?

– Это и первоклашка у нас в школе знает! – заявил Вовка. – Где у нас тут солнце?!

Он оглянулся.

– Ага. Вот оно тут. И смотрите теперь: я стою лицом к солнцу. Утро. Солнце на востоке. За мной находится запад. С правой руки юг, а с левой руки, стало быть, север!

И Вовка победно посмотрел на дядю Юру.

– Молодец! – похвалил его дядя Юра. – Это если ты с утра по солнцу определил, где восток. Там солнце встаёт. А днём, а вечером?

Так за разговорами и продолжался путь. Три раза дядя Юра забирал у Вовки пустые мешки и вешал их на подходящий куст или сук кедр.

– Потом объясню, зачем они тут, – сказал он. И мы шли дальше.

Наконец, Гордей остановился у кедр. Прислонил колот к стволу и сказал:

– Так, бойцы! Работа ваша простая, работа ваша такая. Сейчас вы отходите метров на восемь-десять от кедр. Я бью по нему колотом. А

вы смотрите, куда полетят шишки. Запоминаете каждое место, куда шишка упадёт, и собираете её в сгибень. Всё просто. Понятно?!

Что тут непонятного? Работа для тупых: смотри-клади-тащи!

– Кто наберёт полный сгибень, идёт по тропе к последнему от нас оставленному на кустах мешку. И высыпает в него шишку! И бегом назад. Так проще потом будет тащить мешки на стойбище. Ясно?

Теперь всё стало ясно. И работа началась! Гулкий удар раздался в кедровнике и тут же с разных сторон заорали кедровки! Такой хор устроили, что хоть уши затыкай! Но мы на них не обращали внимания, потому что шишки посыпались градом!

Мы с Вовкой кинулись собирать упавшие шишки. Они глубоко вонзались в мох, и находить их было легко и просто – по дыркам во мху! Одну за другой я подбирал сизые и тёплые на ощупь дары кедр. А в это время дядя Юра обошёл дерево с другой стороны и снова ударил по стволу, крикнув «поберегись!» Я от неожиданности выпрямился, и задрал голову. И тут же понял, что сделал это напрасно, в таком случае нужно наоборот, присесть и уклоняться под ветки кедр. Первая же шишка чётко заехала мне в лоб! Искры летели на сто метров, а в глазах свет потух!

– С крещением! – засмеялся дядя Юра. – Я же говорил вчера, что без шишек шишек в лесу не заготовишь. Растирай, не стой. Не бойся, шишка лёгкая сейчас, зрелая. Голову не пробьёт. И шевелись, а то Вовка уже эвон сколько насобирал.

Я понял теперь чьи в лесу шишки. И забегал вокруг дерева, собирая то тут, то там торчащие «гранаты».

Сгибень быстро наполнялся, и вот уже стало трудно выпрямляться. Верёвка врезалась в плечо, и тянуло присесть в мох и отдохнуть. А ведь день ещё только начинался.

– Серёга, пошли высыпать шишки! – сказал Вовка. – У меня уже сгибень полный.

– Э, нет! Так не пойдёт, – заметил дядя Юра. – Ходить нужно по одному, потому что кто за мной будет шишки собирать? Давайте так

на будущее: по очереди ходите. Если одновременно набирается сгибень, то один кто-то высыпает шишки на приметное место, и снова идёт за мной. Иначе мне придётся часто останавливаться.

– А давайте мы вам тоже сгибень сделаем? – ошарашил дядю Юру Вовка. – Нам в школе читали, что смена работы это почти отдых!

– Ну, ты даёшь! – аж восхитился дядя Юра. – Философ! Хотя, надо сказать, идея здравая. Давай мешок. У тебя ж ещё остался один?

До обеда мы с Вовкой набили четыре полных мешка шишек. И ещё по сгибню. Спина уже не гнулась. И мы оценили меткость названия простого мешка, закинутого через плечо: кого хочешь согнёт. Наконец, дядя Юра воткнул колот возле очередного дерева:

– Шабаш! – объявил он. – Пора и пообедать да отдохнуть чуток. Пошли на базу.

Мы не спеша побрели назад, таща на себе сгибни с шишками. По пути дядя Юра загрузил на плечо большой мешок, по-хозяйски крякнув:

– Ишь, ты! Придётся ещё три раза возвращаться! – даже обрадовался он. – Ай да молодцы мы с вами! Почти два мешка чистого ореха получится. И это до обеда! Молодцы! – повторил он.

Пока Гордей стаскивал из тайги мешки с шишками, мы с Вовкой быстро приготовили немудрёный обед: всё ту же вермишель с тушёной, хлеб, тонко порезали кусок сала, что Вовкина мама сунула ему в рюкзак. Я обнаружил у себя в кармане рюкзака головку чеснока, а дядя Юра украсил стол несколькими яркими помидорами.

– Красотища какая! – заявил он. – Не стол, а сплошной праздник!

Это праздник был уничтожен почти мгновенно. «Не полопаешь – не потопаешь!» Это вот точно кто-то придумал.

Отдуваясь, мы откинулись с Вовкой возле едва дымящегося костра. Благодать! Синее небо втягивало взгляд в себя. И, казалось, ты плывёшь в нём. Лёгкий ветерок отгонял мошкарку, и равномерно гудела тайга. Даже кедровки успокоились, перелетев, наверное, подальше от нас: тайга большая, на всех хватит!

После обеда дядя Юра поменял задачи. Он сказал, что берёт с собой в сборщики только Вовку. А меня оставляет в лагере. На переработку шишек в орехи.

– Пошли осваивать машинку, – сказал дядя Юра. – Ничего в этой работе сложного нет. Крути да крути вал. Правда, тяжеловато с непривычки. Но ты справишься! Смотри, что нужно делать.

Он поднял мешок и насыпал в ящик, что был сделан на козлах, немного шишек. Расстелил внизу брезент.

– Бери ручку и пробуй крутить! – приказал он.

Я попробовал. Крутить было сначала легко. Потом, когда под зубья стали попадать шишки, пришлось крутить двумя руками и с сильной напругой. Вниз, на брезент, стали падать орехи и шелуха! Оказывается, вал с зубьями раздавливал саму шишку, оставляя орех целым! Для этого в досках были сделаны специальные пропилены, чтобы зубья проходили по ним, и не мололи орех в муку.

– Вот, видишь как ловко всё получается! – обрадовался дядя Юра. – Смолотишь мешок – отдыхай. А во время отдыха загребаешь полведра шелухи с орехом и высыпашь в сито. И вот так его качаешь.

И он показал, как надо работать с ситом. Оказалось, что дырки в жестяном днище калиброваны под диаметр ореха! Чешуйки шишки остаются в сите, а орех падает чистым и красивым на брезент под машинкой.

– Ура-а! – заорал Вовка. – Вот здорово! Давай, Серый, делай нам орехово-жуево!

– Кстати, Серёга, я тебе ружьё оставляю, – сказал дядя Юра. – И патронташ. Если вдруг раньше времени закончишь с орехом, можешь по березняку побродить. Глядишь, пару рябчиков на ужин добудешь.

Надо было Вовку видеть! Он же обзавидовался! Ему, значит, мешки таскать, а Серый будет за рябчиками охотиться. Всё это было так явно написано у него на лице, что дядя Юра расхохотался:

– Не дрейфь, Вовка! Что-то мне подсказывает, что у Серёги времени на охоту будет очень мало. Вечерком вдвоём сходите! Ладно,

пошли, охотничек. Нам бы ещё мешка три набить сегодня и было бы здорово.

Напарники ушли по тропинке в кедровник. А на меня вдруг навалилась внезапная тишина. Казалось, вся тайга затихла. Даже ветер перестал шелестеть между ветвями берёз, а кедровники замолчали. Появилось такое ощущение, что кто-то тебе всё время смотрит в спину. Взяв ружьё, я зарядил оба ствола пулями. И поставил его рядом с собой, возле козлов с машинкой. Стало чуть-чуть спокойней. Но всё равно я стоял неподвижно до тех пор, пока на куче шишек, что была насыпана на поляне, не появился лесной обитатель – бурундук. Тогда я понял – кто на меня смотрит в лесу: живности много вокруг, вот она и смотрит! Бурундук, мыши, где-нибудь рябчик или ещё кто. Всем же любопытно, что за существо забрело к ним. И я подумал – пушай смотрят! А мне работать нужно!

И мы заработали вдвоём с бурундуком. Я насыпал шишки в машину, крутил вал, отсеивал орехи, выбрасывал в сторону шелуху, а зверёк непрерывно набивал орех за щеки и носился к своей норке, прятать добычу. Ему несказанно повезло сегодня! Я даже разговаривать стал с ним. Мой одинокий голос странно звучал в таёжной тишине.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*О том, что рябчик птица вкусная, но очень красивая.
Что такое ласка и зачем она приходила к нам в шалаш.*

Часов в пять вечера на поляне появился Вовка со сгибнем шишек. Я как раз заканчивал переработку утреннего «урожая». За Вовкой подошёл и дядя Юра.

– Вот как мы угадали-то, а, Вовка?! – улыбнулся он. – Я ж говорил, что Серёга успеет всё сделать. Он и сделал. Молодец, Серый! – похвалил он меня. – А мы ещё три мешка набили. И два сгибня. Так что с хорошим заделом мы сегодня. Если завтра хотя бы половину нынеш-

ней нормы сделаем, все с орехом на зиму будем. Ладно, вы тут орех в мешки затарьте, а я за остальными схожу.

Дядя Юра развернулся и пошёл снова в лес, за оставленными там мешками с шишками.

Вовка без сил рухнул рядом со мной.

– Не-е, я, наверное, эти сосны ореховые до самой смерти во сне видеть буду! – простонал он. – Завтра точно не встану! Спина как деревянная. Дай попить, а?

Я достал фляжку с брусничным морсом и протянул приятелю.

– На охоту пойдём? – спросил я его.

– Серый! Ты рябчиков видел?

– Видел.

– Красивая птица?

– Красивая

– А ты его ел?

– Ел.

– Вкусный?

– Ты к чему это клонишь? – поинтересовался я.

– Да пошёл этот твой рябчик куда подальше! – хмыкнул Вовка. – Мне сейчас больше красивая банка с тушёнкой нравится. Никуда ходить не нужно. Вон она! Рядышком. Хочешь – иди один! А я с места до завтра не стронусь. Ты меня ещё в шалаш на руках понесёшь!

И Вовка, закатив глаза под лоб, сложил руки на груди:

– Меня нет! При пожаре выносить первым!

Я посидел чуток рядом с Вовкой. Но всё же решил идти. Потому что это же позор позорный будет: в кои веки у человека настоящее ружьё есть, куча патронов, и сидеть у шалаша? Не, это неправильно!

Вынув патроны с пулями из стволов, я зарядил ружьё мелкой дробью, закинул его на плечо, и двинул в березняк.

Честно говоря, самих рябчиков я видел до сих пор только на картинке в энциклопедии. Да пару раз в супе – дядя Юра привозил с гольца этих птиц, и мать их варила. Поэтому на что я собрался охотиться,

представлял себе довольно смутно. Помнил только, что он меньше курицы, имеет серые перья и красноватый хохолок на голове. Вот по этим приметам и буду искать цель.

А искать её долго не пришлось. Рябчик сидел на берёзе передо мной метрах в трёх и тарасил глаза. Видимо, впервые увидел человека и был весьма удивлён появлением такого чудовища. Я сорвал с плеча ружьё и прицелился. Птица не шелохнулась, только головку склонила на бок, вглядываясь в меня. У меня мысли вразбег пошли. С трёх метров только дурак промажет. А если я не промажу, то от птички даже перьев не останется. И зачем мне эта птичка нужна, что я, голодный что ли? А кто её ощипывать будет? И вообще такую красоту убивать зачем? Наверняка, у неё где-то родня тут же летает. Они же стайками живут, мне дед рассказывал.

Так я стоял с нацеленным ружьём, и мысли роем роились в голове. Потом руки затекли, и я опустил стволы. А рябчик так и остался на ветке, рассматривая меня. Наверное, если бы он сделал хотя бы слабую попытку улететь, то я бы вдогонку пальнул в него. Но стрелять в безоружную и беззащитную птичку? С трёх метров, считай, в упор?! «Так нельзя!», подумал я. Вздвёл курки и бабахнул в воздух. Рябчик взмыл вертикально вверх, а из травы выпорхнул целый выводок рябчиков помельче. Наверное, это была вся семья: папаша сидел на ветке и стёрёг пасущееся семейство. Рябчата сыпанули в разные стороны, смешно прогибая шеи вперёд, словно что-то рассматривая перед собой. А самец, отлетев метров на двадцать, снова уселся на берёзу и стал высвистывать какие-то рулады. Может, предупреждал других сородичей, что в лесу появилось чудовище, и лучше сейчас всем спрятаться.

Постояв ещё минут десять, разглядывая храбрую пичугу, я развернулся, и пошёл на стойбище. Охотиться одному не хотелось. Да и жалко было птиц – много не настреляешь, а одна птица это не добыча. Так, запах для супа.

На поляне меня ждали дядя Юра и Вовка. Они, конечно, слышали выстрел. И думали, что вернусь с добычей. Однако я их разочаровал.

Конечно, я не стал им рассказывать, что пожалел рябчиков. Они могли не понять этого – всё же, живём в тайге и охота – один из способов выживания и кормления семьи. Мы даже с луками ходили охотиться на гусей осенних, которые в протоке Второго острова табунились перед отлётом в тёплые края. Правда, добыли гуся всего один раз. Но факт есть факт: охота это часть нашей жизни. Мы ставили плашки на мелкого зверя, стреляли уток, ловили рыбу. Дома у многих были кролики, которых мы кормили всё лето травой, а зимой с удовольствием ели крольчатину...

И поэтому моя жалость к этой пёстрой курице могла выйти мне боком. Хотя мы и дружим с Вовкой всю жизнь, но дразниться он умеет. В раннем детстве меня частенько маменькиным сынком обзывал. И мы из-за этого дрались с ним. А потом снова дружили.

– Промазал, – сказал я, и поставил ружьё к телеге.

Дядя Юра сгрёбал готовый орех в мешки, а мне кивнул на машинку: всё добро требовалось переработать до темноты. Мне пришлось впрягаться, потому что Вовка слегка отдохнул и приступил к готовке ужина. У него это всегда хорошо получалось. На этот раз он решил сделать суп с тушёнкой и поэтому пошёл к ключику чистить картошку.

Ореха у нас получилось два мешка чистого. Мы попробовали с Вовкой закинуть один мешок на телегу, но чуть пупы не надорвали.

– Э, ребята! Осторожней! – приказал дядя Юра. – Это ж крапивный мешок, килограммов шестьдесят будет. Это вам не картошку таскать.

Он поднатужился и забросил куль в подводу.

– Если завтра даже половину этого возьмём, то план выполним, – подытожил дядя Юра. – Каждому по мешку получится.

Похлебав супа, мы завалились спать.

Проснулся я оттого, что кто-то сначала промчался по мне галопом, а потом ещё кто-то уселся у меня на груди. Гость был почти невесомым. Скорее чувствовалось его тепло, чем вес. Затаив дыхание, я медленно стал поднимать фонарик, который всегда лежал у меня рядом. Неизвестное существо слабо колебалось в дрожащих отсветах надья,

и казалось, что на мне сидит наша кошка Анька. Я резко включил фонарь! Долгие несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Мой гость был мал ростом: это тени увеличивали его. Имел он коричневую окраску и белую грудку. Мордочка слегка была вытянута, и на голове шевелились круглые уши. Глаза в свете фонаря горели красным светом.

– Ты чо свет включаешь?! – забурчал сиплым спросонья голосом Вовка. – Туши фонарь!

От неожиданного звука зверёк очнулся, встрепенулся и метнулся к выходу, развернувшись почти на лету.

– Это кто был? – слегка заикаясь, спросил я.

– Где? Кто? Спи, давай! – заворочался Вовка. – Приснилось тебе.

Я промолчал. Потому что точно знал – мне ничего не приснилось, а всё было наяву. Но так как сейчас всё равно разобраться нельзя было, я покрутился на месте и снова уснул.

Утром, как и обещал вчера дядя Юра, не работали ни руки, ни ноги, ни спина. Мы с Вовкой, кряхтя, выползли из шалаша. Дядя Юра уже приготовил завтрак, и, щурясь на костёр, о чём-то думал.

– Дя-я-я Юр, – тоскливым голосом промямлил Вовка. – Может, ну их, эти орехи?! У нас же два мешка есть! Хватит на всех.

– Слабак! – усмехнулся наш бригадир. – Не ожидал! А ты как, Серёга, тоже сдаёшься?

– Почему сдаюсь? – хмуро спросил я. – Никто не сдаётся. Мы сейчас поедим и попрём.

Сдаваться, конечно, нельзя было. Не мужики мы, что ли? Это Вовка для приличия поныть попробовал. А вдруг пролезет? Мы ж не детсадовцы. И знали, что стоит снова начать работать, как тело само наладится. Это как картошку копать. Через час и спину ломит, и руки отваливаются. Но ничего! Заставляешь себя не думать особо, ставишь перед собой задачу: вот ещё две гряды пройду и отдохну... А чего я, слабак ещё две гряды пройти?.. И, глядишь, уже пол-огорода выкопано. Так и здесь.

На этот раз обедали мы позже. Дядя Юра и колотом стучал, и нам помогал собирать шишки в сгибни. Мы набили ещё шесть мешков. И дружно всё перетаскали в лагерь. Вдвоём с Вовкой мы переработали добытое богатство и ссыпали в мешки. Получилось три мешка чистого ореха и почти мешок шишек. Их специально оставили, потому что иногда зимой было куда как приятно возле печки щёлкать не просто орехи, а шелушить саму шишку, вспоминая лето. Тут я вспомнил про ночного гостя.

– Дядя Юра! – начал я, сидя у костра и попивая сладкий чай. – Вы только с Вовкой не смейтесь, но спросить хочу.

– Спрашивай! – кивнул головой Гордей. – Чего мы смеяться будем-то?

– Давай, толкай свой роман, – засмеялся Вовка. – Не переживай.

– Хорошо, – сказал я. – Сегодня ночью к нам в шалаш приходил какой-то зверёк!

– Какой зверёк?! – удивился Вовка. – А чо не разбудил?

– Да ты просыпался, – ответил я. – Обругал меня, напугал зверушку, и снова уснул.

– Опиши, – попросил дядя Юра.

Я рассказал всё, как было.

– Ишь ты! – удивился Гордей. – Судя по всему, к нам забегала госпожа ласка. Слыхали по такого зверя?

Мы закивали головами. В тайге живём, про всякую живность слышали. А видеть не приходилось.

– Она, наверное, мышь гнала. Та в шалаш шмыгнула, через тебя, Серёга, метнулась, а за ней ласка. Но она зверь осторожный. Поняла, что не туда попала. А ты её тут ещё и ослепил. Многие звери и птицы слепнут от яркого света и теряются, застывают на месте. Так браконьеры на гусей охотятся, на зайцев. Вот. Потом Володя её своим голосом спугнул. Так что, ласка осталась голодной, а ты, Серёга, мышь спас!

– Ну, прямо рыцарь с фонарём! – засмеялся Вовка. – Мышиный король!

Я съездил приятелю по затылку. Он меня схватил в охапку, и мы немного побарахтались в траве. Затем дядя Юра заставил нас залить костёр водой из ключа, закопать весь мусор в яму, а сам запряг Машку. И вскоре мы тронулись в сторону дома. Надо было успеть вернуться засветло.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дети, в школу собирайтесь! «Смотрите, кто к нам пришёл», или возвращение блудного товарища. Летящая клумба, и как я стал председателем совета отряда.

Две недели пролетели быстро и незаметно. И вот снова первое сентября. Школа. Весь посёлок в цветах и первоклассниках. Мы со Светкой, моей старшей сестрой, собрались в школу ещё с вечера. Да и что там было собирать? Поди, не в первой. Лично для меня это был уже шестой раз, а для Светки – восьмой. На будущий год она будет решать, что делать со школой: учиться дальше или поступать в геологический техникум, и потом уже в Горный институт, что оканчивала в Ленинграде мама. Для меня-то и Вовки вопросов вообще не было: ещё три года и мы идём в морское училище. Тут и решать нечего. Всё давно решено. Недаром наш сосед, Раис Тимурович, подарил мне свою флотскую тельняшку, а мама из неё сшила нам с Вовкой две штуки, когда мы учились в первом классе. И мы два года выросли из своих тельняшек. Но носили, почти не снимая.

Были перечитаны все книги о флоте, какие только есть в поселковой библиотеке. Настругано и нарисовано миллион разных кораблей и лодок. Поэтому судьба наша была давно predetermined: только флот и ничего кроме флота!

Завтракая, мы вспоминали ставшее уже легендарным моё приключение на первое сентября в первом классе. Когда я, вместо торже-

ственной линейки, не менее торжественно провалился в яму с водой, и мы с мамой тогда так и не попали на первый урок.

И эти воспоминания стали в нашей семье доброй традицией. Сначала я обижался, но чем старше становился, тем забавней выглядел тот дикий случай.

Мама ушла на работу, сестра – к своей подруге Таньке, что жила через два дома от нас, а я маялся от безделья: до линейки оставалось ещё больше часа, в школе делать было пока нечего, до Вовки идти было лень. И так в классе встретимся. Интересно, будут нас сливать с шестым «А» или нет? Всё лето шли такие разговоры, потому что люди из посёлка уезжали на Большую землю, отработав нужное по контракту или по решению суда, время. И одноклассники уезжали с родителями. В нашем шестом «Б», к примеру, осталось всего восемнадцать человек. У «ашников» и того меньше – шестнадцать. А было в первом классе по двадцать пять бойцов. Я как представлял, что теперь нас чаще спрашивать будут, так дурно становилось.

Так я валялся на диване, осмысливая возможные перемены в судьбе. Пока телефон не зазвонил. И грубый Вовкин голос не спросил:

– Пацан! Ты в школу-то сегодня идёшь?

– Вот те здрасьте! – удивился я. – А почему бы это мне в школу сегодня не идти?

– А ты на часы давно смотрел? – ехидно осведомился приятель. – За 10 минут успеешь домчатся?

Ёлы-палы! Пока я мучился от безделья, на часы не смотрел. А на них было уже без десяти минут десять утра! Линейка опять начнётся без меня?

– Я вот думал, ты опять в подводника решил поиграть, – подковырнул меня Вовка. Но я не стал его слушать, швырнул трубку и ринулся из дома. Добежать до школы полтора километра за десять минут было почти не реально: это надо галопировать, не останавливаясь, всю дорогу.

Я мчался по улице, распугивая собак и куриц. Мамин подарок – настоящая кожаная планшетка с множеством отделений и прозрачным карманом для карты, била меня по колену. Галстук сбился на бок, на лбу выступил пот. А потом подумалось: куда это я так лечу?! Вся линейка, с выступлениями директора школы, родителей, с первым звонком идёт как минимум минут сорок. И я сбавил шаг: не в первый же класс?! Ну, опоздаю на несколько минут. Ничего страшного. Правда, я не любил никогда и никуда опаздывать. Не знаю почему. Или характер такой, или мама так приучила. Лучше я раньше приду, чем опоздаю. Я снова надбавил ходу, и влетел в школьный двор как раз в ту минуту, когда зазвучал горн, подающий сигнал «Слушайте все!».

Протолкавшись к своему классу, я обнаружил, что букет, приготовленный мамой, счастливо остался дома на столе, в вазе. Но, слава Богу, практически никто из моих друзей не держал в руках этот осенний веник из гладиолусов и астр. Только девчонки. Ну, на то они и девчонки, и я обрадовался своей забывчивости. Хорошо бы выглядел – один и с букетом. Да ещё и опоздавший. Точно бы стали опять вспоминать историю с погружением.

Закреплённый за нашим классом кабинет оказался на втором этаже школы. Над самым спортзалом. Мы быстро заняли парты согласно тому, кто был сильнее и наглее. Нам с Вовкой досталась предпоследняя крайняя возле окна. Я великодушно позволил другу сесть к самому подоконнику, а сам устроился у прохода. Впереди был целый учебный год, и мне не раз ещё предстояло защищать приятеля от посягательств учителей, подсовывая открытый на нужной странице учебник, пряча его за широкой спиной Витьки Якушева.

В класс вошла Вера Николаевна, учитель русского. А за ней в класс вошёл ... Саня! Видимо, моя отвисшая от удивления челюсть так сильно стукнулась о парту, что учитель сделала мне замечание:

– Чернов! Не греми партой! – и продолжила, – Добрый день, ребята! С началом нового учебного года! А ты, Саша, выбирай себе место, и начнём занятия.

Саня невозмутимо поправил свои очёчки, и уселся прямо на первую парту. А мы с Вовкой вытаращили друг на друга глаза: вот ещё только что Сани не было и не предвиделось никогда, а вот он уже тут, сидит на первой парте и учебник из ранца тащит. Это то ли чудо, то ли сказка, то ли обман зрения. Тем более, что Санюра даже не помахал нам рукой! Откуда он мог взяться, если ещё весной Санька по состоянию здоровья был увезён матерью в тёплые края? Это нам предстояло узнать на перемене. И все оставшиеся сорок минут мы просидели как на углях. Даже две отправленные через весь класс записки не прояснили обстановку: Саня просто на них не ответил!

Это был не Саня! Наш Саня не мог себя так вести!

Звонок сорвал нас с места. И мы с Вовкой мгновенно оказались возле парты Сани и уставились на него молча. А он так небрежно сделал нам ручкой:

– Привет, пацаны!

– Не, Серёга! – почти шёпотом сказал Вовка. – Не, Серёга! Ты смотри на эту толстую пародию человекообразной обезьяны! Он, понимаешь, приехал. В школу нарядился. А лучшим друзьям даже ни одной буквы по телефону не сообщил! Даже на линейке не появился! Даже письма из своего Чёрного моря не написал, что приедет! Вот кто он после этого?! И ещё нам машет: «Привет, пацаны!» – Вовка передразнил Санюру. – А по башке?!

Но как бы Вовка не пыхтел на Саню, было видно, что он сильно рад внезапному появлению друга. И готов облапить его. И только появившаяся в последнее время какая-то сдержанность в проявлении чувств, мешала ему это сделать.

Вовка за лето вообще сильно изменился. Вытянулся, плечи раздались, и чётко нарисовалась вся его мускулатура, которую он качал гантелями и турником. Он даже причёску себе сменил. Если раньше он гордился своим чубом, то в начале лета остригся под полубокс: затылок и виски почти на ноль стрижены, а спереди короткий ёжик.

Мама мне его всегда ставила в пример и заставляла тоже заниматься гимнастикой. Даже турник дядя Юра сварганил во дворе. Гантели купили, эспандер. Но не в коня корм! Гантели скоро стали пользоваться спросом только во время засолки капусты, вместо гнёта. А пружины от эспандера пошли на искусственный притвор калитки да двери на веранду. Их вечно забывали за собой закрывать мать и сестра. Вот я и приспособил эти пружины для пользы дела. Мама рукой на меня махнула и больше не приставала ко мне. Только обзывала иногда удилищем. Я рос длинным, нескладным, тонким подростком. Правда, мало кто знал, что мешок с картошкой на подвуду в огороде я сам забрасываю. А это как не крути, сорок килограммов. Как говорит мой дед, «жилистый да пружинистый». Таким, мол, сносу нет.

Сашка за лето тоже изменился. Он заметно схуднул, пропала краснота щёк, которая всегда говорила о том, что у него что-то с внутренностями не то. Плечи стали шире, а талия уже. Как он так умудрился измениться, ещё предстояло узнать.

Санюра скороговоркой успел рассказать, что их самолёт из Иркутска вчера сильно опоздал из-за погоды. Поэтому на вечерний речной трамвай не успели. Пришлось ночевать на базе. И приплыли они утром, в половине десятого. Пока добежали до дому, пока его мама накрутила-напудрила, они опоздали на линейку. И на урок он чуть не опоздал. А почему вернулись жить в наш посёлок, Саня обещал рассказать или на большой перемене, или после школы. Потому что раздался звонок, и класс быстро наполнился одноклассниками. Которые тоже подходили к Сане, хлопали его по плечу или по затылку. Девчонки шушукались. Но видно было, что все обрадованы. Ещё бы – в класс вернулся отличник, который опять будет подсказывать всем в трудных жизненных ситуациях.

Последним уроком у нас была история. Вела его наш классный руководитель Наталья Петровна. Я пролистал весь учебник ещё дома и с нетерпением ждал встречи с героями истории средних веков. Потому что мы и «Александра Невского» на зубок в кино выучили. И про рыца-

рей Ричарда Львиное Сердце всё знали! А Айвенго был наш любимый герой. Все эти неандертальцы и патриции Древнего мира надоели в пятом классе. В шестом же классе история обещала быть очень интересной!

Минут за пятнадцать до конца урока, Наталья Петровна объявила первый классный час.

– Во-первых, разрешите вас всех поздравить с началом учебного года! Ещё на один шаг вы ближе к взрослой жизни. И поэтому я надеюсь, что вы будете более ответственно относиться к своим обязанностям и учиться, учиться и учиться, как завещал Владимир Ильич Ленин!

Она торжественно посмотрела на нас. Мы тут же прониклись глубиной всего сказанного. Потому что чем быстрее мы выслушаем Наталью Петровну, тем быстрее она нас отпустит. Ведь нас ждал интереснейший разговор с Саней.

– Во-вторых, нам немедленно нужно избрать руководство класса! – не менее торжественно и строго продолжила классная. – Значит, нужен председатель совета отряда и его заместитель. Так же звеньевые. Итого, получается, пять человек. Это будет совет отряда. Звенья сделаем равные – по шесть человек. Мы посоветовались в совете дружины школы и единогласно решили предложить классу избрать председателем совета отряда Серёжу Чернова. Заместителем к нему Любу Глотову. Какие есть предложения!?

За сегодняшний день моя челюсть второй раз ударилась о парту! Это что же такое получается: в прошлом году нас с Вовкой выгоняли из пионеров и чуть не выгнали из школы, а в этом году меня назначают главным над всем классом? Как это понимать?

В пятом классе мой товарищ Вова учудил такое, о чём вспоминают с содроганием, и будут ещё вспоминать много лет, все учителя нашей школы. Конечно, не без помощи его верных друзей – Серёги, то есть меня, и Саньки. Хотя Саня всячески отговаривал нас от этого «подвига» и даже грозился доложить о его подготовке как минимум дирек-

тору школы! По совместительству его маме: её как раз только-только из учителей назначили директором. Но Вовка пообещал Саню привязать к парте и сделать из него юного космонавта.

«Подвиг» заключался в следующем. Минувшей осенью Вовка пришёл ко мне и выложил на стол обломки палки желтого цвета, похожие на хозяйственное мыло

– В курсе, что это такое?! – спросил он меня.

– А то! – ответил я. – Ясен пень. Это аммонит. Где взял?

– Где взял, где взял, – передразнил Вовка. – На отвалах. Там эти куски часто попадаются. Важно не где взял. Важно где теперь детонатор найти? И жажнуть всё это богатство.

Всё ясно. Мы смотрели очередной партизанский фильм, и другу загорелось что-то заминировать. Бикфордов шнур у нас всегда был – этим добром запасался каждый приличный пацан в посёлке. Потому что все любили делать самые настоящие взрывпакеты. Такие забавы не редкими были у нас в посёлке. Но чтобы с аммонитом? Такого ещё не было! Аммонит и правда можно было найти на отвалах. Возле шахт. Или слюдяных жил, как называли эти шахты у нас в посёлке. Сюда вывозили на вагонетках породу, и потом женщины, в любую погоду, выбирали из неё кристаллы слюды.

Я был категорически против эксперимента с аммонитом. Потому что мама мне объясняла, как добывают слюду в шахтах при помощи аммонита. И читал в книгах о мощности этой взрывчатки. Двести граммов хватит, чтобы полдома разнесло в щепки. Но разве Вовке что докажешь? Если он себе в голову что втемяшит, всё, считай, пропало. Нужно только попробовать эту энергию в полезное русло направить.

План был у Вовки дерзкий и бесшабашный. Он хотел кусочки взрывчатки утрамбовать в баночку из-под диафильма. Всю эту адскую машинку спрятать в парту, и на уроке ботаники, которую он ненавидел всей душой, жажнуть! На мой вопрос: как далеко полетит по классу парта, он не ответил. Он так же не ответил на второй вопрос: зачем

именно парту и почему во время урока? Понятно было только, что он хотел кому-то что-то доказать.

Пытаясь спасти приятеля от неминуемого исключения из школы, я вечером рассказал всё Сане. Голова у того светлая, вот и должен был он придумать выход.

Тут-то он и предупредил Вовку, что сдаст его директору школы, если тот не изменит свои планы. Мы в тот момент все крепко поссорились. И пару дней дулись друг на друга. Пока Вовка не осуществил свой план. А сделал он это на спортплощадке.

Шёл урок физкультуры. Пока было тепло, он всегда проходил на улице. Кто лазал по канату, кто по подвешенному шесту пытался покорить высоту в два этажа, кто прыгал в длину или отрабатывал равновесие на бревне. Как раз в тот момент, когда наступила кульминация Вовкиного «подвига», на бревне показывала акробатический этюд учитель физры Лариса Васильевна. Это была крупная женщина, похожая на толкателя ядра из журнала «Физкультура и спорт».

Надо сказать, что посредине спортивной площадки чья-то светлая голова соорудила многоярусную цветочную клумбу: старые автомобильные покрышки были выложены в форме звезды. Потом звезда с каждым последующим рядом уменьшалась, пока на самой верхотуре не осталась одна покрышка, в которой гордо реяли красные астры.

И вот, когда Лариса Васильевна стала показывать упражнение «ласточка», утвердившись на одной ноге, склонившись в пояснице и выровняв вторую ногу параллельно земле, распростерши руки, как птица крылья, верхняя автопокрышка с грохотом взлетела в воздух, разметав вокруг кроваво-красные ошметки астр! Затем раздался вопль физручки, которая рухнула с бревна под грохот канонады. Эффект взрыва баночки от диафильма был сокрушительным! Остолбенение было всеобщим. И только Вован радостно скакал вокруг разрушенной клумбы, победно поглядывая на Розку Музафарову. «Вон оно что!» – догадался я. – «Вовка втрескался в Розку! Это он перед ней воображает!»

Словно из воздуха на месте взрыва материализовался учитель труда и наша директриса. Наступал час возмездия над влюблённым взрывником. Его уволокли в кабинет директора. Буквально следом на мотоцикле подлетел участковый милиционер: наверно, звук взрыва и столб земли видели во всём посёлке – школа стояла на холме.

Саня подбежал ко мне:

– Серый! Теперь же Вовку точно из школы выгонят! Надо же что-то делать!

А что тут можно было сделать? Этот олух не послушался нас. Нашёл-таки где-то детонатор и заминировал клумбу. Но ведь мог с таким же успехом заминировать и парту! Тогда бы точно кого-нибудь в классе убил бы – если уж тяжёлая крышка летала по воздуху бабочкой, то парта просто превратилась бы в груды летающих по классу обломков.

Ещё не понимая, что я делаю и зачем это делаю, я помчался в директорский кабинет, и заорал там с порога:

– Это мы вдвоём с Вовкой придумали! Меня тоже выгоняйте!

Я понимаю, почему собравшиеся в кабинете директора люди, опешили от моей атаки: кто ж ожидал такого признания от человека, который вообще никогда не был замечен в хулиганских поступках в пределах школы.

Меня тут же допросили. Мне пришлось рассказать, что готовился вовсе не террористический акт против учителя физкультуры, а вовсе, чтобы девочке понравиться. Имя девочки названо не было, хотя давили изо всех сил. Мы утопили следователей в массе мелких деталей, которые можно было легко проверить, и при этом в них вины нашей не было: ammonit взяли на отвалах, там же встречаются куски бикфордова шнура, бывает, что в пустой породе можно найти и детонатор. Все взрослые об этом знали, но сложить из трёх составляющих одну примитивную бомбу, никому в голову не пришло. Только Вовке! Поэтому было принято решение: Владимира Геращенко и Сергея Чернова выгнать из пионеров на две недели. Что и было сделано назавтра.

На общешкольной линейке. Руководству рудника милиционером было указано обратить особое внимание на доступность взрывчатых веществ и обязать рабочих на выборке подбирать не только кристаллы слюды, но и куски аммонита и прочих деталей от взрывных устройств. В общем, польза от Вовкиного взрыва тоже была.

Правда, дома нас пороли, не зирая на то, что мы уже были почти взрослыми – пятый класс. Вовка после порки напрочь охладел к Розке. А Санька серьёзно распахивался на нас. Потому что он тоже хотел участвовать в разборе. Но мы его не позвали.

В общем, история была давняя. А сейчас Наталья Петровна на полном серьёзе предлагала избрать меня председателем совета отряда! Мол, он, то есть, я, умный, смелый, защищает справедливость. И вообще, кто, если не он?!

И, самое смешное, весь класс дружно поддержал предложение классного руководителя. Не знаю, от того ли, что никто не хотел лишних забот или от того, что правда уважали меня. Голова пошла кругом. Я пытался откеститься от такой почётной обязанности, говорил, что Танька Власова лучше, чем я. Но тут встрял Вовка и авторитетно заявил, что самый честный и твёрдый пацан в классе это Серый. И нечего тут думать, а надо голосовать. И через минуту Наталья Петровна торжественно вручила мне нашивку на рукав – две красные шпалы на сером сукне. Так я стал командиром в нашем пионерском отряде.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*Почему по утрам в классе гаснет лампочка?
«Ты мне не друг!» Как быть честным и справедливым,
когда тебе этого очень не хочется?*

Потянулись школьные будни. То скучные, с контрольными по алгебре, то весёлые, с историей средних веков. Саня, когда внезапно вернулся из своей поездки к морю, рассказал нам причину возвраще-

ния. Оказалось, что влажный морской воздух и жара не пошли Санюре на пользу. Причина больного сердца была не в самом сердце, а в том, что у Сани были слабые лёгкие. И нужна ему была именно наша тайга. Воздух, в котором много кедра, сосны, становился в меру сухим и вкусным. Даже морозы наши на пользу должны пойти. И, главное, Саня вырослел. И лёгкие его сами по себе приходили в норму, развивались, что ли? Поэтому и на морде у него появился нормальный румянец, и плечи шире стали, и пыхтеть он перестал.

С избранием меня председателем совета отряда, конечно, забот добавилось. Раньше было просто: уроки закончились, портфель в охапку и на улицу! До свидания школа! Сейчас стало не так. Тут тебе и совет дружины, и совет отряда, и назначение вожатых к малышне из начальных классов. Мы вспоминали нашего бывшего вожатого Витю, который теперь учился в десятом классе. И старались походить на него. Придумывали игры, мероприятия, заставляли выпускать стенгазеты.

Забот хватало. Мама, конечно, обрадовалась моему избранию. Сказала, что на будущий год нам вступать в комсомол, а там могут и секретарём избрать. В общем, началась общественная жизнь. Честно говоря, сказать, что это мне нравилось, будет не совсем верным и правильным – свобода мне была больше по нутру. Но я понимал: если не я, то кто?!

Поэтому и случилась та неприятная история, которая чуть не положила конец нашей многолетней дружбе с Вовкой и Санькой.

По утрам светало поздно. В школу я шёл по тёмным улицам посёлка, торопясь первым придти в класс, проверить чистоту в партах, наличие мела и вытерта ли доска. В классе должен быть полный порядок. Конечно, прибегающие раньше всех дежурные по классу все замечания и сами устраняли. Но известно, что командиру всегда виднее.

Проверив всё, я пошёл в пионерскую комнату, уточнить – будет ли сегодня вечером совет дружины? Скоро октябрьские праздники, а к ним нужно готовиться загодя.

Первым уроком была зоология. Мне нравился и учитель наш, Пётр Герасимович, и сам предмет. Жить в тайге и не знать природы, зверей? Но Вовка почему-то не любил зоологию. Почему – не объяснял. Самый любимый предмет у него был ... математика! Он считал, что штурман обязан хорошо считать, и не обязан много читать и любить зверушек изнутри. Это он к тому, что мы изучали и строение животных, и их поведение.

Я же любил литературу, русский и историю. И терпеть не мог алгебру. Тут у нас с другом было большое разночтение. Мы даже ссорились иногда, потому что Вовка никак не мог понять моего прохладного отношения к его любимому предмету. Он даже обзывал меня китобоем. Мол, я на флоте только и буду способен на то, чтобы охотиться на живность. Мне как-то вспомнилась наша неудачная охота на летягу. И я подумал, что тогда-то мой товарищ и получил стойкое отвращение к охоте на живность. Хотя с ружьём пойти на рябчика он поначалу сильно хотел. Но не пошёл!

Шла десятая минута урока, когда в классе замигала лампочка, и потом внезапно потух свет. Пётр Герасимович несколько раз пощёлкал выключателем, но свет не загорался. В коридоре и в других классах всё было нормально с электричеством. Но у нас как отрезало. Пока дежурные бегали и искали завхоза, чтобы найти новую лампочку, прошла, считай, половина урока. Самое странное было в том, что когда включили свет, прежняя лампочка оказалась целой – пружинка в ней не брякала, цоколь был в норме. Чудеса, да и только.

На следующий день история повторилась. Опять был сорван урок. Умный Саня рассказал, что есть такие необъяснимые явления, типа домовых и барабашек, которые если рассердятся на кого, будут мстить. Вот поэтому у нас на первом уроке и тухнет свет. Ведь на остальных уроках всё нормально было. Мол, надо узнать – на кого барабашка рассердилась. На что Пётр Герасимович грустно ответил, что в барабашек он не верит и что нужно просто позвать учителя физики, и пусть он объяснит этот необъяснимый факт.

Позвали физика. Тот покрутил лампочку, поменял её в патроне – она загорелась легко и просто. Учитель пожал плечами:

– Странно! Может быть, что-то с выключателем? Хотя, сейчас же лампа горит? А только что не горела, говорите?

Он ещё раз внимательно осмотрел лампочку, покачал головой и ушёл. Правда, выходя из класса, он как-то странно ухмыльнулся.

Утром назавтра урок начался как обычно – Пётр Герасимович вызвал к доске Таньку Петрову. А сам всё на часы поглядывает. Танюха отбарабанила домашнее задание за минуту. Ничего со светом не произошло. Всё было хорошо. Учитель вздохнул обрадовано, и в это время в класс зашёл физик:

– Ну, что у вас тут? Как поживает барабашка? Не шалит ещё?

– А должен? – спросил биолог.

– Что-то мне подсказывает, что не успокоился он, – усмехнулся учитель физики. – Думаю, сейчас он нам сам...

И тут свет потух! Сначала лампочка привычно мигнула, а потом потухла! Физик повернул выключатель, достал из кармана фонарик, поставил на парту стул и попросил Петра Герасимовича подстраховать его. В секунду вывернул лампочку, зачем-то сунул в патрон палец, осмотрел его, и вновь закрутил лампочку на место.

– Ну-ка, кто-нибудь щёлкнете выключателем!

Сидящий по-прежнему на первой парте Саня приподнялся и повернул выключатель. Свет немедленно зажёгся!

– О! Чудо! – воскликнул Пётр Герасимович. – Это как же так?

Физик усмехнулся:

– Думаю, Пётр Герасимович, вам барабашку нужно искать среди гениальных учеников этого класса. Сверхъестественное в нём лишь то, что для хулигана он слишком образован. Смотрите да не повторяйте.

Он взял с парты чью-то тетрадь. Из неё промокашку. Оторвал маленький кусочек.

– Вот если сейчас намочить этот кусочек, потом вывернуть лампу, положить мокрую промокашку на цоколь и ввернуть лампочку в

патрон, то она будет гореть нормально. Потому что вода проводит электричество. Но как только промокашка высохнет, поступление тока прекратится. И лампочка потухнет! При выворачивании в темноте лампочки, промокашка просто упадёт на пол. Вот и весь секрет!

– Барабашка! Ты молодец! – обратился физик к кому-то в классе. – По физике тебе пять. А вот от Петра Герасимовича тебе должно влететь. Да и совет отряда с тобой должен поработать.

С этими словами физик вышел из класса. А мы все затихли – ведь «барабашка» был среди нас! Среди восемнадцати учеников шестого «Б» класса!

– Давайте продолжим урок, – сказал Пётр Герасимович. – А разбирательства оставим на потом. Поручим Сергею и совету отряда проработать этот вопрос самостоятельно. На то они и местная власть в классе!

Я внимательно осматривал всех своих товарищей. Ведь среди них сидит тот, кто трижды пытался сорвать уроки! И я, как председатель совета отряда, должен разыскать этого человека, чтобы навести порядок в отряде. Чтобы смыть позорное пятно. Потому что и Пётр Герасимович, и физик обязательно расскажут про этот случай в учительской, и уже к вечеру совет пионерской дружины вызовет меня для отчёта.

Видно было, что ребята так же переглядываются между собой, пытаются понять, кто этот «гениальный физик».

Сначала я сразу отмёл всех девчонок. Ни одна из них не могла залезть на стул одна и провести эту операцию. Потом отмёл почти всех пацанов. И Саню. Хотя именно он мог бы додуматься до такой проказы. Но потом я обратил внимание на то, что сейчас он сидел, склонив голову над учебником, делая вид, что нашёл в нём что-то очень интересное. Он не вертел головой, как остальные. Он даже словно ёжился, когда мой взгляд наталкивался на его спину. И у меня мелькнула страшная мысль: во всём классе только два человека по сговору могли провернуть этот финт с лампочкой. Потому что одному это сделать сложно: кто-то должен был держать дверь и не пускать никого в класс, пока один выкручивал и вкручивал лампу. И подозрительными

мне показались именно два человека: съёжившийся над книгой Саня и невозмутимо откинувшийся на спинку парты Вовка.

– Вовочка! – вкрадчиво спросил я. – Ты мне ничего не хочешь сказать?

– Что именно? – невинно ответил Вовка. – Думаю, скоро снег пойдёт. И уже не растает. Можно будет на лыжах кататься.

– Ты хвостом не крути! – приструнил я приятеля. – Твоих рук дело? – кивнул я на лампочку.

– С чего ты взял? – прищурился Вовка.

– Да кроме тебя и Саньки на это в нашем классе не способен никто! – почти в голос воскликнул я. Даже учитель голову поднял от журнала на мой возглас:

– Чернов, ты отвечать хочешь?

Я не то чтобы рвался к доске. Но домашнее задание сделал и к ответам был готов.

На перемене я увёл приятелей в угол коридора и приступил к допросу. Вовка сразу занял оборонительную позицию: я, не я, корова не моя. А Санька стоял, понурился, и носком ботинка ковырял плинтус. Видно было, что он мучительно делает выбор. Он точно что-то знал.

– Давайте, колитесь, паразиты! – настаивал я. – Вы, что, хотите, чтобы был наказан весь класс? Учтите, если мне сейчас не расскажете, я вас вызову на совет дружины. И вы там как миленькие во всём признаетесь!

Вовка набычился:

– Ты чо, нас сдать хочешь? Друг называется!

– Ага! – обрадовался я. – Вот ты и признался! Забыл, что в клятве пионерской записано? Может, напомнить тебе: «пионер честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду». Значит, по-твоему, я не честный и не верный товарищ потому, что хочу, чтобы вы признались в своих проступках?! Значит, это вы верные и честные, которым плевать на весь класс? Так, что ли?

– Чего ты раздухарился? – вскинулся Вовка. – Ну-ка, пойдём в класс и спросим у всех – кому не понравилось то, что на уроках его не успели спросить и двойку вклеить?

– А давай пойдём! И спросим! – вскипел я. – Позовём Петра Герасимовича, Наталью Петровну, и ты у всех спросишь! А заодно и объясните с Саней – зачем вы это делали, и просил ли вас об этом весь класс. И как должен был вести себя учитель, которому срывают работу!

Вовка сначала оторопел от моего напора, а потом пошёл в атаку:

– Чо, начальником заделался? – прошипел он. – Ну, иди, расскажи всем, какой ты принципиальный и честный, а какие мы с Саней плохие и сволочи!

– Ты чего, Вовка?! – оторопел Саня. – Серый тут при чём? Ему же первому влетит за нас. Он правильно говорит. Это мы с тобой два дурака, решили, что самые умные. Говорил я тебе – не нужно этого делать. А ты что? «Прикольно, прикольно! Пусть ботаник этот знает, как животных мучить!»

– Не понял! – уже почти заорал Вовка на Саню. – А кто придумал с промокашкой? Я, что ли, «гениальный физик»? В лоб захотел, Саня?

– За языком следи! – вдруг жёстко ответил Санька. – Я тебе не пацан пришлый.

Саня сжал кулаки. Стало заметно, что за лето он сильно изменился. Куда-то исчез тюха-матюха, маменькин сынок. Перед нами стоял вполне взрослый парень, способный, если надо, и за себя постоять, и за других. Это раньше в Вовкиной и моей тени, он казался слабым, хилым и нерешительным. Но проведённое на море без нашей опеки время изменило человека.

Назревала банальная драка между двумя закадычными друзьями. Которые с рождения знали друг друга, защищали друг друга, и, можно сказать, чуть ли не дышали друг другом!

– Стоп! – сказал я и встал между парнями. – В другом месте подерётесь. А сейчас по пунктам и медленно: каждый рассказывает свой вариант.

– Да пошли вы! Друг нашёлся! – зло буркнул Вовка, и, отодвинув меня плечом, в развалку пошёл по коридору прочь от нас.

Три оставшихся урока до обеда, мы не общались. Я не собирался потакать Вовке в его придури, а он считал себя грубо оскорблённым. Честно говоря, я не знал, что делать. Не узнав причины, которые заставили моих друзей пойти на такой проступок, трудно было сделать правильные выводы. Но стать на колени и выпрашивать у Вовки правду? Слишком много для него. Придётся после школы серьёзно поговорить с Саней. Тот готов был рассказать ещё на первой перемене, но то ли не хватило духа, то ли не хватило времени. А потом он сторонился меня все остальные перемены. Не думаю, что от страха перед Вовкой или из-за того, что тоже был виноват в тройном срыве уроков. Что-то другое мешало ему. Я понимал, что сложно преодолеть себя, говоря о вине друга в его отсутствии. А мне-то что было делать?! Скоро меня могут вызвать или в учительскую, или на совет дружины школы. И что я там буду мямлить?

Прозвенел звонок с урока. Я было хотел остановить Саню, чтобы поговорить с ним, но меня задержала Нинка Чернышёва. Ей срочно потребовалось, чтобы я у мамы в конторе сделал для неё, точнее, для стенгазеты, увеличенную копию открытки к ноябрьским праздникам. Пока я отбивался от неё, и Вовка, и Санька исчезли.

– Нинка! Ну, чего ты ко мне пристала со своей открыткой! Нарисуй сама!

– Я не умею! – заявила Чернышева.

– А почему тогда стенгазетой занимаешься? – удивился я.

– Потому что, во-первых, вы сами меня редактором назначили, – ответила Нинка. – А во-вторых, редактор не обязан уметь рисовать. Его обязанность поручать поручения другим членам редколлегии или отряда. В-третьих, ты у нас член редколлегии, вот я тебе и поручаю: чтобы к пятнице открытка была. Раскрасить её я сама сумею. Как-нибудь!

Она сунула мне в руку открытку, крутанулась передо мной, и только косички мелькнули в коридоре.

Вот ведь зараза! Не выполнишь её поручение, она тут же расскажет всё на совете отряда, и получится, что сам председатель этого совета злостный уклонист! Придётся у мамы опять проситься к ней на работу в неурочное время. Значит, вечером.

Тут я вспомнил про Вовку и Саню. И решил на сегодня махнуть рукой – вызовут на разбор, скажу, что пока веду следствие. Что я, в самом деле, Шерлок Холмс?! Найду – доложу.

Мне от этого решения стало чуть легче. Хотя осадок от ссоры с лучшими друзьями остался сильный. И ещё я подумал, что вечером нужно посоветоваться с мамой. Она у меня человек мудрый. Плохого не посоветует.

По дороге домой, я заскочил к маме на работу в камеральный отдел её конторы. Именно в этом отделе был такой прибор хитрый, который при помощи умно настроенных металлических реек и тросиков мог из маленького рисунка на клочке бумаги, сделать большую картину на листе ватмана. Как это делалось, я не знаю. Но получалось здорово! Мама мне объясняла, что в поле, то есть, в таёжных летних экспедициях, они делают съёмку местности при помощи теодолита, роют канавы-шурфы и в блокнотах карандашами рисуют схему того участка тайги, где ведут разведку полезных ископаемых. Но у блокнота страницы маленькие. А карты нужны большие. Вот и была изобретена такая хитрая система, которая позволяет увеличивать рисунок: тонкой иглой ты обводишь свою схему на листочке блокнота, а карандаш, что прикреплен в специальном устройстве, точно повторяет все линии, только уже в том масштабе, который тебе нужен! Конечно, в нашей школе такого прибора не было. Поэтому перед главными праздниками и совет дружины, и наша классная редколлегия обычно просила помочь. Хотя у нас были и настоящие художники в старших классах, но иногда работы было очень много. Вот тогда и я становился «художником» поневоле.

На мою просьбу поработать вечером с их прибором, мама ответила согласием. И тут же предложила совместить полезное с приятным:

– В холодильнике возьмёшь колбасу и сыр. Сделаешь бутерброды. Чай у меня есть, – сказала она. – Тут и перекусим! У меня тоже работы много ещё. Поэтому повечеруем вдвоём. Хорошо?

Я радостно кивнул головой. Потому что любил такие вечера. Мама сидит за своим столом и что-то чертит. Еле слышно радио бормочет. За окном темнотища. И ты такой весь за большим планшетным столом кажешься себе уже взрослым. Делающим важное дело. Можно с мамой поговорить, а можно просто помолчать. Вот здесь сегодня с ней и проговорю ситуацию с Вовкой и Саней, решил я.

Вечером, съев все бутерброды и попив чай со сгущёнкой, я рассказал маме историю ссоры с пацанами. И спросил, что мне делать дальше?

– Сам как думаешь? – спросила мама. – Давай с этого начнём. Так будет правильной. А то я тебе сейчас насоветую, и ты сразу примешь моё решение как единственное правильное. Так не годится.

Я согласился с мамой. Хотя в глубине души очень хотелось не задумываться, а принять готовое решение.

– Понимаешь, мне ничего не ясно пока. Кроме одного: Вовка придумал сорвать урок, а Саня научил, как это сделать. Но не известна причина, повод! Вовка уже большой и просто так придуриваться не будет. Это мы могли несколько лет назад что-нибудь бездумно учудить. Но чтобы в шестом классе? Поэтому для начала мне нужно выяснить повод. И потом решать – что с этим всем делать, – рассуждал я вслух. – Понимаешь, мама, Вовка мне сказал, что я хочу предать нашу дружбу, сообщив учителям, что срывал уроки он. А разве не он меня так вот предаёт? И получается, что я начинаю сравнивать кто из нас лучше? Ведь и правда же выходит, что друга сдать! И молчать не имею права. Мне доверили отряд. Я должен отвечать и за дисциплину, и за всё. Вот прощу Вовку с Сашкой, а потом кто-нибудь ещё набедакурит. Я и его должен буду прикрывать? Так же нельзя! Все должны быть равными. Но как это объяснить Вовке?!

Я сжал виски ладонями и уставился в тёмное окно. Там отражался какой-то пацан с взъерошенным чубом, с перекошенным ладонями лицом и кривым носом. Чудовище! Таким я себя и внутри чувствовал. Зачем только согласился стать председателем совета отряда?!

Мама смотрела на меня и молчала. Ждала, пока я выговорюсь. А у меня заклинило. Потому что понял, просто так пойти на совет отряда и выложить, что причиной срыва урока являются мои друзья, я не мог. Но я так же не мог и промолчать. Поэтому просто решил завтра же отказаться от своей почётной, но такой сложной должности командира.

– Нет, Серёжа, так не пойдёт! – категорически отвергла моё решение мама. – Ты же не трус!?

– А причём тут трус или не трус?!

– Ты выбрал самый простой путь – сдать в плен собственной трусости и неуверенности в своих силах, – жёстко ответила мама. – Если ты завтра откажешься от своего поста, то тем самым ты своим друзьям не поможешь, просто сдашь их другому человеку, и сам покажешь всю свою несостоятельность. Лычками гордиться просто. А вот показать себя вдумчивым, сильным и справедливым, тут и себя ломать нужно!

– Так что же делать? – взмолился я.

– Думаю, тебе нужно поговорить с парнями и убедить их самим сдать! Пусть подойдут на перемене к Петру Герасимовичу и признаются. Но – са-ми! Это будет наилучший вариант. Во-первых, ты останешься на высоте в их глазах: не сбегал в учительскую, не стукнул на товарищей. Во-вторых...

– Они не согласятся на это! – выпалил я. – Видела бы ты Вовку! Он мне так и сказал – «ты мне не друг больше!»

– Ты меня не дослушал, – махнула рукой мама. – Это будет уже их дело, их решение – идти признаваться или предать тебя. Понимаешь? Почему ты должен прикрывать их преступление? Если уж говорить взрослым языком. У вас это пока проступок, а вырастете? Всё начинается с мелочи. Как говорит твоя бабушка, дьявол в мелочах! Так и здесь

с вами. Повторяю – не согласятся мальчишки сами признаваться, тогда уж собирай совет отряда. И всё расскажи. Но я уверена, если вы настоящие друзья, то Саша и Володя поймут тебя. И всё сделают правильно!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О том, как Саня пошёл сдаваться учителю, и как «барабашка» пришёл на помощь. А так же о том, как с помощью яйца куриного обыкновенного делается необыкновенная справка из больницы.

Домой мы с мамой вернулись поздно. В комнатах было тепло и уютно: пришедшая раньше нас Светка протопила печку и теперь сидела на диване с книжкой. На коленях у неё урчала Анька, наша старая кошка. И было уютно, и было очень хорошо. Потому что решение принято, осталось утром перед уроками, поговорить с пацанами.

– Привет, мам! Привет, Серый! – поздоровалась сестра. – Слышь, а что у вас за барабашка в классе появился?

«Ну, вот и понеслось!» – подумал я, а вслух ответил:

– Ерунда всякая! Знаем мы этих барабашек! – и пошёл к себе в комнату. Домашнее задание никто не отменял: ни мама, ни сестра, ни барабашки.

Сестра здорово выросла за последний год. Такая краля стала! Парни из девятого класса через день да каждый день мне записки суют, чтобы я Светке передал. Мол, деловое письмо! Знаем мы такие письма! Я, конечно, честно передавал, не читая. Потому что мама давным-давно нас научила некоторым простым вещам, которые делают человека человеком. Не читать чужих писем и записок. Не воровать. Не врать!

Теперь с сестрой мы жили дружно. Ушли в прошлое наши ежедневные бои за то, кто будет мыть посуду или подметать полы. Она перестала ябедничать на меня, а я перестал дёргать её за косы и запихивать под подушку лягушек. Мы просто стали взрослыми.

Вспомнилось, как мы со Светищей любили сесть на диван, взять «Книгу о здоровой и вкусной пище», открыть её и выбирать себе раз-

ную вкуснятину. Задача заключалась в том, чтобы первому успеть увидеть на страницах самое вкусное и красивое, прихлопнуть картинку ладонью, и заорать, что это твоё. А потом мы рассматривали картинку и мечтали, как будем это есть. Мне обычно не везло. И я попадал на какой-нибудь дурацкий рыбный фарш или банку с оливками. Которые сроду не видел. Светища всегда угадывала то фрукты, то газировку, то пирожное. Я подозревал, что она выучила всю книгу наизусть и тупо меня обманывает. Поэтому наши смотрины этой продуктовой витрины прежде часто заканчивались банальной дракой.

Утром я рано примчался в школу. Хотелось ещё у раздевалки перехватить Вовку с Сашкой. Но я напрасно их прождал – ни тот ни другой не появились. Тогда я спросил у дежурных из пятого «А» класса, приходили или нет эти «барабашки». Оказалось, что Саня давно в школе, а Вовки ещё не было.

До звонка оставалось несколько минут, и я рванул в класс. Надо было и с Саней успеть поговорить, и проверить, всё ли готово к уроку.

Саня, как ни в чём не бывало, сидел за своей первой партой, обложившись книжками: успевал просматривать и биологию, и английский язык, который шёл вторым уроком. Доска была до блеска вымыта, мел и тряпка были на месте. Стул для учителя стоял как надо. И наличие кнопок и прочих посторонних предметов на нём не просматривалось. Класс к урокам был готов, чего не скажешь обо мне.

– Где Вовка? – спросил я у Сани.

– Не знаю! – ответил Саня.

– А кто знает?

– Серый! Не мешай! Меня сегодня Герасим точно спросит.

Герасимом про себя мы звали учителя биологии Петра Герасимовича. Была у нас и Муму – учитель английского. Маленькая, молчаливая женщина с почему-то испуганными глазами. Беспощадные школьники давно её прозвали Муму за то, что в английском большинство нас были не му-му, да и написание слова «моё» русскими буквами как

раз и писалось, как «му». И это второе имя намертво приклеилось к бедной женщине.

– Нам нужно поговорить! – потребовал я.

– Прямо сейчас? – усмехнулся Саня. – Боюсь, не получится. Звонок уже.

И, правда – по школе заливался звонок, призывающий всех в классы.

Я махнул рукой и пошёл к своей одинокой парте – Вовки не было! Он практически не прогуливал уроки: это осталось в далёком детстве. Поэтому я подумал лишь об одном – мне сейчас ещё придётся объяснять отсутствие Владимира Геращенко без уважительной причины. Весёлое начало дня! А Вовка трус! Побоялся придти в школу!

Пётр Герасимович вошёл в класс, как ни в чём не бывало. Быстро проверил домашнее задание и начал читать новый материал. Я ожидал, что он спросит у меня о ходе расследования дела «барабашки», но ничего подобного не произошло. На переключке вообще выяснилось, что Вовка предупредил дежурную по классу Любу Глотову, что он заболел и что его не будет ещё три дня. Вот так новость! И то, что он позвонил дежурной, а мне не стал звонить, было хуже всего! Ну, ладно! Разберёмся ещё, кто прав, а кто больной.

На перемене я сразу подошёл к Сане:

– Ну, что скажешь? Как понимать Вовкину болезнь?

Арутинов пожал плечами:

– Серёга, хочешь верь, хочешь не верь – ничего не знаю! Вчера, когда расстались, он здоровый был. Мне не звонил. Я знаю столько же, сколько и ты!

– Серёжа! Ты открытку мне сделал? – Нинке Чернышёвой всегда нужно влезть именно в тот момент, когда её меньше всего ждёшь.

– Сделал, сделал! – отмахнулся я. – Дай поговорить!

– А где она? – не унималась Нинка.

– Дома оставил!

– Но мне она нужна сегодня! – продолжала настырничать Чернышёва.

– Перебьёшься! – отрезал я. И взмолился, – Нинка! Отстань! Мне срочно нужно поговорить с Саней. Я тебе завтра утром всё принесу. До праздников ещё уйма времени. Всё успеем!

Тут снова прозвенел звонок, в класс вошла наша Муму. Я так ничего не успел выяснить про «барабашку». Хотя на душе слегка полегчало: получается, что сговора у друзей не было, и заговора против меня тоже нет. Может быть, Вовка и правда заболел. Но почему он даже Сане не позвонил, а лишь сразу дежурной, вот это был вопрос!

В буфете на большой перемене, как обычно, было не протолкнуться. Но Саня успевал всегда чуть ли не первым, потому как его парта стояла у самой двери. Вот и сейчас он махал мне рукой, зазывая встать за ним или ему дать денег на пирожки.

– Чо будешь?

– Два пирожка с капустой, чай и пирожок с брусникой, – попросил я, и пошёл занимать столик. Что было тоже проблемой. Свободное место нашлось только на широком подоконнике. Где мы и пристроились вполне уютно.

– Колись, Санюра! Вы мне все нервы истрепали за эти сутки, – сказал я Сашке. – Ночь не спал, всё мечтал вас на чистую воду вывести.

– Не парься, Серёга! Я уже всё сделал, – ответил Саня.

– Что сделал? Подробней давай, – стал заводиться я. – Чего ты kota за хвост тянешь?! Мы ж не в песочнице. Меня в любой момент на совет дружины или к директору дёрнут, и что я там буду говорить? Ведь я знаю, что это вы с Вовкой срывали уроки. Как мне прикажешь реагировать?

– Не заводись! – миролюбиво повторил Саня. – Я всё исправил. Перед уроками я зашёл к Герасиму и признался, что фокус с лампочкой придумал я. Просто стало интересно провести опыт – на сколько минут хватит одного слоя промокашки, двух слоёв и трёх. Вот три раза свет и гас.

– И он тебе, ботанику, поверил?! – удивился я.

– А почему бы ему мне не поверить? – пожал плечами Санюра. – Очень даже поверил. Потому что других версий у него не было. Если

разобраться, то кому какая выгода была? Он ведь в любой момент мог кого хочешь спросить и успеть двойку влепить.

– Тогда я ничего не понимаю! – почесал я затылок. – А вам-то зачем вся эта фигня нездоровая нужна была? И как Герасим не дотумкался, что один ты не смог бы лампочку выкручивать. Кто-то должен был дверь держать!

– Да какая теперь разница, дотумкался или нет учитель! Он мне приказал сходить к физику и высказать тому своё уважение за быстрое раскрытие преступления. И уже тот решит, что со мной делать.

– А как теперь с советом отряда? С классом? Ведь все хотят узнать – кто был «барабашкой». Меня вчера уже сеструха вечером пыталась об этом.

Саня прищурился:

– Ладно тебе! Поспрашивают да и забудут.

– Но я-то вам не забуду! – пригрозил я. – Ты мне так и не сказал – зачем вы это затеяли. Друзья называются!

– Это всё Вовка! – поморщился Сашка. – Он решил отомстить Герасиму за лягушку.

– Какую лягушку? – ошарашено спросил я. – Последний раз с лягушками мы имели с ним дело в пионерском лагере.

– Помнишь, недели две назад Герасим показывал нам нервные окончания у лягушек? Ну, он ещё её препарировал, а потом током бил. У той лапы дёргались.

Я вспомнил тот урок. И что тут такого? Обычный опыт. Девчонки, правда, отворачивались и визжали. Но чтобы Вовка?!

– И?

– Так вот Вовке страшно не понравился этот опыт. И он прямо-таки расписывался на биолога.

– Ну, нашёлся неженка! – удивился я. – А как на охоту ходить? За гусями или вот осенью мы с ним за орехом ездили. Дядя Юра ружьё нам дал, чтобы мы рябчиков на ужин настреляли...

И тут я вспомнил, что Вовка на охоту не пошёл! Отговорился, что устал, что хочет есть и спать!

– А помнишь, Серый, как мы охотились на летяг, и Вовка потом в истерику впал? – спросил Саня. – Хохотал, когда мы белку похоронили, а потом чуть Попова не избил?

Я помнил тот случай. Хотя и прошло три года. И вспомнил ещё, что Герасенко всегда искал причину, чтобы с нами не ходить больше на охоту с луками. Рыбачить – рыбачили. А вот на охоту...

– Ну, ладно, лягушка. Опыт. И что? – продолжил я разговор.

– Ничего! Пришёл он как-то ко мне и давай пытаться: как бы Герасиму отомстить за то, что тот над животными измывается. Я пробовал ему объяснить, что так положено, что он нас учит, и мы должны это понимать. Но ты же знаешь Вовика: если тому в башку втемяшится блажь какая, то всё, считай, пропало. Он даже калитку ему хотел минировать. Вот я и предложил ему самый мирный способ: мол, сорвём несколько уроков, ему директор по голове настучит. И, что главное, трудно будет установить причину срыва. Мне казалось, что я ловко всё с лампочкой придумал?

– Ловко-то ловко, да забыл, что у нас есть ещё и учитель физики, – подколот я приятеля.

– Да, этот аспект я не учёл, – сконфузился Саня. – Думал, подольше всё будет. А так хватило лишь на три урока.

– Уроды вы, – приговорил я Саню. – Почему мне ничего не сказали?

– Чтоб ты запретил? – усмехнулся Санька. – Нашёл дураков. Вовка так сразу и предупредил – «Серому ни слова»! Меньше знаешь – лучше спишь, – щегольнул поговоркой Саня.

– Хорошо, – подумав, продолжил я. – Сходишь ты к физику. А дальше?

– А дальше Герасим обещал договориться с ним, чтобы тот не поднимал пыль. Мол, он своими силами со мной разберётся. Ну, чтобы и самому, якобы, не выглядеть нелепо, да и сыр-бор не хочет до директора доводить. Понимаю, что в школе уже многие про «бара-

башку» из шестого «Б» слышали. Так это быстро утихнет. Нужно просто ещё что-нибудь отмочить. Переключить внимание, – и Сашка ухмыльнулся.

– Я вам переключу! – чуть не заорал я на весь буфет. – Попробуйте только! Этот ещё в школу придёт, я ему всё скажу. Всё, что думаю. Так друзья не поступают. А тебе – спасибо, что сходил к Герасиму. Я, честно говоря, не знал сам, что делать.

– Да я вчера всё понял, – ответил Санюра. – Понял, что мы тебя в угол загнали. Но кто ж хотел этого? И Вовка вчера так психанул, когда я ему предложил идти сдаваться самим, чтобы тебя не подставлять, что меня чуть с крыльца школы не спихнул. Так и помчался куда-то нараспашку. Вот и добегался. Наверняка простыл.

До окончания занятий я размышлял: нужно ли после школы зайти к Вовке и проведать его? Не выгонит ли он – ведь вчера он так рывкнул на меня, что до сих пор неприятно. Да он ещё, наверное, не знает, что Саня уже сходил к Петру Герасимовичу и всю вину взял на себя. И не зайти, вроде, не по-товарищески. Всё же, человек болеет, занятия пропустил. Даже как председатель совета отряда я обязан, если не сам, так хотя бы кого-то из отряда отправить проведать товарища, домашнее задание отнести, чтобы тот в учёбе не отстал. В общем, мучился я так последние два урока. Потом решил сначала сбегать домой, бросить сумку и пообедать. А дальше видно будет.

Я пошёл домой. И на спуске возле дома Шипициных встретил трёх мусковитских парней на велосипедах. Одного из них я знал – Олег Бойков. Он учился на класс старше. Что они делали в нашем посёлке, я не знаю. Мусковит, такой же рудник, как и наша Колотовка. Выше по течению Витима на четыре километра. Не так давно мы гоняли туда на великах. Просто так, прокатиться. Обычно, с Мусковитом у нас была переменная вражда. То мы их поколачивали на своей территории, то они нас на своей. Но в тот раз всё обошлось: мы закупили газировки «Барбарисовой», которой не оказалось у нас в посёлке, и благополучно вернулись домой.

– Опаньки! – воскликнул Бойков. – Это кто же к нам прямо в руки попал?! Это же сам Серёга Чернов! Тот самый пацан, что в моём любимом посёлке обидел моего же любимого брата.

– Какого брата? – ошарашено спросил я, чувствуя холодок в животе. Дураку понятно, что такое обращение обозначало неминуемую драку. На Мусковите была дурная система. Обычно подсылается малолетка. Он у тебя просит десять копеек. Ты его посылаешь к бабушке. И тут из кустов трое верзил: «ты зачем мальчонку обидел?» И понеслось. Сейчас назревало нечто-то подобное. Вот только я в упор не помнил, чтобы обижал не то, что брата Олега, но вообще хоть кого-то обижал. Кроме Вовки, однако.

– Ты чего, Олег?! Какого брата? Я вообще не знал, что у тебя брат есть. Поздравляю! – почему-то пошутил я, лихорадочно соображая, как мне удрать от этой троицы: одному мне не выстоять. На улице никого, а до дома метров триста осталось. Можно попробовать прорваться.

– Не, вы поглядите! Он ещё и шутить изволит! – начал издеваться Бойков. А его приятели, не спеша, окружали меня с трёх сторон. Теперь, чтобы прорваться, нужно было предпринимать быстрое и решительное действие: немедленно бить кого-то, и пока другие очухиваться будут, мчаться со всех ног к дому.

– И планшетка у него какая замечательная! – протянул Олег. – Нет, чтобы с товарищем поделиться. А ты себе ещё у мамочки попросишь.

Значит, Олег даже про маму всё знает. Собрал сведения. А зачем? Но размышлять было уже некогда: мамин планшет я им всё равно не отдам, но мысль мне Олег подал правильную. Я снял планшет с плеча, намотал ремешок на руку, отвлекая внимание противника, и потом, безо всякого размаха, опустил планшет на голову Бойкова. Он такого от меня не ожидал: один против троих! Да ещё старших парней. Обычно, в таких случаях, жертва безропотно отдавала добычу, получала пару подзатыльников и пинок в зад, и на этом всё заканчивалось.

Олег опешил, а мне только это и нужно было: я рванул прямо на Бойкова, плечом сбив его на землю. И засвистел ветер в ушах. И хохот догоняющего противника. Вихрем промчавшись мимо крайнего тупика, ведущего к дому Шипициных, я вырвался на прямую дорогу к дому. И тут за спиной услышал самый знакомый в мире голос! Голос Вовки Геращенко:

– Ну не фига себе! Чтобы на нашей земле ещё нас гоняли?!

И шум падения чьего-то тела.

Я резко затормозил и развернулся. Один из мусковитских парней валялся на земле, схватившись за щиколотку. Рядом лежал велосипед. Видимо, вырвавшийся из проулка Вовка, не раздумывая, пнул велик по колесу, свалив противника как в футбольном матче. И теперь нас оказалось двое против двоих. Уже было не страшно.

– Олег! Давай так, – обратился Вовка к парням. – Вы сейчас быстро садитесь на свои драндулеты и дуете к себе что есть мочи. Или через три минуты тут будет весь посёлок. И мы вас просто затопчем как слоны львов на водопое. Как думаешь?

Бойков ничего не ответил. Помог встать своему другу, потом вскочил на свою машинку, даванул на педали, и, уже отъезжая, пробурчал:

– Мы ещё встретимся! Приедете вы к нам, приедете. Пешком потом домой пойдёте!

– Тебя догнать? – крикнул Вовка в спину удаляющемуся противнику. Те не ответили, но поднажали на педали. Только пыль из-под колёс.

– Привет! – как ни в чём не бывало, сказал Вовка. – Уроки кончились? А чего это они к тебе пристали? Да ещё на чужой территории? Домой идёшь?

– Закончились, – по порядку ответил я. – Не знаю. Иду домой. А ты чего тут делаешь, а не в постели валяешься? Ты ж больной?

– А! – махнул рукой Вовка. – Никакой я не больной! Просто вы меня вчера с Саней достали оба. Вот и решил денёк отдохнуть!

Я аж задохнулся от возмущения! Мало мне сорванных уроков, так теперь ещё и прогульщик в классе! Да что же это такое?!

Видимо, моё возмущение так отчётливо нарисовалось на лице, что Вовка заржал от удовольствия:

– Не бойсь, Серый! Всё тип-топ. Справка будет настоящей. Не переживай. У тебя дома что-нибудь пожрать есть?

– А ты что, обнищал? У самого ничего нет? – заподозрил я неладное.

– Так я же в школе! – улыбка у Вовки до ушей расплылась. – Не дай бог маманя домой заглянет. Вот и шхерюсь по углам. Ладно, пошли к тебе. У меня дело есть. Тем более, твоя мать всё равно на обед не приходит. Да и уроки уже закончились.

– Где же ты справку возьмёшь? – возмутился я.

– Брось, Серёга! Всё продумано. Пошли, давай, жрать охота.

«Ну, ладно!» – подумал я мстительно: – «ты у меня сейчас всё дома расскажешь. И не приведи господь тебе соврать! Ты ж не знаешь, что Саня мне уже всю историю с лампочкой рассказал».

– Пошли. У нас с вечера картошка жареная осталась. И грибы есть. Я вчера у мамы в камералке поужинал, а Светка картохи нажарила. Вот и осталось на твоё счастье!

– Картошечка! Да с грибочками! Поди, волнушки солёные? – аж затанцевал на месте Вовка. – Чего стоим? А ну помчались!

И мы помчались ко мне домой.

Пока я разогревал картошку на печке, Вовка выпросил у меня одно яйцо куриное и стал его варить в большой кружке. «Вот оголодал!» – удивился я, но ничего не сказал. Подумает ещё, что жадюсь.

– Ну, чо, Саня уже сбегал к Герасиму, излил душу? – доставая яйцо из кружки, спросил вдруг Вовка.

Я чуть сковороду с картошкой не уронил на пол:

– Ты откуда знаешь?

– Так он мне вчера чуть в лоб не заехал, заставляя идти рядом с ним каяться! – засмеялся Вовка. – Я так и понял, что он примчится раньше всех в школу и пойдёт докладывать о своих грехах. Про меня тоже рассказал? – полюбопытствовал приятель.

– Нет, – ответил я. – Он всё на себя взял. Сказал, что, мол, по физике опыты проводил – на какой секунде свет выключается, проводимость промокашки, мол, изучал.

– Молодец, Саня! – воскликнул Вовка. – Я так и думал. Правильный мужик. Я, потом, конечно, наверное, тоже к Герасиму схожу. Но не сейчас. Саня про лягуху тоже рассказал? – небрежно спросил Геращенко. Но видно было, что при этом он сильно напрягся и стал тщательно чистить яйцо.

– Какую лягуху? – решил я подыграть Сане и не выдавать его.

– Потом расскажу! – словно обрадовался Вовка. – Я у вас видел Светкину справку из больницы. Найди, а? И чистый лист бумаги. Только быстрее давай, пока яйцо не остыло.

Я пожал плечами и сходил к Светке в комнату. Она недавно болела ангиной, и у неё и вправду была справка для школы, которую сестра всё забывала отнести.

Когда вернулся, обнаружил, что Вовка выдрал из моей тетради листок бумаги в клеточку и полностью очистил яйцо.

– Давай сюда справку! Быстренько! И смотри чудеса техники, – поторопил меня Вовка.

Он выхватил у меня справку, положил её на стол, аккуратно разгладил, прицелился и прокатил очищенным яйцом прямо по сиреневой печати, что жирно отливала в уголке Светкиной справки.

На белом боку яйца появилось изображение печати. Не суетясь, Вовка снова прицелился и прокатил яйцо теперь уже по вырванному листочку из моей тетради. Я разинул рот! На совершенно чистом листе бумаги чётко отпечаталась новенькая печать!

– Оп-ля! – голосом фокусника воскликнул Вовка. – Сегодня и ежедневно на арене цирка факир Геращенко Вольдемар-Абдурахман-ибн-Хоттабыч!

Он помахал листком с печатью и продолжил:

– Теперь давай свои грибы и картошечку! А потом мы напечатаем из твоей медицинской энциклопедии любой диагноз. Думаю, подойдёт

растяжение лодыжки. Тем более, что у меня летом это было, когда в футбол гоняли. Печатную машинку твоя мама ещё на работу не унесла?

Я стоял остолбеневший. На моих глазах Вовка не только превратился в фальшивомонетчика, но и меня сделал соучастником! Я автоматически нарезал хлеб, достал вилки и набуровил из банки в глубокую тарелку солёных волнушек, соображая: дальше-то что делать?

– Ты понимаешь, что сейчас подделал официальный документ? – спросил, наконец, я. – И я теперь у тебя подельник! Кто тебя научил печати подделывать?

– Есть мастера у нас в посёлке. Что хочешь смастырят. Забыл, кто у нас в основном живёт? – ухмыльнулся Вовка. – Да ты не переживай, а пережёвывай! – прошамкал он весело.

– Серёга, на тебя командирская должность плохо влияет! Ты стал заметно тупее. Мы, что, деньги ворует? Никто и проверять не станет. Главное, в этом деле не наглеть. Пару раз в четверть можно позволить. Не больше, – Вовка насадил на вилку рыжую головку лохматой волнушки.

– Грибы твоя мать солит лучше всех. Моя мама тоже умеет, но она, наверное, много укропа кладёт. А у вас больше смородинового листа. Вкуснятина! Да ты ешь, Серый! Чего взгрустнул? Пробьёмся!

– Ну, ты и зараза, Вовка! – выдохнул я. – А если не пролезет? Если наша медичка разоблачит тебя?

– Если бы да кабы во рту бы выросли грибы! – засмеялся своему каламбуру Вовка. – Проверено. Она смотрит только на печать. Есть печать – и в тетрадочку. Да я завтра собираюсь уже выйти. Похромаю для приличия и всё.

– А что с «барабашкой» будем делать? – сдался относительно справки я. Тут Вовку уже не переубедишь, всё равно сделает, а бежать и докладывать я не собирался. У нас многие приносили справки об освобождении от физкультуры, а потом я видел, как они по огородам лазили, или в футбол мяч пинали. Значит, не у всех справки были настоящими. – И кто тебя научил так печать лихо копировать?

– Про печать я тебе сказать не могу – слово дал человеку. А про «барабашку» я не знаю. Но, думаю, утром зайду к Герасиму. Некрасиво Саню подставлять. Да и ты тут причём? С тебя же не слезут теперь, пока ты нас не найдёшь.

У меня в груди потеплело: всё же, Вовка был настоящий друг. Не мог он бросить в беде.

– Я ж тебе сказал – Саня всё про себя Герасиму рассказал. Тот вроде поверил.

– Не-е, учитель умный. Он понимает, что был кто-то второй. И точно догадался, что это я. Все же знают, что мы втроём дружим. Ты не мог Саньке помогать. Ты у нас правильный начальник. Командир. Значит, второй «барабашка» это я. Не хочу трусом выглядеть и за спинами друзей прятаться. Кончай жрать! Тащи машинку. Справку доделаем.

Не прошло и десяти минут, как Вовка одним пальцем набил нужный текст и лихо расписался. Преступление было задумано, совершено и завершено.

Но на душе моей лежала огромная холодная лягушка. Не из-за страха разоблачения. Ведь получалось, что я не только прикрыл проступок, но и принял в нём активное участие. Какой же из меня пример другим пионерам? Имел ли я теперь право ими командовать, судить и наказывать, выносить порицание?

Было от чего голове пойти кругом.

На завтра Вовка как обычно пришёл в школу, сдал «справку» нашему школьному врачу и спокойно уселся за парту. А на первой же перемене отвёл Петра Герасимовича в коридоре в сторону и что-то, размахивая руками, ему рассказал. Наш биолог усмехнулся, махнул рукой, и ушёл в учительскую. И я впервые за два дня вздохнул спокойно: всё решилось вроде как само собой. Хотя кое-какие выводы для себя я сделал: нельзя идти на поводу у события. Вот что бы я делал, если бы парни сами не признались учителям? Смог бы я вытащить их на совет дружины и рассказать о них всей школе? Ответа на этот вопрос у меня так и не появилось! И это было очень плохо.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*О том, кто такие Фанфан-Тюльпан и Дюймовочка,
или любовь со второго взгляда*

История с «барабашкой» на удивление быстро затухла. Наш Герасим не стал раздувать скандал, и школа, не видя продолжения его, быстро успокоилась. Да и не мудрено: каждый день у нас проходила масса интересных дел. Класс занимался привычным сбором макулатуры, пару раз сходили на маёвку в лес, весело провели приём в пионеры новеньких третьеклассников. Но, как говорил Вовка, душа требовала простора!

Я понимал, о чём говорит мой неугомонный друг. Его бы энергию да в мирное русло! Потому что, если быть откровенным, взрывы, физические опыты и прочие экстравагантные выходки Герасенко превращались уже в привычную головную боль у председателя совета отряда, которым был я.

Незаметно подошел ноябрь. Нинка Чернышёва с утра меня достала своей праздничной стенгазетой. Я ей притащил тот рисунок с открытки, который сделал вечером у мамы на работе. И так как был членом редколлегии, остался после уроков в школе доделывать газету. Вовка тоже остался, и сидел теперь в углу пионерской комнаты, сражаясь в шахматы с Санькой. С шахматами у него получалось здорово! Он часто приходил ко мне домой, и они усаживались с моей мамой в большой комнате за круглый стол, доставали доску и долго играли в шахматы. Я уже говорил, что Вовка любил математику, так как собирался стать морским штурманом. И меня всегда укорял, что я с этой наукой в напряжённых отношениях. Мол, не получится из меня моряк настоящий. Хотя почему каждый моряк должен быть штурманом? Но его не прошибёшь: он хотел быть штурманом, а, значит, и все вокруг должны были разделять его убеждения.

Маме тоже нравилось играть с Вовкой. Она его даже уважительно стала называть Володей. И хотя силы были не равные – моя мать выигрывала не только районные соревнования, но и областные, Вовка часто загонял её в тупик своими ходами. Правда, мама всегда давала ему фору – играла против него либо без двух слонов, либо без коня. Вовку это серьёзно злило. Но при наличии полной команды шахматных фигур, он проигрывал почти молниеносно. Поэтому, ему приходилось терпеть некое «унижение», как он считал.

В пионерской комнате царила творческая тишина. Нинка и наша новая одноклассница Оксана Дмитриенко, что приехала в посёлок минувшим летом, рисовали стенгазету. Ксюха, как прозвали мы эту девчонку с прямыми косичками и большими аккуратными бантами, даже если и не было праздника, очень ловко писала заметки. Она, как и я, любила историю, литературу и рисование. У неё, на зависть всему классу, даже был свой фотоаппарат «Смена». И она очень не плохо фотографировала. И отдавала фотки в редколлегию. Поэтому с самого начала учебного года наша стенгазета стала резко выделяться из всех газет школы. Фотки часто получались весёлыми. Она умела подсмотреть забавные сценки на любом мероприятии. Да и подписи придумывала смешные.

Я всё чаще заглядывался на эти косички. И если бы учился не в шестом, а в четвёртом или даже пятом классе, то обязательно бы давно уже пару раз дёрнул за эти замечательные банты.

Оксанка переехала к нам из Ленинграда. Её отца перевели из Горного института к нам, в геологоразведку. Мама говорила, что он замечательный учёный. И в ближайшие два года наш рудник будут серьёзно переделывать в обогатительный комбинат. Вот поэтому его и прислали к нам.

Мы думали, что эта столичная фифа сразу нос задерёт против нас, поселковых. Но она оказалась своей девчонкой. Лихо скакала в классики и отлично плавала. Правда, местные наши дуры ей сразу захотели приклеить прозвище «задавака». Вовка тут же пообещал им выдрать все волосы до лысого состояния. Я так понял, он опять влю-

бился. После того, как ему разонравилась в пятом классе Розка, он долго ходил одиноким.

– Серёжа! – позвала меня Ксюха. – А вот на твоём чудном аппарате можно фотографии увеличивать?

– Зачем? У тебя они и так отлично получаются, – ответил я, рассматривая очередной шедевр с заготовки макулатуры.

– Как ты не понимаешь?! – возразила мне Ксюха. – Я не могу делать их большими – у меня такой фотобумаги нет. А было бы здорово, если бы мы портреты наших отличников делали большими и наклеивали на ватман. Рисованные они бы ещё лучше смотрелись. Можно вообще карикатуры из фоток делать. Попробуй, а?

– Серёжа, Серёжа! – передразнил Вовка, не бросая шахматной партии. – Нам нужно большое фото. Мы художниками стать хотим.

– Геращенко! Ты дурак? – спокойно спросила Ксюха.

Так Вовку в лоб без боязни получить по голове ещё никто не обзывал!

А той хоть бы что. Сказала и дальше обрезает фотографии. У Вовки глаза на лоб полезли. Он даже привстал, было, из-за стола, да тут Санька ему шах объявил. Вовка сразу забыл про Оксанку и уткнулся в доску: проиграть Сашке он не имел морального права. Эта с косичками ещё успеет получить своё. По крайней мере, так читалось на затылке у Вовки.

– Попробую, – пообещал я Ксюхе. Как можно было ей отказать? Глаза как два полевых василька смотрели строго и требовательно. «Вот кого надо было в председатели совета отряда», – мелькнула у меня мысль. Пусть бы она с Вовкой воевала.

Ксюха, как ни в чём не бывало, отвернулась к Нинке, и продолжала их разговор:

– В пятом классе я насобирала почти двести килограммов макулатуры, и меня за это наградили поездкой в пионерский лагерь «Орлёнок». Это на Чёрном море, знаешь?

Чернышёва важно кивнула головой, хотя имела о географии смутное понятие вообще и о том, где находится Чёрное море, в частности.

БУДЬ ГОТОВ!

– У нас в Ленинграде ещё был снег, а в Туапсе, на море, в лагере, уже всё цвело. Ребята были со всей России. Вот не помню, из Сибири, наверное, тоже были. Из нашей школы в «Артек» или «Орлёнок» на море ездят?

– Угу, ездят, – буркнул, не оборачиваясь, Вовка. – На Братское море. В пионерский лагерь «Северный Артек». Только нас туда не берут – нема отличников.

– Вечно ты, Вовочкин, ворчишь! – махнула рукой Нинка. – Вот и ездят наши. В прошлом году из Мусковита моя подруга ездил.

– Конечно, конечно! – закивал головой Вовка. – Я тебе про нашу школу. Вон, с Мамы, даже в настоящий Артек ездят. А мы люди третьего сорта. Нас на море пускать не велено.

Мечта о море была главной мечтой Вовки. И моей мечтой. Но дневник и его содержимое не давали нам никаких шансов на такую поездку в лагерь. Мать же его не могла потянуть путёвки к морю, куда многие геологи из посёлка ездил – зарплата у Вовкиной матери была маленькой. А моя мама каждое лето уезжала в тайгу. И мы только завистливо слушали Саню, который нам по осени рассказывал как на море здорово и красиво.

– Ты будешь слушать? – перебила ворчание Вовки Ксюха.

– Да, это всё Герашенко не даёт. Любит подслушивать, – наклеуничала тут же Нинка.

– А если в лоб? – лениво протянул Вовка и объявил ответный шах Сане. Чувствовалась близкая развязка шахматной партии.

Но его уже никто не слушал – Дмитриенко продолжила свой рассказ:

– Помню, была девочка из Пензы, мы с ней подружились в первый день. Она однажды говорит:

– Пойдём, я покажу тебе тюльпановое дерево. Оно скоро зацветёт, и там наверняка будут Дюймовочки. Представляешь, я – в пятом классе, а в Дюймовочку верила!

Мы ходили каждый день, но оно так и не цвело. За пару дней до отъезда я так сильно подвернула ногу, что не могла ходить, и поэтому меня оставили на два дня в медпункте, где не было ничего, даже книжек. Я представляла, что вечером сбегу оттуда и, наконец, увижу волшебство. Естественно, побег не удался...

Лежу, плачу оттого, что так никогда и не увижу, как появляются настоящие Дюймовочки.

Медсестра спросила, в чём дело? И говорит: «Не реви. Ты ещё сто раз сюда приедешь. И кстати, это не тюльпановое дерево, а грецкий орех. И никаких Дюймовочек там нет ...»

Я-то точно знала, что никогда больше туда не приеду, но в то, что тюльпанового дерева не существует, верить отказалась...

Я разрыдалась, мне дали валерьянки и я заснула. Такая вот история была.

– Ну, прямо Фанфан-Тюльпан! – заржал Вовка. – Фанфан-Тюльпан и Дюймовочка! Между прочим, Дюймовочка жила в пруду и вышла замуж за жабу!

– Нин, – обратилась к Чернышёвой Оксана. – Он у вас всегда такой? Приставучий? Слышь, Геращенко! Ты б так и признался, что втрескался в меня.

В комнате повисла жуткая тишина. Все ждали, как минимум, грома и молний, или, как максимум, мгновенной смерти Дмитриенко.

Нужно было спасать «Дюймовочку», как я тут же окрестил Оксанку. Потому что Вовка и правда мог с дуру что-нибудь учудить. Хотя на девчонок он никогда руки не поднимал, но за косу дёрнуть мог.

– Между прочим, – начал я, – чтобы к пятнице все прочитали книгу «Васёк Трубочёв и его товарищи». Будет общее обсуждение книги на классном часе. Нина, поставь-ка это объявление в газету. Чтобы потом никто не говорил, что не слышал.

– Дюймовочка! Ты что-то там прошептала? – поднял голову Вовка. – Повторить не можешь?

– Легко! – ответила Оксана. – Я сказала, что ты в меня втрескался, вот поэтому и пристаёшь. Что, не правда?

И Ксюха ехидно улыбнулась. А Нинка, дура, захлопала в ладоши. Я ожидал бури. Но Вовка спокойно повернулся вместе со стулом, оглядел Ксюху с ног до головы и серьёзно сказал:

– Правда! После школы пойдёшь за меня замуж?

Оксана вспыхнула как бакен на Витиме. А мы рты открыли: такого от моего друга уж точно никто не ожидал.

Круто развернувшись на каблучках, Дмитриенко выскочила из комнаты. А Нинка стала крутить пальцем у виска:

– Ты, Геращенко, идиот полный! Как такое можно говорить девочке?

– Что я такого сказал? – удивился Вовка. – Она меня чётко спросила, а ей чётко ответил. Всё по правде, как у настоящих пионеров.

И он иезуитски кивнул головой в мою сторону:

– Спроси у Серого! Вы ж думали, что я тут начну права качать? А я честно сказал – да, втрескался, да, хочу её взять замуж. Что тут такого!? Помнишь кино «А если это любовь?» Вот. Всё по классике. Или она на Фанфан-Тюльпана обиделась и убежала? Так это тоже из кино. Чернышёва! Я чо обидного сказал?

Я аж задохнулся! Вот что тут Вовке сказать можно? Кругом прав. Даже если это шутка. Или правда?! Зная Вовкин характер, можно было предположить, что он теперь начнёт достигать поставленной цели. И, честно говоря, мне это сильно не по нутру было. Потому что нравились мне самому эти васильки полевые и белые банты на каштановых косичках...

Нинка тоже ничего сказать не могла – хлопала ресницами и глаза тарасила. А Вовка ухмыльнулся, развернулся к Сане и эффектно воткнул ферзя в угол:

– Мат, Санюра! Учи матчасть!

И гордо вышел из пионерской комнаты.

Я подошёл к окну и упёрся горячим лбом в прохладное стекло. Было грустно. Было такое ощущение, что я теряю что-то, что было во мне многие годы. Что давало устойчивость, веру в будущее, в неизбежность всего мира вокруг. Мне казалось, что я теряю нашу дружбу с Вовкой Геращенко. Ведь он даже не попрощался со мной, не справился – правильно ли сделал, так поговорив с Оксаной. Он просто ушёл, словно меня и не было в пионерской комнате.

Потом мне подумалось, что беспокойно у меня на душе потому, что мне тоже нравится Ксюха. Просто как девочка. Как весёлый и хороший товарищ. Или больше, чем товарищ? Вон, Вовка не постеснялся

– ляпнул при всех, что втрескался в Оксану. И, руки в боки, удалился спокойно. А я даже самому себе боялся признаться в том, что она сильно мне нравится.

И тут в окне я увидел, как с крыльца школы, помахивая портфелем, соскочила Ксюха. Как обычно её упрямые косички торчали непокорно вверх, и два белых банта покачивались над вязаной шапочкой как два белых флага. Она нагнулась, зачерпнула варежкой снег, и в это время на крыльце появился Вовка. Он что-то сказал Ксюхе, потом спокойно отобрал её портфель, и ... они пошли дальше вместе, о чём-то болтая.

У меня подкосились ноги. Это был конец. Конец дружбы! Конец всей жизни! И я тут же вычеркнул Вовку из списка живущих...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Возвращение «барабашки», или наш поход к директору школы. Лыжный марафон за кладом.

В пятницу у нас был классный час для обсуждения книги про Ваську Трубачёва, а так же по вопросу участия в праздновании Октября.

Ещё летом мы все посмотрели фильм «Отряд Трубачёва сражается». И поэтому сегодня было решено обсудить один момент – откуда этот отряд появился и чем всё это у них закончилось. Почему у Трубачёва отряд был дружный, а у нас в классе случаются ссоры.

Книга понравилась всем. Как и кино. Ребята живо обсуждали историю дружбы Мазина и Русакова, Ваську Трубачёва и его двух товарищей. Валерка Кочнев даже буркнул, что у нас в классе тоже есть «три мушкетёра» – Чернов-Герашенко-Арутинов. Это он про нас с Вовкой и Санюрой так сказал. Мы и правда с детского сада не разлучались. Но лучше бы он не вспоминал про нашу троицу. Потому что Нинка Чернышёва тут же вскочила и выпалила:

– Вот в книге написано, как председатель совета отряда Вася Трубачёв был честным и сильно переживал за то, что Мазин и Русаков обма-

нули класс в истории с мелом. Он даже поссорился со своими лучшими друзьями, но это было принципиально. А почему до сих пор Серёжа Чернов нам ничего не сказал, кто виноват в том, что у нас на уроке биологии лампочка гасла? Лично я знаю, кто это делал, кто у нас был «барабашкой»!

Класс зашумел. «Кто это был»? «Почему никто ничего не говорит»? «А чего Серый помалкивает, пусть отвечает!» «Рассказывай, Чернышёва, чего мямлишь!»

Даже Наталья Петровна растерялась:

– А почему я ничего не знаю? Что это за история? Чернов! Ты почему молчишь?!

Мне пришлось рассказать ей про то, как у нас на первом уроке несколько дней гас свет. А потом учитель физики догадался, что это дело рук какого-то умельца из класса, которого все прозвали «барабашкой».

– Ну, и кто этот неизвестный герой? Ты можешь нам сказать? – строго спросила учительница. – Отвечай, тебя весь класс ждёт!

Но я стоял и молчал! Не мог решиться рассказать то, что знал. И надеялся на чудо. Потому что, рассказав про Саню, про то, что он уже признался Герасиму, я неминуемо должен буду рассказать про Вовку, а там и про справку врачу. И чем вся эта дикая история может закончиться, даже представить себе не мог.

Меня спас длинный язык Нинки Чернышёвой. Ей не терпелось выложить все тайны, которыми она обладала. Как говорила моя бабушка, тёплая водица в одном месте не держится.

– «Барабашка» – это Сашка! – дурашливо срифмовала Нинка. – Арутинов. Знаменитый физик-технолог. Это он мокрые промокашки запихивал в лампочку, вот они и тухли! А Вовка ему помогал! Вот!

– Господи! – вспыхнул Саня. – Как можно что-то в лампочку запихать? Она запаянная. Я в патрон клал бумажки. Не понимаешь в физике, лучше промолчи. Тем более, что я всё уже рассказал Петру Герасимовичу. Чего старое ворошить?

– Вот видите, Наталья Петровна! – взвилась обиженная Чернышёва. – Вот видите! Как может быть дружным класс, если Арутинов себя так ведёт! Я понимаю, сыну директора школы всё можно! Но он пионер! И должен отвечать перед советом отряда, перед всем отрядом!

– Причём тут моя мама! – чуть не заорал Санька. – Я сам за свои поступки отвечаю. И уже всё исправил, – защищался он.

– Стоп! – остановила наметившуюся ссору классный руководитель. – Стоп, стоп, стоп! Я пока не слышу нашего председателя совета отряда. Серёжа, а ты что скажешь? Ты знал всё это?!

Я вышел к доске и тут же встретился глазами с Вовкой. Мне показалось, что он смотрит на меня с усмешкой, ожидая, когда я начну рассказывать про их с Сашкой тайну. И тут на меня накатило воспоминание о том, что друг мой носит портфель за Ксюхой Дмитриенко, что мне он об этом ни слова не сказал, и что теперь мне придётся одному разгрести весь этот клубок проблем. И я решился рассказать обо всём.

Ладно... Ничего не остаётся, как быть честным и принципиальным. А там посмотрим...

И в это время из-за парты встал Вовка и выдал жужжащему классу:

– Чего вы на Арутинова наезжаете? Он уже поговорил с Петром Герасимовичем. Я с ним тоже поговорил. Потому что помогал Сане стул держать, когда он за лампочкой лазил. И дверь я закрывал, чтобы никто в класс не зашёл. И Серёге мы всё доложили. Даже перед физиком я извинился. И Сашка тоже.

Сказал так Вовка и сел.

А я остался стоять с открытым ртом и выпученными глазами. Вот гад! Теперь мне нужно срочно придумать – за секунду! – почему я классной ничего не рассказал! Она потом спросит – почему в совет дружины школы не доложил! Это же такое преступление! Как же так?! И понесутся разборки. А крайним останусь лично я.

Надо было отвечать.

– Наталья Петровна! Мне эту всю историю ребята рассказали сразу. Поэтому мы решили, что они сами подойдут к учителям, рас-

скажут причину своего проступка и попросят прощения. Так как уроки не срывались полностью, учителя приняли решение не докладывать ни директору школы, ни разбирать пионеров Геращенко и Арутинова на совете дружины. Поэтому всё и осталось без разбирательства. Мы не хотели вас беспокоить, честное слово! Ведь сам проступок мелкий. Ну, не было света десять минут. А дальше-то урок шёл нормально.

– Но ты скрыл этот факт от меня! – воскликнула снова Наталья Петровна. – Я ваш классный руководитель! Это я могу принимать решение – обсуждать, наказывать, прощать! Не ты! Ты ещё мал для такого решения! Твоя задача – немедленно докладывать мне обо всех, даже самых маленьких, происшествиях в классе. Обо всех! Тебе понятно, Чернов! Ты покрываешь своих дружков! Это уже не дружба. Это укрывательство! Всё начинается с мелочей. В прошлом году ты побежал к директору спасать Геращенко. Наплёл там с три короба. Вам обоим простили, а тебя даже избрали председателем совета отряда. А ты что?! Что ты вытворяешь, я тебя спрашиваю!

Класс замер. Такой бури никто не ожидал. Нинка Чернышёва сидела, зажав рот руками и тараща глаза. Саня был красный до самой макушки, а Вовка наоборот – побледнел, как обычно он бледнел в минуты опасности. Ксюха Дмитриенко изумлённо крутила головой, словно впервые увидев класс. И теперь ждала – кто ещё чего может сказать про нас.

Меня сорвало. Иногда бывают у меня такие затмения, когда я сначала говорю, потом думаю, а затем или жалею, или нет.

– Вообще-то думал я, что меня ребята выбирали своим председателем, чтобы нам интересней жить было. А не для того, чтобы я следил за ними и докладывал вам обо всём! Не надзиратель я и не доносчик! – выпалил я. – Если не могу быть председателем совета отряда, то можно прямо сейчас меня переизбрать. Вон, пусть Нинка Чернышёва займёт моё место. У неё лучше получится! Она всегда всё знает.

– Да как ты смеешь! – Наталья Петровна взорвалась – Ты ещё учить меня будешь! Огрызаться! Всем сидеть в классе! Чернов со мной к директору!

Она схватила меня за руку и потащила за собой из класса. Уголком глаза я заметил, как из-за нашей парты начал выбираться Вовка, который, видимо, собрался идти с нами.

Мы вихрем промчались от нашего класса до кабинета директора. Благо, что идти было пять шагов.

– Стой здесь! – приказала Наталья Петровна. – Тебя позовут.

Как только за классным руководителем закрылась дверь кабинета, из класса выскочили Вовка и Саня.

– Чо делать будем? – деловито спросил Вовка. И без перехода добавил. – Сань, я тебе говорил, что зря ты этой козе всё рассказал!

– Какой «козе»? – потухшим голосом спросил я. Хотя мне было уж безразлично, что было в прошлом. Меня больше интересовало будущее. Я представлял, как расстроится мама, когда узнает, что меня переизбрали. А не узнать она не может – мне придётся спарывать две красные шпалы с рукава школьного пиджака. И она это увидит.

– Да понимаешь, этот пацан, – Вовка пальцем ткнул в Саню, – взял и рассказал всё Чернышёвой. Дружит он с ней, понимаешь ли. А нас подставить можно?!

– Слушай, Володя! – начал закипать я. – Тут нужно тщательно разобраться – кто и кого подставил. Пока это лишь я стою у кабинета директора школы и жду приговора. Хотя, друзья мои закадычные, я тут вообще ни сном, ни духом! Даже Нинка что-то знает, а мне никто не удосужился до сих пор чётко и откровенно всё рассказать. Через пять минут меня могут и из школы выгнать, и с отряда снять, и галстука лишить. А вы тут... Идите вы на фиг, понятно!?

Я махнул рукой и отвернулся от них. Говорить было не о чем. Если они предали, а они предали, рассказав свою историю чужому совсем человеку, и утаив всё от меня, то дальше выход был один: нет у меня больше друзей. Есть одноклассники. И всё на этом.

– Ну чо ты, Серёга, сразу в бутылку-то лезешь? – примирительным тоном начал Вовка. – Мы тебе собирались всё равно рассказать. Да так получилось, что вроде как поутихло всё, никто ничего не роет, не ищет «барабашку». Вот и не стали. Тем более, мне казалось, что и с учителями мы разобрались хорошо: они нас с Санюрой поняли. Только вот Санька зря Нинке растрепал.

Я резко повернулся к Вовке.

– Слушай, Геращенко! «Мы», «мы», «мы»! Рассказать нужно было до того, как вы первый раз выкрутили лампочку! А не тогда, когда вас накрыли. Меня подставила не Чернышёва. Меня вы подставили, когда потух свет. Когда физик обнаружил «барабашку». Вы показали этим, что не верите мне. Это вам не третий класс. И не баночка с аммонитом. И я не просто пацан, а председатель отряда. Прикрывая вас, я должен прикрывать и всех! Это нечестно. Эх, вы!

– Ты меня извини, Серый! – понуро стоящий Саня, поднял голову. – Честно говоря, мы с Вовкой думали, что так будет лучше. Ты человек ответственный. Стал бы злиться, запрещать. А Вовке очень нужно было сделать этот опыт!

– Сань! Не бухти! – ответил я. – Ты ж рассказывал, что это тебе нужен был опыт по физике, а не Геращенко. Заврались вы совсем.

Я не мог сейчас вслух сказать, что Саня мне рассказал о мести Вовки Герасиму. За лягушку. Тот и так был злым на Санюру за то, что он разболтал всё Чернышёвой. Да я ещё добавлю. Мне своих проблем хватало.

Открылась дверь и на пороге появилась Наталья Петровна.

– Заходи, Чернов! А вы, мушкетёры, марш в класс! Мы сейчас вернёмся!

– Здравствуйте! – поздоровался я, входя в кабинете к Сашкиной маме. Она опять работала директором школы. Было страшно неудобно, потому что Марина Леонидовна была строгой мамой, и если я сейчас начну рассказывать историю про Саню и Вовку, будет совсем плохо.

– Здравствуй, Сергей! – сказала Марина Леонидовна, снимая очки. Глаза у неё были усталые. Но не сердитые.

– Я про ваши приключения знаю всё во всех подробностях. Из разных источников. Поэтому обсуждать их не намерена. Ты сейчас извинись перед Натальей Петровной, и на этом поставим точку. Ясно?

– Ясно! – ответил я. – А за что извиняться?

Я ж говорил – язык мой иногда впереди мозгов марширует! Поэтому я тут же поправился:

– Имею в виду за то, что не доложил сразу про историю с лампочкой, или за то, что спорил с учителем?

Наталья Петровна аж побледнела от моей наглости. А Марина Леонидовна спокойно сказала:

– Оптом. А ещё на пару лет вперёд. Пока она не выпустит вас из восьмого класса. Конечно, если при этом выживет.

Она улыбнулась. Кисло повторила улыбку и наша классная. Мне оставалась лишь стандартная процедура извинения и заверения в лучших чувствах. Которую я с облегчением и выполнил. Потом мелькнула мысль: «получается, что я кругом балбес? Санька матери давно рассказал. И только я ходил как дурачок»? Ладно. Разберёмся. Главное сейчас – решить, как вести себя с друзьями? Если простить, они поймут, что я дал слабинку. Сломался. И дальше так будут себя вести. Не прощать – останусь один. А это очень плохо!

Выйдя из кабинета директора, я наткнулся на три пары внимательных глаз: Ксюха была уже рядом с Вовкой, и дожидалась известий о моей судьбе. Хотя, только ли о моей? Ведь решалась и Вовкина судьба. Меня словно холодной водой окатили!

– Вам было сказано идти в класс? – сердито бросил я. – Как вы меня сегодня утомили, кто бы знал!

И я прошёл мимо новой дружной тройцы в класс, где все одноклассники ждали развязки моего похода к директору. Видя, что я вернулся живой-здоровый, первым «ура» проорал Кочнев. Все подхватились с

парт, окружили меня, стали дёргать за пиджак и требовать деталей. Даже Нинка подошла, и, отводя глаза в сторону, прошептала:

– Ну, ведь я же правильно всё сделала. По-пионерски?! Мы же должны говорить только правду, иначе какие мы пионеры? Вон, в книжке, Мазин же признался, что мел спрятал. Хотя никто бы никогда не догадался об этом. И все бы думали на Трубочёва.

Не успел я ей ответить, как Валерка заявил:

– Командир! Пока ты там по директорам шлындали, мы тут придумали к седьмому ноября сделать марафон на Витимский! На лыжах! В честь праздника! Как тебе идея?!

Мои мозги с трудом переключались с одной темы на другую:

– Растолкуй!

– Да ничего сложного! – загалдели ребята. – Представляешь, Серый, мы всем классом по Витиму на лыжах идём на Витимский. Там у Валерки дружок живёт. Он может напрыгать разных указателей и зарыть клад, чтобы мы его искали по пути. Или знамя где-нибудь прицепить. А мы, такие умные, ищем указатели, расшифровываем их и на лыжах прём прямо к ним...

Я понял, что одноклассники всё же прочли книгу внимательно. Там был эпизод, когда три класса соревновались между собой в походе именно по такой схеме. Но они там просто так, весной, в поход ходили. А мы тут можем и, правда, посвятить поход празднику. Это бы сразу повысило авторитет нашего пионерского отряда. И затмило бы тень от «барабашки».

Мимо меня к парте просочился Вовка, за ним Ксюха, а за спиной послышался голос Натальи Петровны:

– Всем сесть на свои места! Чернов, продолжай классный час!

Словно ничего и не произошло!

– Наталья Петровна! – начал я. – Ребята обсудили книгу и предлагают в честь Октябрьской революции сделать тематический лыжный пробег Колотовка-Витимский. Совместно с ребятами из Витимской средней школы. Можно через неделю сделать. Как вы думаете?

Учительница кивнула головой:

– Интересный проект! Давайте, подумаем. Мы давно ничего подобного не делали. Последний раз несколько лет назад из Бодайбо сто километров шли на лыжах студенты техникума. Почему бы нам, ну, не сто километров, а ... туда и обратно, Кочнев, сколько будет километров?

Валерка грохнул крышкой парты:

– Туда и обратно будет примерно десять километров!

– Интересно-о-о, – протянула Наталья Петровна. – Интересно! А ведь на будущий год будет пятьдесят лет Великой Октябрьской социалистической революции! А давайте выдвинем инициативу: пятидесятилетие – пятьдесят километров лыжного пробега! Это ведь как раз до посёлка Мама и обратно?! За два дня можно будет пройти дистанцию. Объявим в школе соревнование – бегут лучшие ученики школы!

– Так всегда! – пробубнил с задней парты Валерка. – Придумывают обычные пацаны, а бегут лучшие ботаники. Тогда им неделя потребуется

– Кочнев, не бубни! Станешь лучше учиться – и ты победишь. Это юбилейный пробег, и в нём могут участвовать не абы кто!

Весь класс приуныл. Надо полагать, из всех нас шанс будет только у Сани и Чернышёвой. Может быть, у Дмитриенко. И всё. Остальные будут из старших классов и шестого «А» – там одни отличники.

Восхищенная придуманной ею идеей, Наталья Петровна быстро свернула собрание класса и помчалась к директору, хвастаться. А мы...

Я собрал тетради в планшетку, и, не дожидаясь, пока ко мне опять пристанут с расспросами, шмыгнул за дверь. Быстро схватив телогрейку в раздевалке, запахнулся и рванул на улицу – честно говоря, хотя всё и закончилось благополучно, мне было в душе противно. Словно вместо вкусной помадки мне сунули, как в детском саду, ложку с рыбьим жиром...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

*Что такое волокуша и почему ботинки хуже валенок.
«...и со сломанною лыжей свой закончили поход».*

Вместо того чтобы идти сразу домой, я почему-то забрёл на наше любимое место – на пригорок за домом Антипиных. Отсюда мы наблюдали летом за тем, кто к нам плывёт вверх по Витиму. Зимой сюда заглядывали гораздо реже. Поэтому тропинка не была пробита, и я, набирая валенками снег, пробрался к нашим пенькам. Сшиб с одного из них снежный грибок, уселся и бездумно уставился на белую полосу замёрзшего Витима. С левой руки сильно парила Колотовка, которая никак не могла успокоиться и застыть на зиму под тяжёлым ледовым покрывалом. Она окончательно никогда не успокаивалась. Даже когда сильные морозы сковывали её, казалось бы, прочно и мощно, она, вдруг взбрыкнув как норовистая кобылка, вырывалась поверх ледяного панциря и захлёстывала своей прозрачной водой всю округу, да так, что стоящие на низких берегах дома «кричали караул» – вода подступала прямо к порогам. Срочно прибывали рабочие с отбойными молотками, с уроков снимались старшие школьники с лопатами и кайлами и в ледяном панцире начинали пробивать глубокие каналы, чтобы отвести воду от подворьев. Вот такая она у нас, своенравная, могучая, хотя по виду и мелкая, речушка Колотовка!

– Я ж говорил, что он сюда удерёт! – слышался торжествующий голос Вовки. – А Саня не верил: «чо ему тут зимой делать!»! Здесь круглый год хорошо думается. Привет, Серый! Чего думу думаем? О чём, если не секрет? О том, поди, что мы с Санькой предатели и уроды?

Он плюхнулся на соседний пенёк, не сгребая снег, а рядом уселась ... Ксюха! Вот тебе новости! Ещё никогда мои друзья никого на наше тайное место не приводили! Что-то в этом мире сломалось, если сам Вовка решился на такое.

– Ты, Серёга, конечно, прав! Уроды мы. А самый главный урод – это я! Я ведь даже Санюре наврал про лягушек. – Геращенко цыкнул слюной. – А он и поверил. Мол, жалко мне стало бедных земноводных, которых Герасим на уроках препарировал. Вот я и решил ему отомстить! Чушь собачья!

Это он уже сказал не мне, а Ксюхе. Я ещё оглянулся и не обнаружил Сашки. Странно, но его с ними не было.

– Саню ищешь? Его не будет. Его маман на проработку оставила. Погиб, можно сказать, пацан, друганов защищая. Не-е, но вот кто его за язык тянул Нинке всё рассказать?! – Вовка покачал головой. – Ладно. Проехали. Так вот. Идею с лампочкой, ещё до Санюры, мне подсказал Витька Хорошев. Он в девятом учится. Ты его должен знать – ботаник, как наш Санюра. Умнее его только Ньютон. Мы как-то случайно встретились с ним. Слово за слово, он мне рассказал, что если на цоколь мокрую бумагу приклеивать, то минут через десять лампочка будет тухнуть. Это он дома такую месь придумал своей сеструхе малой. Подбирал нужной толщины бумагу, и вся недолга. Получилось, говорит, классно: читает сестра вечером книжку в кровати, раз, лампа потухла, и она спать. А иначе не слушалась ни в какую.

Вот у меня и перемкнуло в голове. Захотелось подшутить. Говорю же, урод. Подговорил Саню подержать дверь, пока я лампу выкручивал. Лапшу навешал на уши про лягушек. Он же чокнутый, дай только животинку защитить. Тебе же нельзя было говорить. Ты теперь у нас начальник! Если честно, то зря мы тебя выбрали, Серёга.

– Ты её зачем сюда привёл? – перебил я Вовку. И кивнул головой на сидящую смирно Дмитриенко. Она зачарованно смотрела на дымящуюся Колотовку, на простор Витима, на седые от снега склоны гольцов. Где ей было в своём Ленинграде такую красоту увидеть? Но меня не это волновало. Тот факт, что Вовка нарушил правила, и притащил в наше тайное место постороннего человека, говорил о том, что теперь Ксюха стала для него не посторонней. В своих правах она сравнялась с нами – со мной и Санькой. И с этим предстояло или смириться, или

дать бой. Правда, возникало одно «но»: мы уже выросли из того возраста, когда из всего делали тайны. Да и ссориться с лучшим другом из-за трёх пеньков? Но разве только из-за пеньков? Вовка принял собственное решение, не посоветовавшись с нами. Просто поставил перед фактом. Это было неправильно. Раньше мы решали всё сообща.

– Серёжа! Эта тайна только для тебя тайной осталась! – засмеялась вдруг Оксана, словно прочитав мои мысли. – Мне ещё осенью место показала Маринка Антипина. А тут Володя сказал, что тебя нужно срочно найти, потому что телефон домашний молчит. Вот мы и пришли сюда. Если ты помнишь – я тут рядом живу.

Сказать было нечего. На голову разбит.

– Чего хотели? – придав голосу больше грубости, чем требовалось, спросил я.

– Так объяснить тебе всё хотел, – пожал плечами Вовка. – Кто его знает: напоёт сейчас Санина мать твоей матери, а ты и знать ничего не будешь, что ей отвечать. Понимаешь, как ты только стал командиром, то сразу всё изменилось. К тебе на кривой метле не подъехать. Ну, в смысле, теперь ты как в армии – по уставу живёшь. Оно, конечно, правильно, вроде. «Пионер – всем ребятам пример». Но, по мне, так пусть лучше меня к директору через день таскают, чем всё время строем ходить, честь отдавать и песни петь. Это я, помню, мы в четвёртом классе с ума сходили. А сейчас, извини, уже шестой. Поэтому мы с Санькой и решили тебя «поберечь». Ничего не говорить. Конечно, глупо получилось. Но что теперь-то уж кулаками махать?

И Вовка ударил меня по плечу:

– Не журись! Впредь обещаю думать, а потом делать? Ну, что, мир? Он протянул мне ладонь.

– Ты про Ксюху не ответил, – мстительно напомнил я, пожимая приятелю руку.

– Так она ж тебе сказала! – удивился Вовка. – Не гнать же её от себя пинками.

Он засмеялся.

– Да вдвоём как-то безопасней было. Вдруг, ты меня бы с обрыва в Колотовку скинул?!

Он заржал как лошадь. Следом засмеялась Оксана. Да и я не выдержал – сколько можно форс держать?

На душе стало легче. Хотя осадок в виде Ксюхи Дмитриенко остался. Сидел рядом и улыбался. И красные от мороза щёки походили на яблоки на снегу.

– Саню жалко! – вдруг помрачнел Вовка. – Вот кто за всех нас отдувается. Нам-то хорошо, после школы дома можно от учителей передохнуть. А ему? У него целый директор дома! Бедняга! Ладно. У каждого своя судьба и своя ноша!

«Ну, ничего себе, философ!»! – подумал я. – «Это он перед Оксанкой воображает». Но вслух не стал ничего говорить – пора было домой чапать.

Через неделю, в субботу, в десять утра весь наш шестой «Б» класс собрался у школы. Было окончательно решено, что мы сделаем простой лыжный переход, и не будем обезьянничать, делая закладки указателей маршрута. Потому что в книге отряд Трубачёва шел по лесу, и путать ему курс было легко и просто. У нас же дорога была простая – скатился с берега на Витим и вот, впереди, через пять километров, видна наша цель – Витимский. И школа на берегу. Там нас их шестой класс встретит. Будет небольшой митинг, чай попьём и назад, домой.

Несильный морозец приятно пощипывал нос и уши. Все были с лыжами, в лёгких телогрейках, тёплых шароварах. У троих парней рюкзаки: Валерка Кочнев, Вовка и я несли с собой самое необходимое в путешествии. Без чего мы никогда в лес не ходили, а уж на лыжную прогулку по льду реки тем более. В рюкзаках были топоры, прочные веревки, лопатка сапёрная, усиленные сухие пайки из бутербродов и морса, что притащили девочки. Обязательные спички и запас бинта и прочих мелких лекарств. Этому были научены чуть ли не с детсада: идёшь в лес на день, бери припасов на неделю.

Ребята оживлённо обсуждали всё ту же Дмитриенко. Она прикатила на лыжах, у которых вместо сыромятных или брезентовых креплений к валенкам было чудо последних лет: ботинки! Таких изящных лыж и маленьких тупорылых ботинок в нашем посёлке не было. Конечно, и мы не в деревне какой-то захудалой живём: на соревнованиях по лыжным гонкам в Маме мы видели настоящих гонщиков с такой вот экипировкой. Но на Колотовке Ксюха удивила всех. Оно и понятно – из Ленинграда девочка, с форсом.

На крыльцо школы вышли классная и директриса. А так же председатель совета дружины школы Гариф Хайрулин.

– Становись! – приказал я.

Отряд быстро разобрался по росту. Каждый прислонил лыжи и палки к правому плечу. Это нас так учил наш любимый вожатый Витя Антипин. Кстати, получалось, что он знал о нашем тайном месте?! Не могла же его сестра Маринка не рассказать ему? И он молчал! Вот молодец, наш Витя! Он сейчас учился уже в десятом классе и на будущий год заканчивал школу. Жаль! Такой человек!

– Товарищ директор школы! – начал я доклад. – Пионерский отряд имени Вали Котика построен и готов к лыжному переходу! Председатель совета отряда Сергей Чернов!

– Здравствуйте, ребята! – поздоровалась Марина Леонидовна. – Очень приятно, что именно ваш отряд выступил с такой замечательной инициативой – сделать лыжный пробег в честь предстоящего праздника – Седьмого ноября! Спешу сообщить вам, что райком комсомола одобрил идею Натальи Петровны об организации на базе нашей школы отряда лыжников, которые понесут знамя на будущий год в ознаменовании пятидесятилетнего юбилея революции. Правда, там развили наше предложение. И знамя райкома комсомола понесут эстафетой – начиная с рудника Могучий, потом посёлки Большой Северный, Витимский, Мусковит и мы! Мы будем на финише!

Поэтому сегодняшний пробег мы можем с гордостью считать генеральной репетицией будущего марафона! Ура!

Отряд дружно рявкнул в ответ троекратное «ура». С тем митинг и закончился. Я так понимаю, на крыльце мёрзнуть больше не захотели, да и нам пора было выдвигаться.

– Направо! Лыжи надеть! – скомандовал я. И пошёл вдоль строя, проверяя, как ребята надевают лыжи. Только на первый взгляд кажется, что это пустяк. А если кто ремешки неправильно отрегулирует, то одна возня с ним будет на походе: лыжи станут соскальзывать, весь отряд начнёт тормозиться из-за одного человека.

– Ноги не поморозишь в своих туфельках? – я уставился на Оксану. – Саня! Арутинов! Сколько у нас в Ленинграде зимой градусов бывает?

– Минус двадцать легко! – ответил Санюра.

– У нас, однако, поболее будет. Нет?

– Мальчишки! Ленинградские минус двадцать – это смерть фашистам! – фыркнула Ксюха. – Вы этого не переживали. У нас такой мокрый ветер с Балтийского моря, что уже при минус десяти градусах пальто в ледяной купол превращается. Так что, про морозы я всё знаю!

– Ну-ну, – буркнул я. – Посмотрим. Валера! У тебя запасные носки собачьи есть в рюкзаке?

– А куда им деться? – рассмеялся Валерка. – Всё своё ношу с собой.

– Хорошо! Прибереги для Оксаны Дмитриенко. Вот чует моё сердце, на ботинки скоро придётся надевать их. Она же не знает, какая по Витиму иногда позёмка метёт. Из валенок выскочить порой мечтаешь.

Ребята захихикали, зашумели, и мы весёлой гурьбой тронулись в путь.

На реке, слава Богу, позёмки не было. И мы бодро, вытянувшись в цепочку, пошли вдоль зимника – дороги на льду, которую наездили автомашины, снующие между посёлками. Единственная проблема, которую нужно было учитывать, это то, что на фарватере Витима лёд совсем не такой, как вдоль берега. Здесь река замерзала не постепенно, создавая ровное зеркало тёмно-зелёного льда. На стремнине шли торосы: то здесь, то там льдины становились на ребро и так вмерзали. И поэтому просто идти вдоль дороги получалось не всегда. Тем

более, что Витим замёрз совсем на днях, и его ещё не занесло толстым слоем снега, под которыми, обычно, прячутся торосы. И те пять километров, которые были измерены по карте, грозили превратиться и в восемь, и в десять.

Уже через полчаса я сопрел: стало жарко, захотелось расстегнуть телогрейку и так идти, навстречу морозу. Но я знал, что этого делать нельзя – простыть можно было быстро и незаметно. Осмотрев свой отряд, я убедился, что жарко стало всем. Никто не ожидал, что торосы так испортят нам жизнь. Поэтому пройдя ещё с километр, мне пришлось объявить привал. Это случилось как раз напротив стрелки Второго острова.

Ребята, опершись на лыжные палки, отдыхали:

– Не фигу себе! Кто знал, что тут такой бег с препятствиями! – запищала Нинка Чернышёва. – Это мы ещё туда не дошли, а ведь ещё и обратно идти! Чернов! Это же ужас какой-то, а не поход!!!

Остальные тоже загалдели. Основная тема была простая, как полёт белки-летяги: почему руководители отряда не проверили маршрут вчера? И кто это придумал идти именно этим путём? Надо обязательно в школе на Витимском на обратный путь попросить школьный автобус!

– И это пионеры? – презрительно заорал Вовка. – Вам по шоссе на легковушке кататься! Разве это трудности? Позорники! Видишь, Валерка! На будущий год на Маму некому будет идти. Придётся тебе отличником становиться.

– Только с тобой вместе! – ответил Кочнев. – Или мы лучше Саню тренировать заставим. Вот прямо сейчас и начнём!

– Начнём мы с другого, – сказал я. – Раз вы такие смелые и умелые, значит, сейчас вы пробьёте лыжню поперёк реки. К тому берегу. Там должна быть ровная целина. Там отбойный берег и торосов должно быть меньше. По ней и пойдём дальше. Так что, вперёд, гренадёры! Вы у нас самый передовой отряд. А мы пока здесь подождём. Да потом по вашим следам двинем.

– Есть, товарищ командир! – дурашливо козырнул Вовка. – Ну, что Валер? Погнали?

Ребята развернули лыжи и дружно нажали на палки. Вскоре они уже были на середине Витима. Подождав немного, я дал команду двигаться по проложенной лыжне. Дело пошло проще: идти вдоль торосов было легче, чем поперёк. Мы очень быстро пересекли реку. Там нас уже поджидали первопроходцы, улыбаясь во весь рот:

– Привет, ледовая разведка! – поприветствовал я. – Куда дальше идём?

– А вот так вдоль бережка и покатым. Ты прав был – тут, что твой каток: ровненько и снег не глубокий. Видимо, ветром его сдувает, – ответил Кочнев.

И, развернув лыжи, широким махом повёл отряд за собой. Стоя чуть в стороне, я пропустил всех ребят мимо себя, придирчиво рассматривая каждого. Замыкающей шла Дмитриенко, бодро работая палками.

– Физкульт-привет, начальник! – пропела она, пробегая мимо меня. – Догоняй строй!

И тут случилось то, что и в диком сне не могло мне присниться. На той же лыжне, по которой прошло уже полтора десятка ребят, оказалась небольшая шишка изо льда. Наши обычные лыжи, толстые и практически не гнущиеся, её даже не заметили. Однако клееные тонкие гоночные лыжи Оксаны сыграли дурную шутку: правая лыжина скользнула по выпуклости, встала на ребро, и обломилась почти сразу за пяткой ботинка Оксаны. Ксюха только ойкнуть успела, потому что ступня её подвернулась, и девчонка со всего маху села на шпагат с неестественно выгнутой ступнёй.

– Ёклмн! – только и успел сказать я. А потом заорал во всё горло: – Отряд – стой! У нас проблема!

Ребята остановились. Стали оглядываться назад, на нас. Дмитриенко уже села и подтянула ногу к себе. Даже с первого взгляда было понятно: идти она не сможет. Лицо её из румяного стало белее снега. Она закусила губу, а по щекам текли слезинки. Я поразился тому, что

она не кричит, как это обычно делают девчонки. Да и многие пацаны при таком случае уже бы рёву дали. А эта сидит, ногу в ботинке баюкает, плачет, но не ревет. «Да уж, – подумал я. – Закалка у неё ленинградская! Это точно».

Тут прикатил Валерка. За ним Вовка. Ребята обступили Оксанку, и растерянно, а, главное, молча, смотрели на неё. Не было привычного сострадания: «ой, да как же теперь!», «ой, да надо же что-то делать?!» Все просто растерялись: до Витимского ещё километра два, не меньше. До дома в два раза дальше. И что теперь делать? Машины по этой стороне не ездили – дороги не было.

Вовка вопросительно уставился на меня. Вслед за ним, на меня уставился и весь отряд.

– Чего делаем? – спросил Кочнев.

Я мучительно соображал. В ответе за всех ребят был я. Только сейчас подумалось – почему в школе никто с нами не снарядил взрослых? Понятно, физручку не с руки отправлять – она лишь командовать умеет. Но из комсомольцев старших классов? Почему никто с нами не пошёл?!

Было понятно, что мой мозг ищет оправдания. А нужно было решение.

– Серый! – заговорил Саня. – Я недавно читал про финскую войну. Там раненых вывозили с поля боя на собаках. Делали волокуши, цепляли псов, и вперед!

– Каких ещё псов?! – закричала Чернышёва. – Видишь, Оксана ногу сломала! А ты ерунду говоришь! Как теперь нам её домой доставить?

– Помолчи, Нинка! – попросил я. – Санюра правильную вещь сказал. Я видел, как охотники такие волокуши делают. Чтобы из тайги зверя добытого вытащить. Так, Валер, Володя. Нужно найти берёзу в виде рогатки. Сами размер прикиньте, чтобы Оксанка могла лежать на ней. Двое девчонок со мной идут рубить лапник стланиковый. Саня, посмотри ногу у неё. Ты в медицине у нас самый умный. Я думаю, если бы у Ксюхи был перелом, она бы тут в обмороке давно лежала. И посадите её на рюкзак. Нечего ей на льдине мёрзнуть.

– Всё, ребята. Пошли.

Минут через двадцать Вовка с Кочневым приволокли берёзку, а мы притащили лапнику.

– Накаркал ты, Серёга, – встретил меня усмешкой Саня. – Пришлось Валеркины носки прямо на ботинки надевать.

Он показал на нашу раненую. Она сидела уже почти довольная. Нога смотрелась вполне естественно, укутанная носками из собачей шерсти.

– Как ты? – спросил я Ксюху.

– Нормально! – ответила она. – Доктор говорит, что обычный вывих.

Она ткнула пальцем в Саньку, показывая, кто у нас тут стал доктором.

– Элементарно, Ватсон! – довольно подтвердил Саня. – Я снял ботинок, попросил Ксанку пошевелить пальцами. Всё в порядке. Вот. Надели ботинок на место и даже сверху носки Валеркины.

– Давай, выпотрошим один рюкзак и засунем ноги ещё и в рюкзак? – предложила деловито успокоившаяся Чернышёва. Остальные ребята стали предлагать кто свитер, кто вообще раздухарился и предложил свою телогрейку.

– Не, нам лишний вес не нужен для тягловых, – ответил я. – Мы ей ноги лапником укроем, чтоб не замёрзла.

Пока мы разговаривали, парни уже смастерили волокушу: поперёк рогатки из берёзы привязали лапник. Получилась шикарная полость – мягкая и упругая. Вот что значит иметь с собой всё необходимое! Осталось водрузить на неё Дмитриенко. Вовка подошёл к Оксане, нагнулся, и легко поднял её на руки:

– Терпи, казак, а то мамой будешь! – ляпнул он фразу из старого глупого анекдота.

– Геращенко! Ты дурак!? – вскрикнула от неожиданности Оксана. И было не понятно, к чему это относилось: к тому, что сказал Вовка, или к тому, что он подхватил её на руки. А я заметил ещё, что уши у Вовки вдруг сильно покраснели. И, думаю, не от напряжения!

Он аккуратно посадил Ксюху на волокушу:

– Карета подана, принцесса! Кнут подать? – дурашливо поклонился он.

Оксана откинулась на полость из стланика:

– Трогай по малому, кучер! – лениво, даже слегка как бы сквозь зубы, скомандовала она. Вот что значит, ленинградская выучка. Мы только с ребятами рты пооткрывали. А потом все расхохотались. Напряжение спало. Все поняли, что ничего опасного уже нет. Нога не сломана. До посёлка недалеко. Можно дойти буквально за полчаса. А там врачи. Да, теперь точно можно будет домой на автобусе уехать – я был уверен в том, что почти весь отряд только об этом и мечтал!

Как я уже сказал, вдоль берега снега было мало. Поэтому Вовка с Кочневым сняли лыжи, и поволокли волокушу пешком. Накинули на плечи веревки, и с гиканьем понеслись так, что мы на лыжах за ними еле успевали. И кнут Ксюхин не потребовался!

Ритмично работая палками, я думал, что экипировка Дмитриенко никак не годилась для нашего похода. И я должен был заранее об этом подумать. В самом деле, тонкие гоночные лыжи на морозе стали хрупкими. Короткие ботинки не защищали щиколотки. Это же не валенок, в котором нога вся упакована, почти как в гипсе, никакого вывиха

быть не может! И ещё я думал про мужество Оксаны, про то, какая она молодец и терпеливая. Про то, что...

Об этом я не собираюсь отчитываться. О том, что я ещё думал. Просто решил, что плохой из меня командир, если я не продумал весь поход до мелочей. А ведь мама меня всегда учила: возьми листок и все пункты запиши. Проверь и вычеркивай каждый пункт. И чем больше пунктов, тем точнее план, тем успешней его выполнение.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

*«Злоумышленники», или что такое троллейбус,
почему его двери страшный капкан и как с ними бороться.*

Мы благополучно добрались до Витимского. Сдали больную в школьный медпункт. А сами пошли на митинг. На нём мы стали героями. Все говорили, что только настоящие пионеры спасают своих товарищей в любой беде. Что из нас вырастут настоящие герои. Что страна должна гордиться нами. В общем, митинг победителей. Хотя мы ожидали хороших нотаций и скорейшего отправления всей делегации с глаз долой!

Наконец, во двор зарулил автобус. А из дверей школы появилась Оксана, которую под руку сопровождала медсестра. Нога у Ксюхи была перетянута бинтами, в руке она держала палку, на которую опиралась.

– Ура-а-а! – заорала наша команда, и все кинулись ... занимать места в автобусе. Валерка, как джентльмен, подал свой локоть Дмитриенко, на котором она тут же повисла. Понятно, что Кочнев не от доброты душевной это сделал – он просто был ближе всех к крыльцу. Но я заметил, как Вовка ревниво зыркнул на него, а потом не спеша, якобы, не замечая парочки, прошествовал в автобус.

Мы с Нинкой попрощались со знакомыми шестиклассниками Витимской школы и тоже побежали к автобусу. Я запрыгнул на под-

ножку и уселся на первое сидение у двери. Нинка, остановившись на порожке, решила помахать на прощание рукой, и водитель в это время стал закрывать дверь. Чернышёва еле успела выдернуть руку, а я аж похолодел: вот только сломанной руки мне ещё не хватало.

В это время раздался смех раненой Дмитриенко.

Я оглянулся на неё с подозрением: вдруг она при падении на лёд, умом тронулась?

– Не переживай, Серёжа! – словно прочла мои мысли Оксана. – Со мной всё в порядке. Просто случай прошлогодний вспомнила. Тоже с дверью. Но только не в автобусе, а в троллейбусе.

– Трави историю! – по-флотски выразился Вовка. – Всем молчать! Слушаем сказочные ленинградские истории от Ксюхи.

– Ой, Геращенко! Ты определённо балбес! – засмеялась снова Оксана. – В общем, дело было так.

Наш район в Ленинграде, недалеко от Горного института, делился на две части: «А», это всё, что до моей школы, и «Б» – всё, что за ней. И поэтому после уроков все разбегались по своим районам и почти не встречались вне школы. Наши одноклассники – «бэшники», учились лучше, были послушнее, их наш классный любил больше. Нас же он недолюбливал, потому что неизвестно было, что мы выкинем в следующий момент.

– Стоп! – вмешался Саня. – У вас что, класс делился по районам? Как это? Вот у нас два класса делятся по количеству учеников.

– Саш, это было географическое деление! Мы учились все в одном классе! А дружили от того, кто в каком районе города жил. Это вот сейчас, в посёлке, мы все рядом живём. А Ленинград – город большой. Я в школу на троллейбусе четыре остановки ехала.

– В общем, «бэшники» были сами по себе, однако иногда к нам присоединялись, особенно если была задумана какая-нибудь пакость. Ну, это сильно сказано, что «пакость». Так, хулиганка мелкая.

«Ого, – подумал я. – Вот это словечки у девочки!»

– У нас, тех, кто жил в районе «А», каждую весну было любимое занятие – мы ездили на велосипедах на задний двор Горного института, откручивать гайки у разной техники, что стояла у гаражей. Ну и в пятом классе тоже. Я вот даже не знаю, зачем нам это нужно было. Я понимаю, у Чехова злоумышленники гайки на железной дороге откручивали для рыбалки. А мы, значит, так, хулиганства для.

Между прочим, велосипеды были у всей компании, кроме меня. Папа был против велосипедов и брюк и категорически заявлял, что девочка должна быть девочкой, а не пацаном, что девочкам велосипед ни к чему, и вообще это опасно.

А мне так хотелось ехать вместе со всеми!

И вот все собрались на стадионе, ну, и я пришла. И говорю такая:

– Вы езжайте, а я побегу, посмотрим, кто быстрее!

Но Лёшка, мой одноклассник, сказал:

– Вот ещё, делать нам нечего как там тебя ждать! А вдруг нас сторож заметит и опять отцу настучит? Садись, я тебя повезу!

Надо сказать, что Лёшкина мама была тоже геологом и заведующей лабораторией, мой папа её очень уважал и говорил, что она достойный пример для подражания. А я её немного стеснялась – все-таки, мне Лёшка очень нравился!

– О! Это интересно! – встрял в рассказ Кочнев. – Давай с этого вот места всё подробненько. По мелочам. Всем же интересно!

– Валера! Это было давным-давно! Целый год уже прошёл!

– Лёшка был такой славный! Чаще молчал, но если уж что скажет, так хоть стой, хоть падай. И ещё его старший брат учился в восьмом классе. И говорили, что у них очень хорошая библиотека. А поскольку книги я любила больше всего на свете, мне ужасно хотелось зайти к ним в гости, но Серёга, его брат, всё время меня дразнил, что я в Лёшку влюбилась. Куда ж пойдёшь-то после этого? Я даже и смотреть-то боялась в его сторону, не то, что в гости ходить!

И вот он везёт меня на своем велосипеде, а я радуюсь, что у него нет рамы, и я еду на багажнике, а то мои банты всё время бы ему мешали.

Наконец, мы переехали через дорогу. Объехали Горку, ну, то есть институт Горный, и оставили велики у клёнов. Наши две девочки остались их сторожить.

А мы с Наташкой (она была из «бэшников») и мальчишками, разобрав припасённые гаечные ключи, полезли через забор. Наташка была настоящая сорви-голова! Она ничего не боялась, хваталась абсолютно за все дела и была очень весёлая. Но было у неё одно качество – она не умела быть тихой....

Через забор и через двор нам удалось пробраться незамеченными. Мы успели даже открутить несколько гаек с колёс какого-то то ли трактора, то ли вездехода, и тут мы сначала услышали грохот, а потом увидели сторожа! У сторожа были два недостатка: он хорошо видел и громко матерился. Но было и одно большое достоинство – он очень медленно ходил.

Мы бросились бежать, но вдруг услышали, как Наташка зовёт на помощь. Оказывается, она залезла в троллейбус, который был переделан в кухню для летнего лагеря соседней школы. А дверь закрылась!

Сам погибай, а товарища выручай! Её нельзя было бросать, и мне пришлось вернуться и помогать открывать дверь. А та была такая тугая, что никак не поддавалась! Наташка смелая, а я-то трусиха: чуть не реву уже – дверь вдвоём открыть не можем!

А сторожа уже не только слышно, но и видно стало...

Тут вдруг кто-то дёрнул дверь, и она открылась. И мы так рванули, что догнать нас было утопией не только сторожу с его больными ногами, но и Маленькому Муку в его волшебных тапочках.

Этот «кто-то», конечно, был Лёшкой. Не «храбрый» хулиган Генка, не лучший бегун класса, мой сосед по парте Мишка, а именно Лёшка пришёл на помощь. И вот что меня всегда в нём удивляло: он не был самым сильным или самым быстрым, не был самым умным. Он никогда не старался стать первым, но он всегда имел своё мнение, никогда никого не закладывал, никогда ни с кем не ссорился. И вот именно он и оказался самым смелым. Может, конечно, у него и был

интерес: ведь если бы нас с Наташкой поймали, дело бы закрутилось ой-ой-ой... А так вроде всё обошлось...

Но тех пор мы гайки раскручивать почему-то больше не ездили.

– Вылитый наш Серёга Чернов! – пропела Чернышёва. – И умный. И честный. И благородный. И смелый. Фи! Сейчас придумала или вчера?

– Я думаю, если бы тебе голову дверью прищемило, всем бы лучше было, а? – вздохнул Вовка. – Давай, я водителя попрошу повторить попытку?

– Дурак! – всхлипнула Нинка. – Знаешь, как я испугалась!

– Ну, вот сидела бы и молчала, – заключил Вовка. – Таковую сказку испортила! Ленинград. Белая ночь. Он и она. И ржавый троллейбус. Почти Дюймовочка и Щелкунчик!

Я понял, что Вовку рассказ тоже зацепил.

– А ты с Лёшей переписываешься? – спросил кто-то из девчонок.

– Не, – ответила Оксана. – Как-то не вышло. Он пару писем ещё весной написал, я ответила и всё.

– Вот! Вот так всегда! – не утерпела Чернышёва. – Парням никогда верить нельзя!

Я хотел ей ответить, но в это время автобус остановился: за разговорами мы не заметили, как приехали. Нас встречал отец Оксаны и директор школы.

– Чернов! В понедельник будем слушать твою версию происшествия! А сейчас все по домам. Колумбы вы наши! – проворчала Марина Леонидовна.

Отец Оксаны взял дочь на руки и понёс к своей машине. А Ксюха, через отцовское плечо, взяла и вдруг подмигнула. Мне показалось, что она подмигивала именно мне, и больше никому!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

*Девочка по имени Кошмар. Школьный вечер,
или «Серёжа! Давай с тобой дружить!»*

Дома меня ждал сюрприз. Моя жалостливая мама подобрала в сенях своей конторы подброшенного котёнка. Рассудив, что на улице мороз, а дома у нас уже есть кошка Анька, мама приняла простое решение: котофейку можно спасти только принеся её в наш дом. Где есть тёплая печь, добрая Анька и вкусное молоко.

Надо было видеть это существо! Рёбра у неё торчали наперечёт, говоря, что котёнок ел последний раз ещё при царе. Почему у неё? Потому что это была кошечка. Расцветка была, как сказала Светка, счастливая – чёрно-рыже-белая. То есть, трёхцветная. По бокам шли рыжие полосы как у тигрицы, белый просвет и затем чёрный зад и чёрный хвост. Живот был почти белый, с опаловым пушком. Морда исключительно чёрной была бы, кабы не ярко-рыжая полоска от левого глаза ко рту вдоль всего носика. И белые брови! Если такую рожу увидеть, внезапно проснувшись ночью, при свете луны, можно со страху и заорать, как от ночного кошмара. Поэтому я в течение пяти минут придумал ей имя – Кошмар. Как показала наша дальнейшая совместная жизнь, прав был писатель Некрасов, что написал про капитана Врунгеля: как корабль назовёшь, так он и поплывёт. Потому как эта животинка превратила жизнь нашу вообще, и жизнь Аньки в частности, в сплошной кошмар. Этот первый ознакомительный день своего совместного с нами проживания, она ознаменовала тем, что, спрыгнув с подоконника на висевшую бутылку для сбора воды, оборвала её, и рухнула вместе с ней на пол, перевернув Анькину миску. С испугу котофейка взвилась вверх, и зацепилась когтями за абажур маминого торшера. Слава Богу, Светка была рядом, и успела спасти торшер. Но эта животина ведь не успокоилась, а метнулась с испугу под наш любимый диван. Чтобы там отсидеться от праведного гнева

нашего. Однако даже при всей своей худобе, она застряла там. И стала орать безумным сиповатым голосом. Мол, пора бы и спасти несчастное животное. Пришлось мне отодвигать диван. При этом я там обнаружил давно пропавший ключ от велика «Орлёнок», а Светка несколько заколок для своих косичек.

До конца дня, под неодобрительные взгляды ревнивой Аньки, я пронянькался с котёнком. Потом быстро сделал домашнее задание, чтобы воскресенье освободить для новой книги, что в пятницу взял в поселковой библиотеке. Я за ней уже второй месяц в очереди стоял.

За ужином мама расспросила меня про наше путешествие. Внимательно выслушала и сказала, что, вообще-то, мы большие молодцы. Не каждый взрослый додумается до волокуши. Иной другой просто бы взвалил девчонку на загорбки, да и потащил бы по снегу в посёлок. А вот почему у нас не было вожатого, это её тоже удивило. Всё-таки, идти по морозу было довольно далеко, да ещё по реке, по льду. А вдруг полынья? Вдруг прорубь не закрытая. На что Светка резонно заметила, что пришлось бы тогда парням такого вожатого из той же проруби вытаскивать. Мама засмеялась:

– Вас ничем не прошибёшь. Но запомни, сынок, если тебя в школе начнут шпынять по сегодняшнему приключению, не стесняйся и скажи про то, что в таких походах обязательно должен быть взрослый человек. В школе не оказалось, могли бы на родительском комитете объявить: в субботу могли найти отцы, что пошли бы с вами. Тот же Олег Григорьевич, папа Оксаны. Человек новый. Ему было бы интересно.

Хотя, не думаю, что вас ругать будут. Вы сделали всё очень профессионально. Я думала, что Саша ещё и шины наложит на щиколотку, как при переломе. Молодец, что не стал мельтешить – тут и без шин можно обойтись!

В понедельник, у директора школы, всё решилось быстро и к общему удовольствию: Марина Леонидовна не ругалась. Просто расспросила в подробностях, как Оксана вывихнула ногу, почему это могло слу-

читься. Я понял, что ей уже обо всём и Саня рассказал, и отец Ксюхи. Требовались лишь мелкие детали. Ведь и у неё были свои начальники, которые обязательно постараются показать себя. Было принято мудрое решение – в лыжный поход никаких новомодных креплений! Всё по старинке: валенки, тёплые носки, штаны и телогрейки. А так же ушанки и никаких вязаных шапочек с помпонами. Почему с помпонами нельзя, я не понял, но спрашивать не стал. Так же, как не стал спрашивать, почему с нами на реке не оказалось взрослых. Я понял, что Марину Леонидовну этот вопрос саму страшно беспокоит. По наводящим вопросам понял. Когда она вскользь спрашивала – жаловался на это кто-нибудь из ребят или нет? Интересовался кто-нибудь на Витимском или нет? Потому что виновата была, по большому счёту, Наталья Петровна. Она классный руководитель. С меня что взять? Дана команда, отряд одет-обут сообразно моему пониманию. А уж про сопровождение это голова должна была болеть у взрослых.

Вот голова эта и «заболела» у нашего классного руководителя! Скорее всего, разбор в учительской состоялся. И ей сделали внушение. Наталья Петровна примчалась в класс на большой перемене.

– Чернов! После пятого урока классный час! Чтобы все были до одного! Никаких отмазок! Ясно!

– Ясно! – ответил я. – А тема?

– Будто ты не понимаешь, какая тема?! – взвилась учительница. – Разбор субботнего происшествия. Чтобы все были!

И она умчалась на урок.

– Сливай воду, Серый! – захохотал Кочнев. – Теперь Натаха с тебя не слезет. Запечёт в пирог, как налима. Припомнит и Вовкин аммонит, и «барабашку» с лампочкой.

– А чего она может сделать? – подпрыгнул Саня. – Что Серёга сделал неправильно? Она сама виновата, потому что с нами не пошла. Вот и дёргается.

– Нужно всем классом защитит нашего председателя отряда! – выпалила Чернышёва.

– Стоп! – остановил я дискуссию. В словах Сашки прозвучало то, что, скорее всего, обсуждалось у него дома: почему не было взрослых на походе? И эту тему нужно было как-то убрать с классного часа. Зачем злить классную нашу даму, которой и так, видимо, досталось от директора, да и нам с ней ещё долго жить и учиться. – Стоп! Давайте никто не будет митинги устраивать на классном часе. Послушаем Наталью Петровну. И решим вместе с ней, что нам дальше делать. Я утром сегодня уже был у директора. Она не ругалась. Наоборот. Даже похвалила Вовку и Кочнева за волокушу. Поэтому Наталья Петровна просто беспокоится за нас, нервничает. Представляете, за неделю два ЧП. Тут любой заперевживает. Просто договариваемся, что все говорят исключительную правду: как шли, почему случилось, как прошёл митинг в школе Витимской. Договорились?

На перемене ко мне подошли Вовка с Саней.

– Чего делать будем? – спросил Геращенко.

– Не будем дёргаться, – ответил я. – Не думаю, что перед праздником Наталья Петровна начнёт гайки закручивать. Нотацию прочтёт и успокоится. Поэтому как договорились – только правду.

– А чо, директриса точно про нас с Кочаном так сказала? – небрежно задал вопрос Вовка.

– Точно, – сказал я. – Не веришь, пойди, спроси.

– Надо больно! – ответил довольный похвалой Вовка.

Тут прозвенел звонок.

Классный час, как мы и предположили, вылился в допрос: кто и что делал. Больше всех досталось нам с Оксанкой. Мне как командиру отряда, ей – как пострадавшей. Которая на «лыжах ходить не умеет, а уже в поход пошла!» Оксанка чуть не подпрыгнула от такого обвинения. Но сдержалась. Потому как мы ж договорились не злить учительницу. Темы хватило на десять минут. Классная поняла, что мы не собираемся ябедничать, качать права, доказывать, что мы герои.

И успокоилась. Повестка плавно перетекла на организацию школьного вечера, посвящённого предстоящему празднику. Он будет в сле-

дующую субботу. Мы, конечно, не организаторы – малы ещё, как она отметила. От нас требуется участие в конкурсе стенгазет, которая усилиями Нины Чернышёвой была уже сделана, и на нас возлагалась обязанность поработать почтальонами.

Мы впервые будем участвовать в школьном вечере!

Дело в том, что до шестого класса ребят на общешкольные вечера не пускали. В дверях стояли дежурные и малолеток заворачивали. Мы обходились классными часами, по праздникам организовывали чаепитие, маёвки в лесу. И тут впервые мы попадаем на большой праздник! С танцами, с буфетом, в котором конфеты, пирожные, газировка. С настоящей почтой!

Почта, оказывается, делается так. Каждому, кто участвует в вечере, на входе в школу выдается номерок, написанный на бумаге. Он прикалывается булавкой на одежду. Дежурному классу дают повязки с названием «Почта». И вот школьник может написать записку, свернуть её, написать сверху номер любого своего друга или подруги и отдать записку «почтальону». Это и называется «школьная почта». Конечно, «почтальон» не имеет права читать записку. За это легко могут в лоб засветить. Главное, что записку можно не подписывать и не клеивать. Тайна переписки свята!

Вечером мне Светка рассказала, что пишут всякую глупость про любовь, назначают свидания и прочую ерунду. Но поскольку она пару лет уже дружила с Кузьминым, мне думалось, что почта тут тоже сыграла свою роль. Была совсем не глупость!

Мы с сестрой сидели за общим столом в большой комнате. Мама на диване рядом вязала шаль из собачьего пуха. Светка делала уроки, а я на листах из альбома для рисования вычерчивал одинаковые ромбы: Ксюха Дмитриенко предложила для почты сделать красивые ромбики, обвести красным карандашом и в центре нарисовать красивым почерком цифры. Ромбики я ещё согласился сделать сам, а вот писать цифры пусть кто другой – у меня почерк как у курицы. Мама всё ругалась, что плохо заставляла меня прописи писать в первом классе. Котёнок по

имени Кошмар спал у меня на коленях, а ревнивая Анька, как обычно сидящая у печки, неодобрительно смотрела на меня. У каждого свои проблемы.

– Серёга, а у тебя уже девочка есть? – вдруг спросила сестра.

Мама с любопытством подняла голову и стала смотреть на меня. В уголках глаз у неё появились мелкие морщинки, который там собирались всегда, когда она хотела улыбнуться.

– Ты уроки делаешь? Вот и делай! – излишне грубовато ответил я. Потому что вопрос застал меня врасплох. Да и отвечать было нечего. А ещё у меня почему-то покраснели уши.

– А чего тут такого? Парень ты уже взрослый. В твои годы у меня уже много было ухажёров. Половина школы записки слала! – похвасталась Светка.

Мама засмеялась:

– Ну, ты скажешь! Прямо пацаны все глаза проглядели – где там Чернова? Куда делась?

– Ну, не все! – засмеялась сестра. – Но многие. Поэтому, Серёга, ты время зря не трать – заводи себе на вечере девочку. Наверняка у тебя есть на примете. Потому как потому! Вот ты ей и напиши в «почту». Мол, так и так, жить без тебя не могу, и вообще, давай с тобой дружить по гроб жизни! Ты ж председатель отряда! Любая девчонка почтёт за честь.

Светка захохотала. Я ей, по старой доброй привычке, хотел заехать по затылку, но почему-то снова увидел, что сестра стала совсем взрослой. Передо мной сидела не пигалица с рыжими косичками как две пароходные мачты, а красивая девушка. Со всем тем, что полагается девушкам иметь в их возрасте. И при этом, Светка правда была очень красивой!

Я промолчал. Открытие ошарашило меня – совсем незаметно, мы становились взрослыми. Вот и Светища моя. Вроде как вчера мы с ней тонули на Витиме, а потом дрались из-за того, кто будет мыть посуду. Казалось, что на днях мы с Вовкой лазили к соседке в огород, а Светка

поймала нас. И мы снова дрались. А потом я по ней сильно скучал в лагере, поэтому мы долго не дрались...

И только сейчас я понял: а больше мы уже и не будем драться. Никогда! Всё. Выросли!

Сестра дружила с одним из самых красивых парней школы – десятиклассником Костей Кузьминым. Он учился вместе с Витей Антипиным, нашим бывшим пионервожатым. Поэтому я его хорошо знал. И он мне нравился.

Праздничный вечер разгорался.

Наш класс отстоял вахту у дверей школы, выдавая ромбики с номерами почты. И теперь назначенные мною десять «почтальонов» бродили по залу, ожидая первых записок.

Появились танцующие пары – девочка с девочкой. Они топтались на месте, изображая танго под песню «Давай никогда не ссориться, никогда, никогда...».

В прошлом году мать и Светка силком заставили меня научиться танцевать вальс. Кружили они со мной по комнате и причитали: «Раз-два-три, раз-два-три» до тех пор, пока я им ноги не оттоптал. Тогда они вручили мне табуретку и радостно командовали, сидя на диване: «Раз-два-три, раз-два-три!» А я, обняв табуретку за талию, вальсировал по кругу, что догадливая Светища мелом нарисовала на полу. Поэтому, теоретически, я был готов к танцам. И с замиранием сердца и со страхом в желудке ждал – вот возьмёт кто-нибудь, да пригласит!

Но никто не приглашал. Потом ко мне подошёл Митька Фролов, «почтальон», и вручил записку, на которой был начертан мой почтовый «адрес» – цифра двадцать восемь:

– Держи, Серый! Тебе пакет!

И удалился, даже не соизволив назвать, кто вручил ему данный «пакет». Правда, условиями почты была полная и абсолютная анонимность. В записке корреспондент мог подписаться или забыть, но почтальон не имел никакого морального права разглашать тайну переписки.

ски! Однако это же был мой «почтальон»!!! Увы! Митька мог показать мне фигу. И был бы прав.

Зажав записку во вспотевшем враз кулаке, я отошёл к окну, намереваясь там прочесть послание.

– Давай, читай! Чо тянешь? Я ж всё видел!

Я аж подпрыгнул! Подкравшийся неслышно Вовка застал меня врасплох.

– Вовка! Иди к чёрту! – рявкнул я. – Так же нельзя! Напугал, гад!

– Ничего, ничего, – успокоил меня друг. – Ты записочку-то покажи. Чего зажил? Никто, понимаешь, ещё записок не получает, а командир наш боевой, уже с депешей. Наверное, тебе Наталья Петровна написала? Мол, товарищ председатель совета отряда! Почему строем не ходим?

И он захохотал над своей шуткой.

Зная вредный, приставучий характер приятеля, и, понимая, что в записке ничего такого уж сильно тайного не может быть, я развернул листок. В нём было написано четыре слова: «Серёжа! Давай с тобой дружить!»

– Опаньки! – только и сказал Вовка.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Белый танец! Девочки приглашают мальчиков».

И что теперь делать? Четверо смелых.

Военной игры не будет! А что будет? Ничего не будет!

Мы с Вовкой уставились в записку. Потом друг на друга. И снова в листок. Оpoznать почерк не представлялось возможным. Автор готовился заранее – записка была написана дома. Через линейку. Есть такие линейки у геологов: прямоугольная конструкция, сделанная из прозрачного пластика. На ней есть шаблоны алфавита! Так вот этот неизвестный писатель сотворил записку именно через такой шаблон! Аккуратно.

Что из этого следовало? Следовало то, что, во-первых, решение было серьёзным, а не сиюминутным, возникшим тут, в зале. Во-вторых, в семье этого героя есть, как минимум, один геолог. На это Вовка возразил, что, мол, могла и у подружки написать. Мало ли у нас геологов? Тут он был прав. Ложный путь. А почему мы вдруг решили, что писала девчонка? По приколу, так шифруясь, мог написать тот же Геращенко! Я подозрительно посмотрел на друга. Тот понял мой немой вопрос. Открыл рот, чтобы ответить. И тут...

– Ой, как интересно! – голос Ксюхи раздался совершенно внезапно над самым ухом. – А кто автор?

Мы стояли спиной к залу и не заметили, как сзади подкралась Дмитриенко, сунула голову между нами и одним махом прочла записку!

– Серый! Я её сейчас прямо тут убью! – завопил Вовка. – Так инфаркт можно получить в цветущем возрасте!

А я густо покраснел почему-то. Наверное, потому, что подбородок Ксюхи упёрся мне в плечо, и она сама навалилась на меня.

– Да ладно, ладно! – засмеялась Оксана. – Помрёт он. Тебя гантелей не пришибёшь. Это кто у нас такую записочку получил? Ты, Серёжа?

Она с улыбочкой уставилась на меня.

Серёжа, давай
с тобой дружить!

– Нет, ну тебе-то какое дело? – не унимался Вовка. – Это я ему написал! – брякнул он. – Запоздалое объяснение в любви или проверка работы почты.

В это время заиграл вальс. И ведущая объявила:

– Белый танец! Девочки приглашают мальчиков!

– А не пригласить ли мне тебя, Серёжа, на тур вальса? – прощепетала Ксюха и, дурачась, сделала реверанс.

Передо мной стояла невысокая девочка, с двумя бантами, в красном платье до колена, с закрытым воротником. На шее переливалась всеми цветами радуги нитка горного хрусталя. На платье белел ромбик, сделанный моей рукой с номером одиннадцать. Я впервые увидел, что у неё карие глаза и очень длинные ресницы. словно стрекоза поделилась крылышками. Я привык видеть её в коричневом школьном платье с чёрным фартуком и белым кружевным воротничком. Или в спортивной форме. Или в обычном платье на выходных. Такую красивую Ксюху я видел впервые! Похоже, не только я – почти все наши одноклассницы пришли на вечер в тех же школьных платьях, только надели белые парадные фартуки. Лишь сейчас я обратил внимание, что на нашу троицу пялится чуть ли не весь зал. Я тоже был хорош – по настоянию Светки, вместо пионерского галстука надел обычный, мужской чёрный. Этаким денди в школьной форме и гражданском галстуке. Вовка был вообще в пуловере, серой рубаше и синих брюках. В общем, вырядились. Интересно, в чём припрётся Санька? Он опять где-то опаздывал.

– Ну, так что? – её глаза смеялись. – Или у вас в посёлке мальчики танцуют с мальчиками, а девочки с девочками? Как-то это странно. Ты не находишь?

Отмечу, что Вовка при этом исполнял роль соляного столба. На него элементарно не обращалось никакого внимания. Это ему явно не нравилось.

– Я тут случайно вам не мешаю? – издевательски спросил он.

– Ни капельки! – ответила Ксюха и потянула меня за рукав. – Подожди нас тут!

Честно говоря, я шагнул за Дмитриенко как во сне. Это был первый в моей жизни танец с девочкой. Не считать же таковыми мои тренировки с сестрой и матерью?

Я неуверенно положил одну руку Оксане на талию, а другой стиснул её ладонь. словно из проруби вытаскивая.

– Э-гей, кавалер! – поморщилась Ксюха. – Руку даме сломаешь! Нежнее нужно, нежнее.

Она выдернула слипшиеся пальцы из моей ладони, подула на них и сама уже обхватила мою руку.

Мои ноги вдруг сами закружили нас по залу. Я про себя мысленно считал «раз-два-три, раз-два-три» и старался не смотреть под ноги, как меня учила мама. Она говорила: «Смотреть нужно в глаза партнёрши. Тогда и голова кружиться не будет». Но глядеть в Ксюхины глаза было выше моих сил. Поэтому я смотрел почти в потолок, ничего не замечая вокруг. И только чудом мы ни с кем не столкнулись. Хотя, как потом оказалось, на весь зал наша пара оказалась единственной! И танец наш закончился громкими аплодисментами: все зрители хлопали в ладоши, кто-то азартно свистел, мои «почтальоны» и празднующие одноклассники кричали «Серый, ну ты дал», «вот это парочка!», «бис», «молодцы!» и прочую чушь. Мне казалось, что я провалюсь сквозь пол, а Дмитриенко делала реверансы и кланялась во все стороны, словно танцевала на публике каждый день.

– Спасибо, Серёжа! – выдохнула, наконец, Ксюха. – Ты очень хорошо вальсируешь!

И как ни в чём не бывало, повела меня к Вовке. Рядом с ним уже стоял Санюра, тараща на нас глаза:

– Ну, вы молодчаги! Вот откаблучили, так откаблучили! Серёга, где научился так танцевать?

– Где-где! Светка научила, – ответил я, поёживаясь, и ожидая, что сейчас парни начнут свои известные подколки.

Но Вовка только завистливо вздохнул:

– Хорошо некоторым – их и сёстры учат танцевать, и крали на танцы приглашают. А тут стой, как фонарный столб, и не отсвечивай!

Столько было искренней обиды в этих словах, что мы расхохотались.

– Слушай, командир! Есть идея! – сказала тут Оксана. – Давай, организуем танцевальный кружок. У нас же в школе такого нет пока?

Такого кружка по бальным танцам у нас не было. Разные были. Вышивание, лепка, авиамодели, кройка, переплетение книг. Даже табуретки стали в кружке делать, да всякие скалки и толкушки.

– И кто же нас учить будет? – спросил Саня.

– А мы и будем! – Перед нами внезапно выросла моя сестра, Светка. – Вон, Ксюха умеет, Серёга вообще отчебучил, недаром полгода нам с мамой ноги оттаптывал. У нас в классе есть ещё пара девочек. Вот возьмём над вами шефство. Подтянем ваш культурный уровень, а, братец-Иванушка, Серый волчище?

Идея была замечательной! Можно было раз в неделю, а не раз в три месяца, по праздникам, вполне официально, танцевать с Ксюхой. Конечно, в школе была художественная самодеятельность. И в ней учили танцам. Но это были танцы народов мира: девчонки на уроках труда шили наряды, вышивали их и потом танцевали разные гапаки украинские и другие народные танцы. Это было не то. Мы тут же решили, что после каникул обсудим этот вопрос на совете отряда. Потому что отрядная жизнь это внутреннее дело класса, не думаю, что совет дружины школы нам запретит танцевальный кружок.

– Дмитриенко! – подкатила к нам раскрасневшаяся от беготни с записками Нинка Чернышёва. – Ты теперь у них Д’Артаньян? Четверо смелых! Атос, Портос, Арамис и Дмитриенко! Или ты будешь Миледи?!

При этих словах Вовка молча поймал Нинку за косу, ласково подтянул её голову к себе и шепнул в ухо:

– Нинель! Сделай так, чтобы я тебя больше не видел! А то ведь я из тебя Миледи сделаю. С последним «прощай» на Первом острове. Помнишь, что с ней Арамис сделал? Голову отрезал!

– Фи! – ответила Чернышёва. – Напугал! Да какой ты Арамис! Вот Саша наш настоящий Портос: крупный, добрый, ласковый. Пирожки любит!

Мы обалдели! Про пирожки было очень интересно. Мы на переменах тоже в буфете в основном пирожки покупали. Но это не было ни у кого отдельной чертой характера. А тут высвечивались какие-то странные отношения, какая-то повышенная информированность Нинки. Потом я вспомнил, что Саня рассказал Чернышёвой всё про «барабашку». И цепь замкнулась – у нашего приятеля появился объект для написания новых стихов. А у Нинки появился новый подопытный для её кулинарных опытов: всем было известно, что на домоводстве лучше всех умела стряпать именно наш редактор стенгазеты.

– Между прочим, – продолжила Нинка, поправляя банты на освобождённой от Вовкиной руки косичке, – вы ещё не знаете о том, что Наталья Петровна решила отменить военно-спортивную игру!

– Это ещё почему?! – вскинулся Вовка, которого не корми, дай повоевать. – А что будет?

– А ничего не будет! – ответила Нинка. – Будем заниматься мирными делами – заметки писать в музей, фотографии собирать по посёлку. В общем, да здравствует мирная жизнь, долой погоны и знамёна! Ура, товарищи!

Чернышёва отличалась тем, что всегда первой узнавала все новости в школе. Поэтому не верить ей не было оснований. В школе что-то начало происходить, чего мы не знали.

– Ладно, после каникул разберёмся! – решил я. – Чего сейчас зазря волну гнать. А, штурман?

Вовка не успел ответить, потому что Дмитриенко нагло утащила его танцевать медленный танец. Чернышёва удалилась туда же, прихватив с собой Сашку. Я остался у окна один с тяжёлой думой – для чего Оксанка вытворяет все эти пируэты со мной и Вовкой. Поссорить хочет? Для чего? Отомстить? За что?

Ответов пока не было.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ангина. Таинственная записка.

Форс мороза не боится, или отмороженные уши.

Каникулы полностью не удалась! В первый же день отдыха, гоня в хоккеей, я неосторожно попил ледяной водицы из проруби и свалился со страшной ангиной. Горло заложило так, что я с огромным трудом мог только пить. Даже кусочек хлеба и тот не мог проглотить. Мать пичкала меня горячим молоком с маслом через каждые два часа. Лежал в постели и мучился. Говорить не мог. И только корчил злобные рожи, когда Светка домогалась по поводу танцев на вечере и пыталась выудить подробности с запиской. Я и так злился на себя оттого, что не выяснил – кто написал ту записку: «Серёжа! Давай с тобой дружить!» Да и у кого можно было выяснить? Фролова Митьку хоть на кусочки режь – не сознается. Потому что правила есть правила. Да ему легко любая девчонка записку могла передать по просьбе совершенно другого человека.

Так лежал я дома и гадал. Были две версии: Дмитриенко и Герасценко. Вовка запросто мог устроить такой фокус. Да и Ксюха тоже. Что называется, одного поля ягоды. Но мне больше нравилась версия с Ксюхой.

А она себя не заставила ждать. Уже на следующий вечер вместе с Вовкой и Саней притащилась ко мне. Довольные и счастливые, пахнущие снегом, морозом и почему-то хвоей. Словно Новый год пришёл.

– Серый! Мы тебе там стланика с шишками приволокли! – скидывая фуфайку, заорал Вовка. – Мы Оксанке показывали на гольце ту пещеру, что три года назад с тобой штурмовали. Заодно шишек нарвали. Зря ты заболел. Будто не знал, что из проруби пить воду после хоккея нельзя.

– Ой, Серёжа! – защebetала Оксана, усаживаясь на стул возле кровати. – Там такая красота! Такой посёлок у нас красивый! Такие люди

смешные, маленькие. Как муравьи! А как смешно Саша рассказывал про то, как вы прыгнули с такой высоты! Я бы ни за что не решилась на это. Там такая жуть! Скалы! И вы на них! Тарзан плачет от зависти!

И она хитро посмотрела на меня. Я даже одеяло под самое горло подоткнул от неожиданности.

Так! Ребятки без меня всё больше и больше сдруживались с этой девчонкой. Сначала они сдали наше заветное место на берегу. Потом стали делиться секретами с «барабашкой». Теперь вот очередь дошла до пещеры!

Я хотел ответить, но из горла вырвался только возмущённый сип.

– Лежи! Тебе нельзя говорить! – приказал Саня. – Потом наговоришься!

Мне оставалось только подчиниться. Потому что в горле какой-то мелкий микроб словно наждачной бумагой работал: в нём всё горело и першило.

Ребята ещё немного посидели, поболтали о чём-то совсем неинтересном. Уходя, Оксанка спросила:

– Может, тебе что-нибудь почитать принести? У меня есть «Алые паруса» Грина.

Я покачал головой. Грина я читал, а под подушкой лежал очередной том Конан Дойля. «Затерянный мир».

Только они ушли, как в дом ворвалась Нинка Чернышёва. Она приволокла кулёк с конфетами, бутылку газировки и кучу бесполезной информации о том и о сём. Конфеты я молча положил на стул возле кровати и показал жестами, что съем потом, когда горло перестанет болеть. А газировку попросил открыть. Нинка слетала на кухню за открывалкой и стаканами. И мы быстро прикончили «Барбарисовую». После чего Чернышёву ветром сдуло. Я снова остался лежать один с раздумьями о будущем. Почему-то стало грустно и захотелось написать стихи. Вспомнилось, что года два назад, Витька Сушко подарил мне на день рождения общую тетрадь, из которой я сделал личный дневник. Куда записывал разную ерунду, рисовал схемы ловушек и

корабликов, даже снежные крепости и другие рисунки. И вот после того, как Сашка Арутинов признался в своей страсти к стихосложению, я тоже записал себе в дневник фразу: «Решил начать писать стихи». Поставил дату и время. Помню, промучил мозг минут двадцать. И снова честно записал в тетради: «Со стихами ничего не получилось».

После такого воспоминания мысли переключились на наше такое не далёкое, но безвозвратно ушедшее детство. И я не заметил, как заснул.

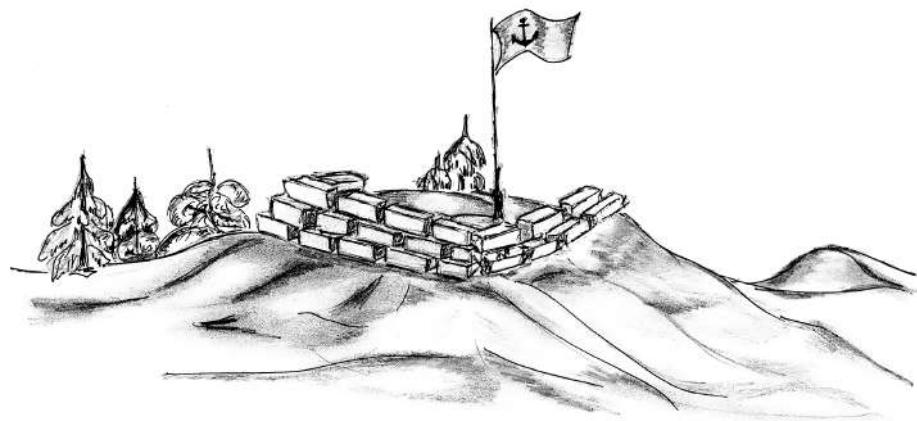
Разбудила меня Светка. Совсем бесцеремонно потрясла за плечо и сунула в руку сложенный вчетверо листок бумаги. На котором была написана цифра двадцать восемь.

– Тебе опять письмо! – ухмыльнулась сестра. – Теперь уже прямо на дом носят. Ну, ты даёшь!

– Не понял? – удивился я. – Ты где её взяла?

Я сначала подумал о том, что Светка нашла ту записку с вечера. Хотя я её спрятал в один из учебников, который сестра гарантировано не могла брать.

– Где-где! – передразнила меня сестра. – На столе лежала, на кухонном. Стали с мамой ужин готовить, а там пакет тебе валяется. Читай, давай, Дон Жуан! Потом расскажешь.

И сестра вышла из комнаты.

Обалдеть! Что же это творится? Что же это получается? За сегодня у меня побывали Саня, Вовка, Дмитриенко, Чернышёва. Кто мог оставить записку? Саньку и Нинку я вычеркнул сразу. Эти ребята, видимо, дружбу водили между собой, и издеваться надо мной у них не было никаких причин. Другое дело Вовка и Оксана. Геращенко мог почуять, что мне нравится Ксюха. Слишком резко я иногда на неё реагировал. Злился, когда он её притащил в наш ельник. Видел, наверное, как я сердился на реке во время похода. Наблюдать и делать выводы Вовка умел. Вот мог и сочинить эти записки. Тем более, что шаблон со шрифтом у него точно был. Сам видел.

Оксана тоже могла написать. Недаром же она подмигнула мне, когда отец её уносил на руках из автобуса. Она же пригласила меня танцевать. Она же прилипла к Вовке и ходила за ним именно туда, где обязательно был я. И, в конце концов, у неё отец был геологом. А, значит, у него должен был быть такой же шаблон.

Таким образом, круг подозреваемых, который в школе был не ограничен, вдруг сузился до двух человек. Правда, Нинка могла ещё от кого-то притащить записку. Но это вряд ли. Зная её лёгкий характер, можно было предположить, что об авторе давно бы знал Санюра. И он бы уже рассказал мне эту страшную тайну.

Внезапно я вспомнил, что за размышлениями совсем забыл даже развернуть листок и прочесть – что же там написано?

Я развернул записку. Там теми же буквами аккуратно было написано: «Серёжа! Приходи завтра в 19.00 к заднему крыльцу магазина. Я буду ждать!»

И всё!

Такую записку мог написать только Вовка! Приколотся захотел! Ведь знает, гад, что я болею, что придти не смогу. Вот и разыгрывает. А для чего? Тут у меня голова кругом пошла. Потому что логического объяснения я найти не мог. Вовка никогда не отличался тягой к интригам. Он всё решал гораздо проще: и в лоб спросит самое неприятное,

и по лбу даст. Поэтому на роль таинственного мистера Икс он никак не годился. Тогда кто?

Оставался один верный вариант: сходить завтра к магазину! И всё выяснить на месте. Но была трудность – мама. Она точно с температурой никуда не выпустит. На улице придавливал мороз. У меня ангина. Поэтому в моём расследовании маячил тупик.

Весь вечер я провёл в размышлениях. Даже не читал «Затерянный мир». Представлял, как в темноте приду к магазину, а там никого не окажется. Или наоборот, кто-то таинственный будет. И что с ним или с ней делать? В кино идти поздно, гулять по тёмным улицам в мороз только дурак может. На завалинке сидеть и звёзды считать? Мгновенно примёрзнешь. Получалось, что ничего, кроме розыгрыша, на завтра не планировалось – меня зачем-то пытались превратить в посмешище! И поэтому желание пойти на свидание, поймать автора записок и надавать по шее, стало нестерпимым. Я тоже не любил тайн и интриг, и предпочитал прямые действия.

Ночью я бредил. Сильно поднялась температура, горло заложило так, что дышать было больно, не то, что пить. Я метался по кровати, хотел позвать маму или сестру, но почему-то не стал. Где-то на краю сознания понимал, что это, скорее всего, кризис. И завтра станет легче. Но если позвать маму, то она вызовет врачей, меня упекут в нашу маленькую больницу на четыре койки. И я там проваляюсь все оставшиеся каникулы. Я заставлял себя проглатывать маленькими глотками ту микстуру, что мама оставила на табуретке возле кровати. Она была горькая и гадкая. Но я запивал её морсом брусничным. Так и провоевал почти до рассвета. Заснул, когда за окнами посветлело. Это было уже позднее утро.

Проснулся оттого, что меня кто-то тряс за плечо.

– Серый! А, Серый! Тебя прекрасная незнакомка к телефону зовёт! – будила меня сеструха. Стояла надо мной и трясла за плечо. При этом улыбалась во все тридцать два зуба.

– Она уже второй раз звонит. И всё никак не желает назвать своё имя, – продолжала улыбаться Светка. – Сто процентов, что это автор твоих записок! Я ей говорю, что ты разговаривать не можешь, а она в ответ смеётся: мол, мне нужно, чтобы он слушал, а не говорил!

Меня аж подкинуло на кровати! Я так резко сел, что голова закружилась, и перед глазами поплыли чёрные круги.

– Шветка! – зашипел я. – Я тебя шейшаш придушу! Пошему шражу не ражбудила?!

– Так ты пойдёшь или мне трубку положить? – усмехнулась сестра.

– Шкажи, иди, што я шейшаш приду. Пуштть подождёт, – ответил я.

Натянув штаны, я проковылял в большую комнату к телефону. Проковылял потому, что голова кружилась – двое суток в постели при моём активном образе жизни сразу дали себя знать. Или это были последствия ночного недосыпа? Бреда?

– Шлушаю! – прошипел я в трубку.

– Здравствуй, Серёжа! – пропел в трубе голос Оксаны. – Как ты себя чувствуешь?

Мне тут же захотелось ответить излюбленными фразами Вовки Геращенко. Грубо и весомо. Как будто она вчера не видела, что я был в состоянии малинового желе: такой же красный, и такой же дрожащий от температуры. Однако я просто сомлел и опустился на стул, прижимая внезапно ставшую мокрой трубку телефона к уху.

– Ты не отвечай! – затараторила Ксюха. – Твоя сестра уже сказала, что ты говорить не можешь, только сипишь. Поэтому я тебе просто скажу одну вещь, а ты покивай головой. Мне этого хватит!

Куда и зачем кивать головой, я не понял. Тем не менее, согласно кивнул! Ксюха и правда не слушала меня, а продолжала тараторить:

– Я чего звоню, – трещала она. – Вчера меня мальчишки сагитировали к тебе в гости зайти. И, бестолковые такие, ничего не сказали, что ты болеешь. Поэтому я записку с собой взяла, положила у тебя на кухне, и потом только узнала, что у тебя сильная ангина. И ты никуда из дома не выходишь. А когда мы уходить стали, то Вовка так торопил меня,

что я не успела забрать записку. Поэтому ты не обижайся на неё. Можешь порвать и в печку выбросить!

Всё это она выпалила залпом. А я сидел на стуле и глотал воздух, который так и не хотел проходить в горло.

Тайна открылась! Значит, это она писала и первую записку на вечере. И вторая записка её же. Я не знал, что говорить. Поэтому брякнул первое, что пришло в голову:

– Жашем её рвать? Я её прошытал уже. Только шыго у магазина в темноте на мороже делать я так и не понял?

В трубке повисло молчание. Потом Ксюха смущённо сказала:

– Я думала, мы сначала погуляем немного, а потом на танцы пойдём. Я ж не знала, что ты больной! Мне понравилось с тобой танцевать.

Всё-таки ленинградские девчонки сильно отличаются от наших, поселковых, подумал я. Смелее они, что ли? Без лишнего смущения Ксюха назначала мне свидание, да ещё и на танцы звала. Я совсем забыл, что сегодня среда. А по средам, субботам и воскресеньям в нашем кинотеатре «Кристалл» танцы с восьми часов вечера. Платишь тридцать копеек и проходишь. И вот Ксюха зовёт меня на танцы! Меня вообще не только на танцы, но и на свидания никто никогда ещё не звал. Да и я сам тоже этого не делал.

Иногда мы ходили в клуб. На «танцы». Проникали всякими способами, потому что платить такие деньги «за посидеть», как говорил Вовка, дураков не было. Обычно удавалось длинным тонким прутом с улицы отодвинуть нижний крючок у выходной двери в зрительный зал. Верхний крючок никогда не закрывали, потому что кому охота каждый вечер тащить лестницу и на высоте трёх метров забивать этот крюк в проушину? Вот местные пацаны и надывали такой незамысловатый способ попадания на танцы. Думаю, директор кинотеатра знал про этот ход. Но махнул рукой – убытка особого от пацанов не было, а взрослые всё равно покупали билеты: стыдно из-за тридцати копеек потом прятаться по углам. Посёлок у нас маленький, все друг друга знают. Кассир сразу вычислит, кто брал билет, а кто нет.

Попав в зал, мы, конечно, не стремились танцевать. Какие из нас танцоры? Мы, примостившись в углу за большой вешалкой, молча наблюдали за тем, как танцевали другие.

И вот впервые меня звали в клуб! То есть, в тот волшебный и заколдованный до сих пор для меня мир, где кружились пары. Или медленно топтались на месте в не торопливом и не понятном танце. И позвала не какая-нибудь обычная одноклассница, а Ксюха! Было от чего обалдеть.

– ...чего молчишь-то, Серёжа? – донёлся до меня голос из трубки. Оказывается, я задумался так, что перестал слушать телефон.

– Ты шама попросила молчать! – буркнул я, не зная, что ещё можно сказать.

– Так ты простил меня? За записку? – поинтересовалась Дмитриенко.

– Шыво там прошать? Я приду! – неожиданно для себя заявил я. – Буду в шемь.

– Но у тебя же горло! – всполошилась Оксанка. – И температура.

– Температуры уже нет, – ответил я. – Жди!

Я положил трубку. И стал думать. Пообещать, не значит сделать. Ладно. Мама на работе. Приходит обычно часам к шести, к семи. С этой стороны, вроде, не опасно: можно удрать до её прихода. Но дома сидит сестра, которая устроит такой концерт, что мало не покажется. Да и матери сразу позвонит на работу. А та мигом примчится, сыночку спасать!

Тупик!

Делать было нечего. Нужно было сдаваться Светке. И я поплёлся к ней в комнату.

– Никуда не пойдёшь! – объявила сестра. – С такой ангиной в больницу кладут людей. А ты на мороз удумал! Совсем свихнулись?!

– Ты лучше одолжи мне рубль. В субботу отдам! – попросил я с решительным видом.

– Зачем тебе рубль? – опешила Светка.

– Билеты купить. На танцы! – я даже не заметил, как перестал шипеть. Видимо, азарт и злость сделали своё дело – я мог говорить нормально и горло почти не саднило. Я выздоравливал на глазах!!!

– Не поняла! На какие танцы?! А какой сегодня день недели? – задёргалась сестрёнка. – Ёклмн! Сегодня же среда! Точно! Сегодня в клубе танцы! И тебя, значит, Оксанка на танцы позвала? Первый раз в жизни?! И ты вот такой больной рыцарь Айвенго собрался топтать к своей Ребекке? Ну, ты герой!

– А если в лоб? – лаконично спросил я. – Дашь рубль или нет? Ты же знаешь, я могу и так попасть в клуб.

– Предположим, теперь в лоб и я могу захватить, – спокойно ответила Светка. И была при этом права. Она уже выросла и была высокой, крепко сложенной девушкой, с которой не так-то просто было затеять драку. Ушли в прошлое те времена, когда «наши схватки боевые, да, говорят, ещё какие!» потрясли квартиру до основания. Это я, конечно, сгоряча и по привычке ляпнул.

– Просто в клуб с девочкой так вот попадать не стоит, – рассудила сестра. – Как-то это будет позорно: первое свидание и левыми путями проникать в зал? Не, не годится!

Если бы она знала Оксанку! Той, на мой взгляд, хоть через крышу в клуб попасть. У неё не заржавеет!

– Так дашь рубль или воспитывать будешь? – опять сгрубил я, но уже не так явно.

– Дам! – решительно ответила сестра. – В таких случаях брата нужно выручать. Первое свидание!

Она хотела, видимо, рассмеяться, но, увидев мою серьёзную физиономию, передумала. Достала из кошелька рубль и протянула его мне:

– Тебе повезло. Сегодня у мамы собрание на работе. Она придёт поздно. Просила накормить тебя ужином. И проследить, чтобы ты лекарства пил и по дому не шарахался. Поэтому сделаем так. Я вроде как на полчаса пошла к соседям, а ты неизвестно куда удрал. Поэтому я тебя остановить не успела. Иначе мама нам обоим головёнки откру-

тит. Я, конечно, могла бы и сама тоже пойти на танцы. Но это будет перебор – кто-нибудь матери обязательно завтра доложит на работе, что мы оба были в клубе. Поэтому развлекайся один. Только надень свитер с высоким воротником. У тебя был где-то, водолазный такой. Ты ещё в нём на охоту с дедом ходил. Горло тебе совсем не обязательно студить. И газировкой не балуйся в клубе. Она у них там вечно ледяная.

Я не верил своим ушам: моя сестра давала мне наставления, как сбегать на танцы тайком от матери! Да-а, как меняется человек с возрастом.

И потянулся длинный день. Мне расхотелось валяться в кровати с книгой. Потому что после каждой страницы я смотрел на часы – сколько прошло времени. Надоело слушать радио. Недаром дядя Юра философски шутил, говоря, что время штука сильно относительная. И отличается она относительно того, по какую сторону двери туалета ты находишься: или летит мгновенно, или тянется как улитка. Сейчас время тянулось даже не улиткой, а не знаю как! Нет такой медленной скорости в природе как скорость секунды в ожидании свидания.

Пару раз звонила мама, интересуясь моим здоровьем. Сильно удивлялась тому, что я стал почти нормально говорить, радовалась этому.

В половину седьмого я был уже готов идти к магазину. Надетый волосатый свитер немилосердно тёр шею в жаркой кухне. Но приходилось терпеть. Иначе Светка тут же позвонила бы матери на работу, и всё мероприятие рухнуло бы мгновенно. Да и можно было не торопиться надевать свитер, сам виноват. Наконец, я укутал грудь и шею шарфом, натянул куртку, надвинул поглубже на лоб шапку, влез в унты и был таков. Только возле калитки сообразил, что забыл на тумбочке фонарик. И теперь придётся идти по тёмной улице вслепую – фонарными столбами с целыми фонарями наш посёлок никогда не был избалован: какой пацан откажет себе в удовольствии из рогатки кокнуть новенькую лампу? Я помню вообще, как мы втроём грохнули из Сань-

киной воздушки почти все градусники года три назад. И как нас весело поролы почти всем посёлком. Такое не забывается.

До магазина идти было не так, чтобы далеко: он был на берегу Коло-товки, что делила посёлок на две половины. Работал магазин как раз до семи часов вечера. Поэтому людей возле него не должно было быть – Дмитриенко и это продумала. Я топал посредине улицы, чтобы не смущать местных псов – они всегда ревниво реагировали лаем на тех, кто шёл по тротуару мимо калиток дворов. Брехали из своих заинде-вевших конур. Так и сопровождали прохожего от двора ко двору.

Мороз начал давить вполне конкретно: я то и дело растирал уши варежками, а холод норовил пробраться под куртку. Я уже двадцать раз мысленно поблагодарил Светку за то, что заставила надеть мой охотничий свитер: на танцы зимой все ходили кто в чём мог, а вот сей-час под курточкой он меня спасал от холодрыги.

На крыльце магазина никого не было. Рядом с крыльцом тоже никто не маячил. Светили два фонаря по краям вывески, поэтому площадка перед магазином была как на ладони.

«Неужели Ксюха просто обманула?» – подумал я. От этой мысли мне стало неуютно, тени за фонарями резко сгустились, и в каждой из них поселились неведомые для меня, но явно злобные духи.

Сделав пару кругов вокруг магазина, я развернулся идти домой: шёл уже восьмой час. Было понятно, что, скорее всего, где-то в домах напротив, сидят девочки, смотрят сквозь занавеску на меня и с удо-вольствием хихикают над неудавшимся Ромео.

И тут из тени, из-за угла магазина, появились две фигуры. В одной я сразу признал Нинку Чернышёву. Она всегда одевалась как чувырла: длинное пальто, похожее на шинель, валенки и цветастый тёплый пла-ток. Вторая фигура была поменьше. В сапожках, в коротком полу-шубке и шапке-кубанке с какими-то наушниками, которых я до этого не видел. Это была Оксана Дмитриенко.

– Ой, Оксана! – затараторила Нинка. – Смотри-ка! Это же Серёга Чернов! Ты чего тут делаешь?!

– Тебя жду! – буркнул я. – Что можно делать у магазина?

– Ну, я не знаю, – закокетничала Чернышёва. – Может, свидание у тебя тут?

– За хлебом отправили, да поздно уже, – соврал я. – Видишь, закрылся магазин.

– Ой, сочиняешь ты, Чернов, ой, сочиняешь! – тараторила Нинка.

– Да ладно тебе! – остановила её Дмитриенко. – Может, и правда за хлебом. Чего пристала. Ты же вроде больной, Серёжа? У тебя ж ангина.

«Вот коза!» – подумал я. – «Сама звонила, и сама сейчас издевается». Потом сообразил, что Ксюха уводит разговор в сторону от свидания, что она тут с Нинкой сама случайно. Словно подтверждая мою мысль, Оксана продолжила:

– А мы тут с Ниной случайно встретились. Я домой шла, и она домой шла. Просто мы в разных сторонах живём, вот и провожаемся: сначала она меня проводила, теперь я её. Пойдём вместе, проводим её?

Я пожал плечами – делать всё равно было нечего. Нужно было выкручиваться из создавшейся ситуации. Тем более, мы с Дмитриенко до танцев тоже собирались гулять. Правда, появление Нинки было несколько непредвиденным.

Так мы и шли до самого Нинкиного дома, который был недалеко от кинотеатра. Мы его по привычке называли клубом, хотя это был боль-шой, красивый, отремонтированный ещё осенью кинотеатр. В нём не только показывали фильмы, но было множество различных помеще-ний, в которых располагались кружки. Здесь же была наша поселковая библиотека. Моё любимое место!

Честно говоря, я с ужасом думал о том, что вот сейчас Нинка закроет калитку своего двора, мы останемся вдвоём с Ксюхой и ...

А что дальше? Я решительно не знал, о чём с ней разговаривать, что делать, как себя вести! Потому что в такой ситуации я не бывал ни разу! Одно дело общаться в классе, в походе, на улице, когда вокруг много другого народа. Но когда вокруг тебя тьма египетская, а ты один на один с девчонкой! Было от чего грустить.

– Ну, кавалер, ведите даму на бал! – заявила Оксана, едва мы отошли от калитки Чернышёвых. И вцепилась своими руками в белых пушистых варежках мне под руку. Нет! Ленинградки это вам не северный, бурчливый и суровый народ. У них всё через хихоньки да хаханьки. Тем не менее, мне стало легче. Потому как я ни в жизнь бы не осмелился взять её под локоть, как бы мне этого не хотелось. Я сам не заметил, как у нас завязался разговор о книгах. Дмитриенко, как и я, любила литературу. И совсем не девчоночьего круга чтения. Недаром она в своём Ленинграде лазила по гаражам откручивать гайки и свинчивать болты. Это был пацан в юбке. И она любила Фенимора Купера, Джека Лондона, Вальтера Скотта, Арсеньева с его Дерсу Узала. Оказалось, что нам есть о чём поговорить, не давя мучительно слова и мысли. Мы, наверное, раз пять прошли мимо клуба, пока не опомнились, что время уже почти восемь часов, и что давно можно было купить билеты на танцы, и разговаривать в тепле. Под музыку. Мы рванули к крыльцу клуба, и у меня на душе было легко и просторно!

Два часа кружения в вальсе, топтания в танго проскочили мгновенно. Ведущий объявил последний танец. Мы с Ксюхой медленно проплыли по кругу и остановились. Потом она сделала полупоклон и... чмокнула меня в щёку!

– Спасибо, сударь! – пропела она, и помчалась вперёд меня в гардероб. А я остался стоять столбом посреди фойе.

После танцев было не до гуляния: на улице здорово вызвездило, и мороз, наверняка, выкатил все сорок градусов. Это я почти сразу почувствовал собственными ушами – какой же пацан зимой, перед девчонкой, опускает клапана у шапки? Да лучше расстрел! Потом мороз добрался до коленок. И, как я тут же понял, не только до моих. Ксюха взвизгнула, и крикнув: «Догоняй!», помчалась по проулку в сторону своего дома. Мне ничего не оставалось, как припустить за ней.

– Ох, и морозяка у вас! – задыхаясь, сказала Ксюха, когда мы затормозили возле его дома. – Умереть не встать! У нас в Ленинграде такого никогда не бывает.

– Это ещё ерунда! Вот когда пятьдесят градусов бахнет, вот тут конец света! Идёшь по улице, ногой топнешь, а снег трескается от мороза. Словно не ты топнул, а слон. И уши в трубочку сразу сворачиваются.

– Ой, Серёжа, они у тебя сейчас точно свернутся! – всплеснула руками Ксюха. – Ты чего же шапку не опустил, балда!

– Мелочь! Я морозоустойчивый, – храбро заявил я. – Ничего не будет.

В груди стало тепло от её участия. И я готов был вообще скинуть шапку и идти домой так.

– Всё! Беги домой! Тебя уже там потеряли, наверное! Ох, и попадёт тебе от матери. Ты ж ещё и с ангиной! Давай, до свидания!

С этими словами она помахала мне белой варежкой и убежала домой.

Тут и я рванул к себе. Спасать уши было уже поздно. Надо было думать о том, как спасти самого себя от гнева матери. Я понимал, что влетит мне сегодня по самые брови. И время было уже ночное – одиннадцатый час. И уши я точно отморозил. И постельный режим мне никто не отменял...

В общем, пропал я бесповоротно и окончательно! Правда, в душе у меня всё пело и плясало. Вечер был прекрасный. Звёзды в чёрном небе были огромными и добрыми. И посёлок мой в темноте был самым любимым и очаровательным во всём мире.

Жизнь удалась! И все неприятности, которые мне светили в ближайшем будущем, были мелкими и не страшными.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

*Вовка Холмс и Ксюха Ватсон. Дружба дала трещину
шириной с Витим. Как жить дальше?*

Окна в нашей квартире не светились. Это могло означать только одно: все спят! Дом закрыт. Придётся стучать в дверь на веранде и огребать от мамы всё, что положено огрести в подобной ситуации.

Я поёжился, но делать было нечего. Любил кататься, люби и саночки возить.

Взлетев по крыльцу к двери, и подняв кулак, чтобы постучать в филёнку, я обратил внимание, что дом не заперт! Странное дело. Хотя в посёлке у нас воровства в принципе не было и замков практически никто не имел, двери на крюк закрывали так или иначе. От собак и мелкого зверья, что могли прийти на поздний «ужин».

Тихонько открыв сначала дверь на веранду, а потом в дом, я увидел, что в спальне у мамы горит настольная лампа, прикрытая сверху платком. И тут же услышал её саму:

– У тебя под подушкой кастрюля с картошкой. Ещё не остыла. Подогрей молоко и обязательно выпей на ночь. Мёд и масло найдёшь сам. Не маленький. Спокойной ночи!

И всё!

Почему-то на цыпочках я пробрался в свою комнатку, в которой были стол, кровать, плательный шкаф и один стул. Она мне всегда казалась уютной каютой на корабле – ничего лишнего. Окно выходило в сторону гольца, в зелёное море. Иногда, сев за стол, я мысленно уплывал по таким вот зелёным волнам вокруг земли на большом парусном корабле.

Достав из-под подушки заботливо укутанную в полотенце кастрюльку с горячей ещё картошкой, я прошелестел в большую комнату, и устроился за круглым столом. Честно говоря, есть не хотелось – настроение было совершенно не гастрономическое. Но не поесть, значит, ещё раз

обидеть маму. Тут я вспомнил про молоко с мёдом, и пошёл на кухню за плиткой. Холодильник, где было молоко, стоял в большой комнате, поэтому нужна была только большая кружка под напиток и сама плитка.

Молоко согрелось за пять минут. К тому времени я неожиданно для себя уже умял целую тарелку пюре с оказавшейся так кстати в кастрюле большой котлетой! Оказывается, во-первых, я сильно проголодался, а во-вторых, куда-то исчезла вся эта проклятая ангина! Пища проскакивала в горло, не цепляясь ни за что! Завершив поздний ужин горячим молоком с мёдом, я отнёс посуду на кухонный стол, и быстро забрался под одеяло. Предстояло многое обдумать. День задался очень многообразный и полностью неожиданный: начиная от звонка Ксюхи и заканчивая неожиданной заботой мамы. Которая, вместо мокрого полотенца для моей спины, просто приготовила мне ужин!

Неожиданно на подушку мягко приземлилась наша девочка Кошмар. Включив свою «мурлыку», она прижалась спиной к моему уху. Мне стало так тепло, спокойно и уютно, что я потянулся, и ... мгновенно уснул.

Наверное, мне ничего не снилось. Потому что следующее, что я ощутил, это был солнечный луч, светящий мне прямо в глаз. Значит, шёл девятый час утра. Вставало солнце. Нужно было вставать и мне.

Так! Мама уже ушла на работу! И придёт только вечером. Ура! У меня есть целый день, чтобы подготовиться к серьёзному разговору с ней.

Я повернул голову, чтобы встать с кровати, и чуть не заорал от боли! Левое ухо соприкоснулось с наволочкой, и всё тело пробила страшная раскалённая игла! Я резко сел в кровати. Потом встал и подошёл к зеркалу, что было на дверце плательного шкафа. На меня смотрел урод с разными ушами! Левое ухо, которое причиняло особую боль, распухло и вытянулось. И, казалось, что почти лежит на плече. Оно стало длинным, и его мочка в свете солнца выглядела совсем прозрачной. Мне даже послышалось, что в ней, в мочке, булькает какая-то жидкость.

Правое было красным, но почти нормальным. Как я понял – оба уха я отморозил вчера напрочь. Как дворовой кот. И теперь оставалось только взять ножницы, и, так же как коту, обрезать их до основания. Уши горели, их рвала оглушительная боль. А понимание того, что через четыре дня мне нужно будет идти в школу таком вот уродом, было больнее всего.

Сначала я не понял, почему уши были такими разными. Но потом вспомнил, что вечером ко мне на подушку залегла Кошмар. Она, видимо, своим телом согрела как надо бедное ухо и спасла его. Или я его больше растирал варежкой, когда гулял с Дмитриенко? Она же всегда шла слева от меня, засунув свои лапки мне под мышку. Поэтому левая рука у меня была занята, а правой я тёр ухо иногда. Это точно, я вспомнил все детали. И как мы гуляли, и как танцевали, и как потом мчались домой по морозу. А над нами танцевали звёзды, и мне было очень здорово. И вот она, расплата за вчерашний поход. Плюс ко всему ангина.

Стоп! Но ангина исчезла! Я аккуратно попробовал покашлять. Никаких проблем. Вдохнул во всю мочь. Тоже нормально. Взял стакан с морсом со стола и осторожно выпил половину. Всё было хорошо. Рядом со стаканом стояла какая-то баночка с жёлтой мазью. Я взял её в руки, и в это время ко мне в комнату вошла Светка.

– О! Привет, жених! Услыхала, что ты кашляешь. Решила проверить – как ты тут? Жив ещё? Как твоё горло и уши?

– Нормально, – ответил я. – А причём тут уши?

– Ха! Причём тут уши, – передразнила сестра. – Мать с утра как увидела тебя, так ей чуть дурно не стало. Принесла тебе морс и таблетки на всякий случай, а тут ты свои ушные раковины разметал по всей подушке! Голова отдельно, уши отдельно! Почти как такса на постели.

Она засмеялась. Мне бы тоже понравилось такое сравнение, если бы оно касалось кого другого. Но даже смеяться мне было больно – уши и, правда, колыхались при самом маленьком движении.

– Вот мама тебе и принесла гусяного жира. Сейчас мазать будем, герой. Только за ватой схожу.

И сестра пошла к маме в спальню, где у нас была аптечка.

– Ты пока умывайся. И завтракай.

Я хотел надеть тельняшку, но побоялся задеть уши. И поэтому вышел на кухню с голым пузом.

Вскоре появилась и Светка.

– Оно хоть того стоило, а? – спросила она, имея в виду моё первое свидание. – Давай своё ухо.

Сестра под села ко мне поближе и, бережно взяв ухо, стала тихонько наносить мазь на кожу.

– Чего молчишь?

Я показал сестре большой палец. Потому что рассказывать историю свидания совсем не хотелось.

– Ты сама лучше расскажи, что мама говорила? Как она – сильно сердится?

– Мама у нас с тобой просто замечательная. Когда она тебя не обнаружила, конечно, выпотрошила из меня все подробности. Вот мне и пришлось рассказать и о вечере с почтой, и о второй записке, и про Оксанку, и про свиданку.

Сестра принялась за второе ухо.

– Мать оценила всё и сказала только одно – ты придёшь без ушей. Что и было доказано тобой с блеском!

– А почему она не ругалась-то? Ничего не понял.

– Дурачок, что ли? Ну, кто же будет портить память о первом настоящем свидании?! – Светка засмеялась. – Вы хоть целовались?

– Тебе какое дело?! – взвился я.

Ещё секунду назад ласковые пальцы сестры вдруг стали жёсткими как клещи, и я взвыл от боли: Светка ущипнула меня за болезную мочку.

– Не груби, братик! Я ж тебя ласково спросила. Мне ж интересно. Я тоже рисковала, сначала отпускаю тебя, потом защищая. А ты такой

неблагодарный! Неудовлетворённое женское любопытство страшная штука!

Не успел я открыть рот, чтобы ответить сестре, как дверь в дом распахнулась, и в клубах морозного пара возник Вовка Геращенко. И заорал с порога:

– Привет всей честной компании! Как тут наш больной?!

Он скинул валенки, пристроил телогрейку на вешалку, кинул туда же шапку, и сел за стол напротив меня.

– Опаньки! Серый! Ты как это умудрился дома уши отморозить?!

Вовка даже рот открыл от удивления. На его лице такое изумление нарисовалось, что Светка захохотала во всё горло.

– Это он у нас вчера на свидание сбегал!

– Какое такое свидание?! – подпрыгнул Вовка. – Когда успел? С кем это он?! Он же вчера в постели валялся весь больной?

– Трепло! – зло буркнул я сестре и с корнем вырвал своё ухо из её рук. И пошёл к себе в комнату, не зовя за собой Вовку. Что теперь делать, я не знал. Сильно не хотелось посвящать друга в свои сердечные дела. Тем более, что он и так был в них, как я понимаю, самым активным участником. Оставалось положиться на судьбу и в данном случае ничего не скрывать. Пусть лучше Вовка побесится, а там будь что будет.

– Колись, пацан, с кем это ты вчера гулеванил? – влетел в комнату вслед за мной Вовка. – Хотя... Дай-ка я сам догадаюсь. Значит, пока мы мирно отдыхали с Санюрой по домам, ты звёздным вечером провожался с Дмитриенко?! Так, что ли?

– Ну, прямо Шерлок Холмс! – воскликнул я. – Всё-то ты знаешь, обо всём догадываешься. Да, мы вчера с ней ходили в клуб на танцы!

– На танцы?! – изумился Геращенко. – На самые, что ни на есть танцы, в клуб? И вас пустили?

– Да, пустили. Что тут такого? Всех пускают, если билеты купишь, – ответил я, бесцельно прибирая на столе тетради.

– И там отморозил уши? – издевался Вовка. – Или вы потом гуляли, провожались, обнимались?

Вовку несло. Он стоял в проёме двери, уперев руки в бока, набычившись, словно собрался устроить бой.

– Кончай, Вовка! Чего доколупался? Тебе-то какое дело что мы делали? Да, гуляли и до танцев, и после. Захотели и гуляли!

Я вызывающе посмотрел на друга.

– А это ничего, что я ней дружу? – зло спросил Вовка.

– А это ничего, что мы с тобой дружим? – ответил я. – Что, теперь ты мой хозяин и я должен делать только то, что ты велишь? Ты, что, собственник Дмитриенко? Царь и повелитель?

Вовка побагровел. Я подумал, что он сейчас кинется на меня с кулаками. Но Геращенко резко развернулся и выскочил из комнаты. Я слышал, как он сорвал телогрейку с вешалки, как хлопнула дверь. Но не шелохнулся, чтобы остановить его.

– Ну, вы даёте, мушкетёры! Какие у вас бури! – Светка вошла в комнату и уставилась на меня. – Ты, чего, у Вовки девчонку отбил?

– Никто у него ничего не отбивал! – махнул я рукой. – Просто с ума сходит. Ты же лучше меня знаешь – я тут не причём.

– Ну да, ну да, – передразнила Светка. – А ты знал, что Вовка к Оксане неровно дышит?

– Ничего я не знал! – отрезал я. – Они пару раз вместе появлялись и всё. Правда, он один раз в пионерской комнате ляпнул, что собирается на Ксюхе после школы жениться. Так это просто дурная шутка была. Мало ли что мы говорим сдуру.

– Да-а! – протянула сестра. – Я уж и не помню, чтобы вы когда-нибудь так ссорились. Что делать-то будешь?

– Не знаю, – я уселся на кровать. – Вовка же упёртый дурак. Сейчас дуться полгода будет. Не успели после «барабашки» помириться, как тут эта ещё история.

– Ладно, братик, не переживай! – вздохнула Светка. – Это у вас возрастное. Просто вырастаете вы из детства. Взрослыми станови-

тес. Я как вспомню, как из-за меня пацаны дрались! Петухи! Всё пройдёт. Вовка настоящий парень. Он попсихует и поймёт. Но Оксана тоже хороша. Обоим мозг в косички заплела. Ай да ленинградка!

С этими словами Светка пошла к себе. А я остался сидеть в глубоких раздумьях. Самый простой вопрос – как жить дальше? С Вовкой мы дружили с рождения. Бывало всякое, но Светка права – такого раздора между нами ещё не было. И как восстанавливать дружбу совершенно не понятно. Главное, я не чувствовал ни капли собственной вины. Да, мне нравилась Оксана. Я даже ревновал её к Вовке. Злился, когда он её стал таскать за собой. Хотя, если честно, то и здесь не совсем понятно: её к нему ревновал или наоборот? Ведь мне было сначала неприятно, что Вовка посвящает Дмитриенко во все наши тайны. Вот и на пещеру они её с Санюрой сводили, и на потайное место в устье Колотовки. Я ж тогда не о ней думал, а о нём! Хотя на свидание с Ксюхой я рванул по первому свистку. Даже не подумав о Вовке. Что это означало? И что означает тот момент, что я теперь боюсь неминуемого разговора с Оксаной. Она ж наверняка всё прознает. И пристанет с вопросами. Да и многие поймут, что произошло нечто из ряда вон. Через четыре дня в школу. Уши у меня как у таксы висят. Пойдут расспросы, догадки, неизвестно как поведёт себя Вовка, и что скажет Санька. Кто-то обязательно разузнает, что мы ходили на танцы. В нашем посёлке тайны не живут.

Вопросов было больше, чем ответов.

– Серёга! Тебе опять барышня твоя звонит!

Вот и приплыли! Мог бы и догадаться, что вежливая Ксюха утром обязательно захочет узнать о моей судьбе. А мог бы и сам утречком позвонить. Как джентльмен.

– Привет!

– Привет! Как дела? Жив? Мама не порвала на кусочки сыночка?

Оксана строчила как из пулемёта. То ли таким нехитрым способом пытаюсь прикрыть смущение, то ли привычка такая у неё была.

– Жив, куда я денусь. Всё нормально, – ответил сухо я. – У тебя как дела?

– А у меня-то что? – засмеялась Ксюха. – У меня всё в норме. Никаких проблем. Что делаешь?

– Читаю.

– А как ангина? Легче стало? Может, тебе чего принести? У нас малина есть.

– Спасибо, ничего не нужно.

– У тебя голос скучный. Я чувствую, что произошло что-то. Мать наказала или что? Серёжа, ты не молчи. Я ведь тоже тут не совсем сбоку припёка! Это ж я вчера наш поход организовала.

– Да всё нормально! Чего ты, в самом деле?! – отбивался я от настырной девчонки.

– А у тебя случайно Геращенко с утра не побывал?! – внезапно спросила Оксана.

Вот как! Она что, ясновидящая?

– Почему ты так решила?

– А мне только что кто-то звонил. Дышал в трубку минуту, извини, сопел в неё, пока я «алёкала». Честно говоря, я почему-то подумала, что это ты. Ну, мол, застенялся поговорить, вот и дышишь как паровоз. Если это был не ты, то, значит, только Вовка мог. Он так сопит, когда злится.

– Я не звонил, – ответил я. – Хотел ближе к обеду позвонить, но не успел, ты сама позвонила.

Зачем я так соврал, сам не понял. Выскочило помимо моей воли. Но ведь я мог и захотеть позвонить?

Голова шла кругом. В интуиции Оксане отказать нельзя было. Скорее всего, Вовка от меня забежал к матери своей в магазин, где она работала продавцом, и оттуда позвонил Дмитриенко. Хотел устроить разборки. Но побоялся или постеснялся. Или остыл? На девчонку орать это совсем не то, что на лучшего друга. Может не понять. Получалось Вовка Холмс и Ксюха Ватсон вели следствие: кому и когда изменил обычный пацан Серёга Чернов!

– Значит, звонил Вовка, – решила окончательно Оксана. – Ведь он был у тебя?

– Ну, был, – нехотя сознался я.

– И вы поссорились? Из-за меня?! Из-за вчерашних танцев?

– Чего ты выдумываешь? Больно надо! – деланно возмутился я. – Он просто с утра был не в духе. Вот и поцапались слегка.

– Ага, слегка. Не в духе! В таком «невдухе», что он помчался звонить мне! Хотел, наверное, разборки устроить? Понятно с вами всё. Классический треугольник! Эх, пацаны, вы, пацаны!

И Ксюха положила трубку.

Я тоже аккуратно положил трубку, повернулся, и натолкнулся на Светку, которая, оказывается, едва дыша, стояла за моей спиной и подслушивала!!!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Папа был, папа сплыл. Наш Гордей становится нашим.

Мужской разговор – что в итоге?

— **К**акие у вас страсти! – всплеснула сестра руками. – Обзавидуйтесь! Любовный треугольник! Серый, ты теперь с Вовкой стреляться будешь? На рогатках? Ленский и Онегин.

Я задохнулся от возмущения и хотел по старой памяти огреть Светку по загривку. Но только рукой махнул, отодвинул её плечом, и ушёл в свою комнату...

Почему так всегда в жизни? Вот течёт всё ровно, спокойно, без водоворотов и бурь. А потом словно шквал: мгновение, и кругом одни обломки. И снова солнце, штиль, тёплая вода.

– Братик! Не переживай ты так сильно! – Светка возникла в дверях комнаты. – Всё это мелочи. Главное, глубоко не погружайся, себя не вини. И постарайся понять Вовку. Он, как я поняла, имел виды на Оксану?

Она подождала моего ответа. Но я молчал и просто смотрел на неё.

– Так вот. Поверь, важно не то, что думает сейчас Вовка. Или ты. Важно то, что ощущает Оксана. Ей решать. Как вы себе представляете решение вопроса? Вот ты, мой героический брат, говоришь себе – не буду мешать другу! И ты уходишь в сторону.

С другой стороны Володя принимает такое же решение. И тоже гордо маячит на обочине. Что делать бедной девочке? Было два пацана, не осталось ни одного! Причём, она для этого ничего обидного не сделала! Вы даже не знаете с Вовкой – кто из вас ей больше нравится?! И нравитесь ли вы ей вообще? С одним она пару раз прогулялась по вашим памятным местам. При этом, её туда звали сами пацаны, и никаких авансов она никому не давала. С другим она танцевала и даже свидание назначила. Но, может, дело в том, что она любит танцевать, а твой дружок как медведь вокруг пня – только топтаться может.

Я не сдержался и прыснул. Уж больно верная картинка получалась: Вовка, танцующий вокруг пня. Я ведь тоже с табуреткой танцевал.

– Во, уже лучше! – обрадовалась Светка. – Уже улыбаемся. Значит, думать голова начала.

На чём я остановилась? Ах, да! Ты потанцевал с ней, погулял, и вы с Вовкой сделали за Ксюху серьёзные выводы. Да так, что расплевались на все четыре стороны. Самое простое и оно же самое сложное, это выяснить у самой Оксаны – кто из вас двоих ей нужен. Но тут же в лоб не спросишь?! Поэтому у меня к тебе предложение: наберись мужества и смелости, и как только пойдём в школу, в первый же день подойди к Вовке и предложи ему не ругаться из-за девчонки, а уговори выяснять самим – кто ей больше нравится. Как уж вы будете это выяснять, ваше дело. Но право выбора должно быть за ней. Запомни, братик: в этой жизни всем правит женщина!

Сестра потрепала меня по голове и вышла.

Честно говоря, после этого разговора мне стало гораздо легче. Светка всё разложила по полочкам. Действительно, чего бояться?

Нужно будет перед школой поговорить с Вовкой серьёзно. Он парень умный, быстро врубится. Сейчас не получится – телефона у него дома нет, а пойти со своими ушами к нему мне не получится. Остаётся ждать.

Я взял «Затерянный мир» и завалился на диван. Кошмарик под неодобрительным взглядом Аньки, тут же устроилась на груди, но я её погнал – читать мешала. Недовольно выгнув спину, котёнок удалился на другой край дивана. А на кухне забренчала кастрюля – Анька устраивалась на припечек, своё любимое место: видимо, довольная тем, что её подруга-соперница изгнана с любимой груди любимого хозяина.

На ужин мы с сестрой нажарили картошку на сале. Я слазил в подпол и вытащил банку огурцов и банку солёных волнушек. Потом нарубил из бочки капусты целую миску, залил её маслом и насыпал добрую жменьку брусники. Светка налила кувшин молока. Получился вполне царский стол. Хотели ещё сделать расколотку из хариуса, что дед нам послал, но Светка сказала, что и без этого лопнем. Да и рыба с молоком вестник быстрых походов в далёкий край огорода. Там у нас был туалет.

Мама пришла вовремя. Увидев накрытый стол, только покачала головой и улыбнулась:

– Повод для такого чревоугодия есть?

– Есть! – ответила Светка. – Серёге нужно усиленное питание, чтобы уши доросли до размера слоновьих.

Мать засмеялась:

– Да уж, сын. Тебе их можно на затылке теперь завязывать. И шапку не носить. Ладно, давайте ужинать.

Она вымыла руки и присела за стол.

– Ну, что, жених, как дела твои? Куда ангину дел?

– Mam, может, не надо? – попросил я, уткнувшись в тарелку. – Что тут интересного? Прошла ангина. Говорю нормально, глотаю нормально, температуры нет, уши не болят.

– Про уши ты сочиняешь. Они у тебя ещё полгода будут нежными и болючими. Хорошо. Твои дела. Будь я дома, я б тебя не отпустила. И уши целыми были бы. Это у нас Светлана добренькая. За счёт чужих ушей.

– Вот! Теперь я ещё и виновата?! Меня дома не было, когда он удрал! – возмутилась сестра.

– Всё, всё, всё! – замахала мама руками. – Закрыли тему.

– Mam, можно один вопрос? – внезапно спросил я.

– Давай хоть два! – улыбнулась мама.

Я помялся, а потом бухнул:

– А кто был нашим отцом?!

Светка даже вилку выронила. Эта тема у нас в семье не то, чтобы под запретом была. Но насколько я помнил, мы никогда её не обсуждали и вопросов не задавали. Может быть, когда мы были совсем маленькими, и говорила мама что-то. Но лично я не помнил истории своей безотцовщины.

– Хороший вопрос, сын, – мама отложила хлеб и вилку. – Хороший. И даже, можно сказать, очень своевременный.

Она задумалась, глядя в замёрзшее окно.

– Ты бутылки слил? – невпопад спросила она у меня.

– Слил, – тихо ответил я. Это была моя святая обязанность – сливать воду из бутылок, что висели на подоконниках. В них, по тряпочкам, стекала вода от тающей наледи на стёклах окон. Потом эту воду мы заливали в раковину. Мать считала, что умываться мягкой водой из льда очень полезно.

– В общем, с папой вашим мне не очень повезло. Он был тоже геологом. Работал у нас в партии. Всё было как у всех: любовь, морковь, свадьба, Светка. Жили мы тогда в другом посёлке, не в Колотовке. Я часто летом уезжала на разведку, на гольцы. Он оставался в посёлке, в камералке работал – чертил карты слюдоносных жил, что мы разведывали. Ну, вот как-то летом мне сказали, что пока я в тайге мошкарку кормила, стал папка ваш к другой женщине ходить. Я вернулась из

похода и в лоб спросила его: кто? Почему? И как серьёзно? Он мне всё и рассказал. После этого собрал рюкзак и отбыл. Прямо с вечерним трамваем и уехал. Потом Серёга родился.

У нас со Светкой рты были так широко открыты, что мать захохотала:

– Челюсти приберите! Вывихнете! Вы-то, наверное, думали, что папка ваш лётчик? И погиб смертью храбрых в боях с медведями? Не, мои хорошие. Всё прозаичней в этой жизни.

– И что, он больше никогда не приезжал, не писал?

– Не приезжал, это точно. А вот письма писал. Я даже одно прочитала. Он спрашивал, как Серёгу назвали. После этого я всё сжигала, не читая.

– Так он что, тебя беременную бросил?

– Угу, – мать наложила себе в тарелку волнушек. – Хороших вы грибов нынче набрали с Гордеем.

– А дальше? – не отступала Светка. – Дальше что?

– Да ничего! – ответила мама. – Стали мы жить втроём. Так и живём. Пока. Потому что вот такое тут дело, мои дорогие...

Мама вроде как засмушалась, положила ножик с вилкой, вытерла рот полотенцем и откинулась на спинку стула. Осмотрела нас и неожиданно спросила:

– Серёга, тебе Гордей нравится?

Я опешил. Причём тут Гордей?

– Ну, нравится, – буркнул я.

– А если без «ну», – переспросила мама.

– Нравится. Нормальный дядька. С ним интересно.

– А тебе, Свет, дядя Юра нравится? – и мать посмотрела на сестру.

– Мам, я уже не в детсаде! – дерзко ответила Светка. – Ты замуж за него идёшь?

Я чуть со стула не сверзился. А мама внезапно покраснела, по-девчоночьи шмыгнула носом и ответила:

– А ты будешь против?

– Э-э-э, народ! – вмешался я. – Я чего-то ничего не понял. Кто куда замуж выходит и за кого?

– Тупица ты, братик! – засмеялась Светка. – Наша мама собирается выйти замуж за дядю Юру и спрашивает у нас разрешение. Как думаешь, разрешим?

– У нас есть варианты? – переспросил я осипшим вдруг голосом. Дядя Юра будет жить у нас?! Это же здорово! У него есть мотоцикл и ружьё! И вообще, он классный мужик. И у него есть ГАЗик, на котором теперь можно будет кататься. И даже научиться им управлять.

– Лично я – за! Пускай выходит. Будет, кому дрова рубить и воду возить. Я за 10 лет уже утомился, однако!

– А я ещё подумаю, – завредничала Светка. А потом кинулась матери на шею:

– Мамочка! Как это здорово! Какая ты у нас молодец!

Я по привычке почесал ухо. И взвыл: мочка и так горела огнём, а я ещё тут со своими пальцами. На этом наш праздничный ужин и закончился. Потом, уже утром, мать так и сказала: «Если бы вы не накрыли такой шикарный стол, да сын с вопросами не пристал, я бы ещё год ходила и мучилась, как вам про Гордея сказать. А тут почти свадебное пиршество – картошка с волнушками и Серёга с ушками».

Свадьбы, правда, она нам не обещала. Сказала, что Гордей сначала съездит к себе на родину в отпуск, а после Нового года переедет к нам в дом. И пообещала, что в ближайшие дни он обязательно заглянет в гости.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

*Худой мир лучше доброй ссоры. Орлёнок, орлёнок,
лети мимо солнца? Всегда ли прав учитель?
Это тоже жизнь – страшная и непонятная.*

Всё как всегда! Стоило только каникулам закончиться, как морозы отпустили, и на улице резко потеплело. Ушли сорокоградусные холода, и можно было днями гонять в хоккей или на лыжах. Но теперь весь световой день мы проводили в школе.

В первый же день, надев вместо кроличьей тяжёлой шапки лыжную шапочку, чтобы не так давило на отмороженные уши, я отловил на крыльце школы Вовку.

– Привет!

– Чо надо? – неприветливо покосился Вовка.

– Ты пацан или сопливая девчонка? – жёстко спросил я. – Истерики закатываешь. Обидели его. Игрушку отобрали. Пошли, поговорим. Ты меня за эти два месяца уже достал так, как за всю жизнь не доставал. Правильно мать сказала – у тебя не только голос ломается, но и, похоже, характер. В бабу превращаешься.

Друг мой застыл как памятник Павлику Морозову. Наверное, он не ожидал такого наезда, поскольку мы между собой на таких тонах вообще никогда ещё не разговаривали. Это вчера вечером мы со Светкой решили, что самый лучший способ защиты – нападение. Нужно с первых фраз ошарашить Вовку, чтобы у него мозг заклинило. Чтобы он был способен хотя бы первые слова услышать. Потому что разберёт пацана любопытство: чего это Серый так осмелел и перестал быть «маменькиным сынком». Вовка именно так иногда обзывал меня. Я давно перестал материться, отказался учиться курить, перестал баловаться поджигами и рогатками. То есть, слегка повзрослел. Геращенко же пока ещё оставался хулиганистым и задиристым. Он никак не мог вырваться из образа шалопа.

– Куда пойдём? – деловито спросил Вовка. Ему показалось, что я его позову за угол, где мы можем просто подраться. Привычное дело – пацаны всегда у нас дрались из-за девчонок. Я же вспомнил, почему на меня наехал осенью Олег Бойков из Мусковита. Кто-то ему наплёл, что будто я стал кадрить девчонку его брата Андрея. А та ещё и подтвердила, что у неё парень есть на Колотовке. Мол, на Втором острове вместе загорали. Вот они меня на нашей же территории и скараулили. Не захотели ждать, пока мы явимся в Мусковит.

Но я не дал развиваться Вовкиной мысли о драке.

– Пошли в школу. Что тут мёрзнуть. У меня и так уши уже в трубочку свинтились. Там и поговорим.

Про уши я специально сказал. Чтобы обозначить будущую тему разговора. Вовка ничего не понял. Получалось, что драки не будет. А какой тогда может быть разговор между благородными пацанами?

Тем не менее, он послушно пошёл за мной.

Мы разделись в гардеробе, и я увёл Вовку под лестницу на второй этаж. Там стояли скамейки из спортзала. Опустившись на одну из них, и указав место рядом с собой Вовке, я сказал ему:

– Сиди и слушай! Мне очень не нравится, что ты наехал на меня из-за Дмитриенко. Когда ты таскал её за собой по всем нашим местам, даже домой ко мне её приволок, я тебе ни слова не сказал, а ты у меня ничего не спрашивал. Ни разрешения, ни согласия, ни моего отношения ко всему этому безобразию. Но стоило мне сходить с ней на танцы, как ты тут же встал в позу оскорблённого и давай права качать. Словно Оксана твоя собственность, а я посягнул на ваш суверенитет. Ты даже не спросил – кто кого приглашал, кто записки писал. И почему! Правильно мне Светка сказала – решаем не мы. Решает Ксюха. Поэтому я говорю всего один раз. А ты всего один раз думаешь.

Я не собираюсь ставить никаких ультиматумов. Живи, как хочешь. Но мной ты командовать не будешь. Нравится бегать за девчонкой – бегай. Но если она захочет дружить со мной, а не с тобой, то она будет дружить со мной, а не с тобой. И разрешения у тебя никто спрашивать

не будет. Ясно!? Принимаем решение не мы. Принимает решение она. И больше я не намерен возвращаться к этой теме. Понятно?!

Выпалив всё это на одном дыхании, я вызывающе уставился на Вовку, ожидая его реакции.

Тот глаза вытаращил, желваки на скулах ходят, вот-вот волосы дыбом встанут. Боевой кот да и только. Он, наверное, полминуты так на меня смотрел. Потом выдохнул:

– Вот это залп! Ну, ты выдал, Серый! Я думал, испепелишь взглядом. Даже незаметно пиджак потрогал – не дымлю ли? Ты откуда сорвался? Чего на людей кидаешься?

Так! Вовка отработывал назад!

– А чего ты у меня концерт устроил? Чуть дверь в другую сторону не вывернул. Кошки уже третьи сутки дрожат.

Вовка засмеялся:

– Так мы с тобой, значит, из-за одной девчонки решили разбежаться в разные стороны? Такая у нас крепкая мужская дружба, да?

– Вовка! Это ты собрался «разбежаться»? Не я! Вот прикинь. Сидим мы с тобой, рыбачим. Две удочки, а в речке одна золотая рыбка. И что? Мы на берегу будем с тобой драться ещё до того, как рыбка клюнет?

– Серый! Ты, случаем, стихи или романы писать не начал? – улыбнулся Вовка. – Такие складные сюжеты получаются. Можно я их записывать буду? А потом мы с тобой книжку напишем?!

Я вкатил щелбан в Вовкин лоб. Тот кинулся на меня бороться. На этом наш делёж Оксаны Дмитриенко и закончился. Мы ещё успели с ним принять участие в чехарде. А там и звонок прозвенел.

Первой в классе на меня наехала Нинка Чернышёва. Увидев мою лыжную шапочку, которую я не собирался снимать на уроке, она, уперев руки в бока, заявила:

– У нас теперь новая мода, в шапках по школе ходить? Так как я сегодня дежурная, то ты, товарищ председатель отряда, будь добр,ними головной убор.

– Нинка, отвали! – грубовато отодвинул её Вовка, что шёл сразу за мной. – Не видишь, у парня уши болят. Застудил. Доктор прописал тепло. Он, может, тебя вообще не слышит – уши ватой заткнуты!

– Ой! Что, правда?! – заохала Чернышёва. – Вроде на каникулах у тебя просто ангина была.

– Вот она и дала осложнение, – соврал Вовка. – Пусти больного за парту родную!

– А вы знаете, что нам, всё же, запретят организовать военно-спортивную игру? – вдруг протараторила Нинка. – Это наша классная придумала после того, как Оксана ногу сломала.

– Я её не ломала! – услышался голос Дмитриенко. Она как раз только вошла в класс и услышала последнюю фразу Нинки. – Лёгкий вывих был. И всё.

– Обожди, Оксана, – прервал я её. – Нин, говори, что за фигню классная придумала? Почему игры не будет? И какое отношение к этому имеет нога Оксаны?

– Не знаю! Мне сказали, что она уже склонилась на свою сторону совет дружины школы. Мол, нечего нам по лесам да буеракам ноги ломать. Есть музей, есть «Красные следопыты», вот пусть ученики этим и занимаются.

– Ясно! – махнул рукой Вовка. – О нашем здоровье пекутся. Ну, что будем делать, командир? – обратился он уже ко мне.

– Сейчас ничего! Сейчас все сели за парты и учимся. А после уроков назначаю сбор. Делаем вид, что ничего не знаем. Зовём Наталью Петровну и начинаем подготовку к военно-спортивной игре. Мы её должны провести в третьей четверти. Вот тут-то она нам всё и расскажет. Тогда и будем решать – что делать!

Класс одобрительно загудел. А в дверях появился Пётр Герасимович.

После уроков ребята остались в классе. Ещё на большой перемене я договорился с классным руководителем о сборе нашего пионерского отряда. Мол, нужно обсудить план работы на всю четверть. Чтобы не откладывать в долгий ящик. Она легко согласилась, потому что любила такие инициативы. Она ж не знала, что мы ей приготовили отряд сопротивления. Но passaran, как заявил Саня. Они не пройдут!

На предпоследнем уроке – это было рисование, я набросал план работы на вторую четверть. Поэтому у меня в руках была бумага, как словно бы я готовился к этому сбору ещё на каникулах. Основными пунктами в этом плане были проведение Нового года и подготовка к проведению общешкольной военно-спортивной игры. Всё остальное по мелочам: выпустить четыре стенгазеты. Еженедельно выпускать «Боевой листок». Сдать макулатуру, организовать сбор металлолома,

оказать помощь перед Новым годом ветеранам войны. Участвовать в работе школьного музея.

Наш отряд предлагал для военной игры создать несколько отрядов таким образом, чтобы уравнивать силы. К примеру, шестой «Б» класс объединялся с третьим «Б» классом, а пятый класс с четвёртым классом. Буквы не имели значения, можно было разыграть всё это обычной жеребьёвкой.

Вот на этом месте моего доклада меня остановила Наталья Петровна.

– Ребята! Сергей! Мы посоветовались с руководством школы, с советом пионерской дружины и пришли к однозначному выводу – в этом году военно-спортивную игру мы в нашей школе проводить не будем! Мы решили, что нам больше нужно уделить внимание музейной работе. Надо опросить всех ветеранов войны, посмотреть их фронтовые фотографии, награды. Что-то сфотографировать, оформить новые витрины. В общем, и без этих ваших военных игр работы очень много.

В классе воцарилась тишина. Ребята уставились на меня. Ждали, что я скажу классному руководителю.

– Наталья Петровна, а причина какая? Ну, чтобы мы всем классом поняли? И запрет! Это такое указание из райкома комсомола? Остаются только «Красные следопыты»?

– Причём тут райком комсомола? – занервничала учительница. – Это право каждой школы принимать такие решения.

– А как же патриотическое и физическое воспитание пионеров?! – недоумевал вслух я. – Мы же должны расти защитниками! Учиться маршировать, бегать, маскироваться, создавать команды.

– Ты мне тут агитацию не разводи! – повысила голос Наталья Петровна. – Вот вырастете, пойдёте в армию, там вас всему научат. И бегать, и прыгать. Вы уже две недели назад добегались. Сломали одну ногу.

Класс зашумел.

– Так вы перестраховаться решили! – заорал с последней парты Валерка Кочнев. – Так и скажите!

– Кочнев! Ты сейчас у меня к директору пойдёшь! – стукнула ладонью по столу классная. – Ты чего это себе позволяешь?!

– Да я с удовольствием с Мариной Леонидовной поговорю. Про то, как вы с нами в тот лыжный поход не пошли, а теперь боитесь, что во время игры кто-нибудь себе шишку на лбу заработает. Или нос отморозит! – дерзил Валерка. Ему терять было нечего – заслуженный трехгодник нашей школы.

Мне даже жалко стало Наталью Петровну! Она сначала побелела, потом покраснела, потом стала хватать воздух ртом. Надо было разрядить обстановку. Но я не успел. Вперёд полезла Дмитриенко.

– Наталья Петровна! Я ведь сама была виновата – пошла в поход на гоночных лыжах. Вот и вывихнула лодыжку немного. Всё уже прошло.

– Сядь! – взорвалась Наталья Петровна! – Мне эти ваши игры вот где сидят!

И она постучала ребром ладони себе по шее.

– Это просто какие-то хулиганские игры – крепости, снежки, шпаги какие-то, автоматы. Как ещё никто никому глаз не выбил!

Тут уже меня подкинуло. Как никак я командир, и не должен быть молчаливым монументом у доски.

– Наталья Петровна! А что сказал совет дружины? И когда его успели собрать, если меня там не было? Почему я ничего не знаю об этом?

Ребята захихикали. Вырисовывалась странная картина. Получалось, что Наталья Петровна каким-то образом договорилась с председателем совета дружины. И решила, что мы как маленькие, поведёмся, поверим ей, и не будем возражать. Однако не тут-то было!

– Прекратите балаган! – снова стукнула по столу ладонью классный руководитель. – Почему это тебя должны были приглашать на совет?

– Так он же член совета! – подал голос Вовка. – Его по уставу школы обязаны были позвать. Иначе это грубое нарушение и ущемление прав нашего отряда!

И где только Вовка таких умных слов набрался? Наверняка газеты читает. Или снова от скуки Детскую Энциклопедию изучал.

Сбор зашёл в тупик. Минимум, что грозило нам, это очередной скандал с походом к директору. Мы уткнулись в глухую стену непонимания. И пробить её своими силами мы не могли. Нужно было временно отступить. Продумать какой-то другой маневр. Поэтому я поднял ладонь вверх, призывая к тишине, и спросил Наталью Петровну:

– Хорошо, Наталья Петровна. Предположим, военной игры не будет. И все восемь классов будут заниматься музеем и поисковыми работами?

– Да, а что тут плохого? – стала успокаиваться учительница. – Всем работы хватит.

– Вы меня извините, но мы после третьего класса этой темой плотно занимались. Даже на Каменном острове памятник революционерам устанавливали. С тех пор мало кто приехал в посёлок.

– Куда ты клонишь? – насторожилась Наталья Петровна.

– Да никуда не клоню, – почесал я затылок. – Просто в нашем посёлке живут всего восемь участников войны. И много тех, кто участвовал в войне на стороне фашистов. Тех, кто отсидел в тюрьмах, и были сосланы к нам...

В классе вдруг стало так тихо, что слышно стало, как у Валерки Кочнева волосы на голове дыбом вставать стали: его дед погиб на войне. Он люто ненавидел своих соседей-бандеровцев. И то, что я сказал, было горькой правдой – бывших предателей у нас было полно. Такой уж был наш северный посёлок: или ссыльные, или вербованные. Их малолетние дети были не причём. Мы их не обижали. Но с родителями никто дружбу не водил. Да и селились они особняком: немцы, литовцы, татары, бандеровцы. Когда мы сами были маленькими, то кричали им вслед «фашисты»!

– Вот поэтому и спрашиваю про музей, – продолжил я, преодолевая противную дрожь в коленях. Всё же, тема была очень острой. – Что мы туда ещё напишем и найдём?

Наталья Петровна медленно выпрямилась. Потом встала. Повернулась ко мне всем туловищем и сиплым голосом спросила:

– Ты понял, что ты сейчас сказал?!

– А что я сказал? – сделал удивлённое лицо я. – Ничего особенного. Все об этом знают.

– Ты заявил, что у нас героев меньше, чем предателей! – закричала учительница.

– В нашем посёлке именно так, – звенящим голосом ответил я. – Это мы давно установили. Поэтому все наши герои давно опрошены, фотографии скопированы. У каждого на доме прибита звезда, и наша школа шефствует над ними. А тех фашистов...

Я перехватил изумлённый взгляд Ксюхи и насупленные брови Валерки. И понял – не надо ничего бояться. Правду легко говорить. Потому что я сразу понял, куда собралась завести тему Наталья Петровна. У нас с мамой про это был осенью разговор. За ужином как-то, когда в гостях чаёвничал Гордей, зашёл разговор про деда Яшу. Вот мама и рассказала его историю. Как его осудили, как он отбывал срок под Магаданом. Как потом долго его не отпускали домой, и бабушка одна воспитывала пятерых детей. Как они все учились в институтах, хотя и числились «детьми репрессированного». И тогда Гордей рассказал удивительную историю про своего знакомого «бандеровца».

У него в бараке, в соседней комнате, жил мужик. Тоже из «предателей». Он отсидел пятнадцать лет в лагере под Воркутой. Родом с Западной Украины, где сильны были именно бандеровцы. Воевал мужик с самого начала войны. С его слов, за форсирование Днепра получил звание Героя Советского Союза. Был разведчиком. В 1944 году его часть воевала в Карпатах. По сути, на его родине. Там в одном селе жила родная сестра разведчика. Вот он у командира отпросился на день съездить в село. Потому как узнал, что та выходит замуж. Набрал подарков, сел на лошадь и поехал. В селе все сбежались посмотреть на героя. Сестра познакомила с женихом. Вечером, как водится, сели за стол. И тут в село нагрянул отряд бандеровцев. И мужику открылась страшная тайна – жених был командиром этого отряда. Поэтому сол-

дата не убили, а забрали с собой в лес. Они там жили в схронах, под землёй. Там и свадьба должна была быть. На следующий день свадьбу стали играть. За столы сели. А тут красноармейцы подоспели: кто-то из села сообщил в ближайшую часть, что бандеровцы свадьбу затеяли. Вот оттуда и примчались наши. Уговаривать сдать никого не стали, а просто открыли огонь на поражение. Сестру и жениха сразу убили, а мужику повезло – только ранили. У него все документы с собой были, и звезда Героя на гимнастерке. Свидетели в селе были, что бандеровцы его силой с собой забрали. Наверное, поэтому военный трибунал не расстрелял его, как сначала собирались. Лишили всех наград и присудили пятнадцать лет тюрьмы. Победу он встречал уже в шахтах в Заполярье.

Потом много писал всюду, чтобы приговор отменили, чтобы вернули награды. Но бесполезно. Так и жил, бывший герой и бандеровец в одном лице. Гордей сказал, что сам видел копии его писем в прокуратуру, ещё куда-то.

А потом тот мужик умер. Туберкулёз у него был.

Такие вот истории в музей бы тоже не помешало помещать. Или добиваться, чтобы справедливость вернулась. Только кто этим заниматься будет? Мы, дети? Конечно, нет. Кто нам разрешит? Мать тогда так и сказала: «Дети, услышали и забыли. Его уже нет. Мы ему помочь ничем не сможем. А вот вопросов к нам может возникнуть много. У нас у самих дед не святой...»

Поэтому я не стал больше спорить с Натальей Петровной. Стоял и ждал – чем всё закончится. Классный руководитель собрала свои бумаги, покачала головой и молча вышла из класса. Я только хотел перевести дух, как дверь открылась, и на пороге снова появилась Наталья Петровна:

– Чернов! Совет. Прежде чем что-то говорить, попробуй думать!

С этими словами она окончательно исчезла.

В классе осталась напряжённая тишина. Ребята смотрели на меня, я на них. И никто не знал, что говорят в этих случаях. Нашу

классную мы разозлили конкретно. А ведь прошла всего одна четверть.

– Валера! Ты зачем ей ляпнул про поход? – подала голос Дмитриенко. – Она ж обиделась.

– Помолчи! – сердито одёрнул её Вовка. – Чего теперь разборки устраивать. Наталья тётка умная. Она и так сильно тогда переживала из-за нас. Да и ты правильно сказала – выпендривалась в своих ботиночках. А ей отвечать.

У меня глаза на лоб полезли! Вот уж точно, от любви до ненависти...

– Всё, ребята! Давайте по домам, – попросил я. – Думаю, всё мы решим. Наталью Петровну понять можно, Володя тут прав – мы отвечаем только сами за себя, а у неё ответ за всех нас.

Класс стал пустеть. Ко мне подошли Вовка с Кочневым и Оксана с Чернышёвой. Сзади маячил Саня. Кочнев пожал мне руку и сказал:

– Круто ты её приложил! Теперь держись. Съест!

– Я костлявый, – неуклюже отшутился я. – Если мы все вместе будем, то никого никто не съест. Я же сказал – она просто за нас боится. Не за себя! Вы ж помните, как мы с Вовкой в третьем классе со скалы рухнули на Якушева? Три метра высоты. А если бы шею свернули? Вот то-то же.

– Зачем ты про музей так? – начала Нинка, но тут же осеклась под взглядом Валерки. – Я к тому, что работы там тоже можно много найти. Например, макеты кораблей делать. У нас же моряк есть среди ветеранов. Другие модели клеить. Самолёты военные. Можно с разными музеями переписку устроить. С теми школами, где наши ветераны воевали. Они могут с экспонатами помочь.

– Нин, а Нин! – тихо позвала подружку Дмитриенко. – Пошли домой. Чувствую, мы тут сейчас не ко двору. Тут уже не мушкетёры стоят, а гладиаторы.

Это она Вовке шпильку загнала. За его злую реплику про лыжные ботинки.

– Идите, идите, – буркнул Геращенко. – Обед стынет.

– Хорошие мысли у тебя, Чернышёва! – похвалил я Нинку. – Ты их запиши себе в тетрадь. Потом обсудим. Потому что такой мысли ещё ни у кого не было. Ведь они нам могут и каску прислать, и штык, ещё что-нибудь. Будет здорово! Молодец, Нина!

Чернышёва зарделась от похвалы. А Ксюха сердито дёрнула её за локоть и почти силком вытащила из класса. Мы остались четвером.

– Прошла любовь в тумане дымкою... – пропел внезапно Валерка. – Гера, ты чего это так свою мамзель обижаешь?

– Она не моя, – отмахнулся Вовка. – А на обиженных воду возят.

– Серый, может мне с мамой поговорить? – спросил вдруг Саня. – Пусть она с классной всё решит.

– Сань, спасибо. Но это будет выглядеть, словно ты наябедничал директору потому, что она твоя мать, – ответил я другу. – Н-е-е, придумаем что-нибудь. Проверим ту же Оксанку. Попрошу, чтобы она с отцом поговорила. Тот в родительском комитете и мужик. Пусть он попробует решить. Потому что у нас у всех только матери, это совсем не то. Будем маменькиными сынками выглядеть.

– Точно! – заорал по привычке Вовка. – Ксюха по любому с батей поговорит. А тот с директором. Да мы ещё его прицепим помогать нам.

– А почему только его? – воодушевился я. – Слушайте! Мы же ветеранам помогаем? Вот пусть и они нам помогут! Мы их в штаб игры позовём! Судьями, тренерами или командирами. Им будет приятно молодость вспомнить, опыт нам передать. А? И классной нашей подпорка – они ж тоже ответственность за нас нести будут!

Я осмотрел друзей.

– Ну и башка у тебя, Чернов! – восхитился Валерка. – Ведь вот оно, самое простое решение! Пусть попробует Наталья возразить ветеранам! И в комсомол жаловаться не нужно, и проблему решим!

Саня показал большой палец, а Вовка хлопнул меня по плечу. С этим и распрощались.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

*Легко на сердце от Ксюхи весёлой.
Совет совета ветеранов. Военной игре быть!*

Я шёл домой с лёгким сердцем – все проблемы разрешились: и с Герасенко помирились, и с игрой всё будет хорошо, и погода прекрасная. Вот у магазина стоит Дмитриенко и кого-то ждёт...

А ждала она, оказывается, меня.

– Привет! Закончили свой военный совет?

– Угу, закончили, – радостно ответил я. – Нужна твоя помощь!

– Да что ты говоришь? – Ксюха иронично посмотрела на меня. – Прямо вот так моя помощь? А чего тогда твой дружок меня выгнал-то? Да ещё виноватой сделал. Надо же. То «Ксюша, пойдём, я тебе что-то покажу! Ксюша, идём, тут у нас так здорово!» А теперь «иди отсюда»!? Какой-то он у тебя непостоянный, друг твой!

– Не таракти! – перебил я Оксану. – Вовка сказал правду. Ведь ты сама это признала? Про ботинки. Конечно, мог бы и помягче быть – все же с девочкой говорил. Но он такой всю жизнь был. Может, и учителю ляпнуть ерунду всякую. Ты ещё мало его знаешь.

– Ну-ну. Вопрос в том, что захочу ли узнавать больше, – протянула Оксана. – И что же вы хотели у меня попросить?

Я ей быстро рассказал идею про её отца и совет ветеранов. Дмитриенко сразу врубилась в планы и пообещала сегодня же переговорить дома. Ей самой по характеру была интересна игра: у них в Ленинграде такую не проводили. Наверное, потому что в городе негде разгуляться. Получались бы какие-то городские партизаны, что ли?

– Уши сильно поморозил? – поинтересовалась она, наконец. – Лыжную шапочку из-за них носишь?

– Ага! – засмеялся я. – Сеструха уши на темечке завязала, чтобы не выглядывали из-под шапки. Пошли, что ли ко мне? У нас сегодня картошка с волнушками, и капуста с брусникой. У тебя отец всё равно так

готовить не умеет. Да и грибов, поди, нет. Вы там, в Ленинграде, грибы-то собирали?

– Шампиньоны по бульварам, – ответила Оксана, пристраиваясь рядом. – Отцу было вечно некогда. А больше было не с кем.

– Извини, что спрашиваю. А где твоя мама?

– Умерла давно. Туберкулёз.

– Прости! – покраснел я. – Я не знал.

– Ничего, я уже почти привыкла. Я её почти не помню.

Оксана опять вцепилась своими ручонками мне в локоть. Так мы с ней под ручку и пошли по улице, ко мне домой. Она очень отличалась от наших девчонок. Не было у неё каких-то комплексов деревенских, что ли? К девчонкам нашим прикоснуться невозможно было. Сразу в крик, губы надуют, обзываются все начинают «жених и невеста». А у этой девочки напрочь отсутствовала пустая стеснительность, ханжество и лицемерие. Я ж понимал, что нравлюсь многим одноклассникам. Но ведь на ноябрьском вечере ни одна из них не подошла и не пригласила на танец. Или ждали, что я пойду приглашать? Хм, наверное, надо было попробовать! Вот, такой эксперимент проведём на Новогоднем балу.

Светка сделала вид, что ничего особенного в том, что ко мне в гости пришла Дмитриенко, нет, и предложила самим заниматься обедом. Не маленькие. Поэтому я поставил картошку в печную духовку разогреваться и полез в подполье за грибами. Перед этим дал Ксюхе нож, миску и показал, где у нас на веранде стоит бочка с капустой. Чтобы нарубила капусты.

Честно говоря, были чертовски приятны эти мелкие хлопоты. И ещё я решил, что Оксана такой получилась, потому что росла без матери. Без всех этих женских штучек. Поневоле мальчишеские привычки она переняла от отца.

Пообедав, мы быстро сделали домашнее задание на завтра, и Ксюха собралась домой.

– Вечером гулять пойдешь? – спросила она, стоя у дверей.

– Никуда он не пойдёт сегодня! – донёлся Светкин голос. – Ты его уши видела? Сними с него шапочку и полюбуйся. Потом приглашай.

– Светка, мы без тебя решим, – разозлился я такому вмешательству. Но тут затархтела Оксана:

– Действительно! Дура я совсем! Извини, Серый! Свет, дура я! – сообщила она сестре. – Совсем голову заклинило. Просто на улице сегодня тепло, вот я автоматически и предложила.

– Ну да, ну да! – проворчала Светка, выходя в кухню. – Автоматически! Я вот думаю, что Серёге нужно как коту уши вообще отрезать. А, Серый?! На слух это не влияет, зато красавцем будешь!

– Светка! Я ведь не посмотрю, что ты дылда! – набычился я. – Могу ведь детство вспомнить и в лоб заехать.

– А, давай! – засмеялась сестра. – Пусть Оксана посмотрит.

– Отвали! – смирился я и подал Ксюхе её полушубок. – Действительно, мать не отпустит. Тут уж извини. И, главное, с отцом переговори сегодня. Было бы здорово, чтобы не он в школу пришёл, а направил к директору кого-нибудь от ветеранов. Тогда и Наталью не подставим.

– Хорошо! – согласилась Дмитриенко. И выпорхнула за дверь.

– Коза! – обозвала её Светка. – Хапнешь ты с ней горя.

Я ничего не ответил.

На пятницу было назначено большое заседание совета дружины школы. Как мы выяснили, на него придёт директор, руководство рудника, ещё кто-то. Тема – план работы до конца учебного года. Я понял, что наша идея с отцом Оксаны сработала! И точно! Ксюха рассказала, что Олег Григорьевич сходил в рудничный Совет ветеранов. Там с радостью приняли предложение участвовать в проведении такой захватывающей игры. Все удивлялись, почему раньше этого никто не делал. Поэтому по предложению Олега Григорьевича к директору школы пошёл не он, чтобы не «засветить» дочку и весь наш класс, а ветеран.

Заседание открыл председатель совета дружины школы Гариф Хайрулин.

– Товарищи! Сегодня наш совет собрался, чтобы утвердить план работы по военно-патриотическому воспитанию школьников. Поступили довольно интересные предложения как от наших пионеров, так и ветеранов Великой Отечественной войны, живущих в нашем посёлке. Поэтому я предлагаю дать слово кавалеру ордена Славы, нашему земляку, Ивану Сергеевичу Пермякову. Прошу, Иван Сергеевич!

И тут я увидел, что на задней парте, склонившись почти до самой столешницы, прячется от меня ... Нинка Чернышёва! Я тут же перестал слушать ветерана, а стал размышлять – почему она тут? Кто её пустил? С какой целью она сюда проникла?!

Пока я так морщил свой мозг, ветеран убедительно доказал, что проведение военно-спортивной игры в нашей школе это вещь замечательная и крайне полезная. Что нужно держать порох в пороховницах сухим, а пуля дура только не в умелых руках. И он сходу предложил назвать эту военную игру «Зарница». И посоветовал создать в школе кружок пулевой стрельбы! Я аж подпрыгнул на месте! Нам такое и присниться не могло! А ветеран развивал мысль, что вполне реально заручиться поддержкой местного участкового, который поможет получить разрешение на хранение оружия. Оружие поможет купить геологоразведка. Что нужно-то всего штук пять мелкокалиберных винтовок. Тозовки! Такие продаются в охотничьих магазинах для охотников. Неужели, мол, и наш лесхоз не поможет?!

Заседание всё больше нравилось мне. Я посмотрел на Наталью Петровну. Лицо, в начале заседания, немного растерянное, стало чуть ли не восторженным! Подумалось, что причиной этому не только тот момент, что ответственность за нас, любимых, перекалывается на плечи ветеранов войны (она всё равно отвечает за нас, как классный руководитель), но и то, что идея была живая и очень интересная. Пулевая стрельба – это спорт! Это состязание. И наш класс – автор этой инициативы. Следовательно, это заслуга классного руководителя. Всё правильно. Мы и хотели этого. Наблюдая за реакциями Натальи

Петровны, я и не заметил, как у стола президиума совета нарисовалась ... Нинка! Я ничего не понял. А Чернышёва приступила к выступлению:

– В общем, мы в нашем шестом «Б» классе обсудили одну идею. Вот. И хотим попросить наших ветеранов помочь нам. Потому что мы придумали, а сами всё сделать не сможем. Нам нужна ваша помощь, товарищи ветераны! Значит, чтобы мы всё сами сделали потом. А без вас мы не сделаем...

Тут Нинка сбилась, покраснела, и такое ощущение было, что она вот-вот заплачет. Где-то она такая бойкая, а тут что-то засбоила.

– Чернов! – раздался голос директора школы. – Может, ты нам пояснишь вместо Чернышёвой, что вы там ещё придумали. Генераторы идей вы наши!

И Марина Леонидовна улыбнулась.

Вот влип! Я ж не знал, о чём хотела рассказать Нинка! Кто ж мог предположить, что она волшебным образом нарисует на совете дружины.

– Сергей! Рассказывай про вашу идею с музеем, – пришла на помощь Наталья Петровна. – Чего ты застыл?

Я врубился! Это, значит, Нинка рассказала втихушку свою идею про письма в школы тех городов и районов, в которых воевали наши ветераны. Чтобы они нам прислали какие-нибудь военные экспонаты. Наталье Петровне это понравилось, и, видимо, она хотела включить такое мероприятие в общий план. Чтобы заменить им нашу военную игру. А тут вышло, что класс отличился дуплетом: и военная игра засияла новыми красками, и родилась отличная мысль наладить связь со школами из других областей нашей страны. Всё было интересным и неожиданным.

Быстро и чётко я доложил членам совета дружины суть идеи. При этом, подчеркнул, что пришла она в голову Нины Чернышёвой, поэтому её и пригласили с докладом. И что не беда, что она немного застеснялась – не каждый день мы выступаем перед таким серьёзным собранием.

После моего выступления все кинулись обсуждать детали плана. Даже про Новый Год забыли. Так всем понравился стрелковый кружок и возможность пополнить наш школьный музей настоящими боевыми экспонатами.

Я показал Нинке исподтишка кулак и сел за первую парту, где до этого занял место возле Вити Антипина. Он тоже был членом совета, хотя теперь и не носил звание вожатого отряда.

– Лихо вы всё придумали! – прошептал он мне. – Молодцы!

– Чья школа?! – отшутился я. – С тебя пример берём. Ты всегда всё придумывал, вот мы теперь и догоняем тебя. Помнишь нашу поездку на Каменный остров?

– Ну, такое не забываешь! – улыбнулся Витя. – Скажи, здорово было?!

Да, было здорово. Та поездка на катере на остров в поисках мест боёв красных партизан запомнилась на всю жизнь.

Заседание совета закончилось, и мы с Витей вышли из класса. Я даже не сомневался, что половина нашего отряда будет сидеть на подоконниках, как воробьи на проводах. Им было жутко интересно – чем закончится наша операция по защите «Зарницы». Так оно и было. Возглавляли это «движение» Валерка Кочнев и Вовка. Рядом бедствовал Саня, который переживал, как бы не подумали, что это он пожаловался матери на отмену игры. Конечно, в этой компании маячила и Оксана. Куда уж теперь без неё?

Увидев наши довольные лица, ребята соскочили с подоконников и окружили нас. А тут и Нинка вклинилась в толпу:

– Чернов, скажи, как здорово у нас получилось?

Все онемели! Кто мог бы ожидать Чернышёву на этом сборе. Но той на удивление одноклассников было чхать. Она тараторила:

– Всё так здорово вышло! Так хорошо ветераны говорили! Так Серёжа мне здорово помог выступить! Нас так внимательно слушали! Это так здорово было! Я так сначала боялась, а потом всё так хорошо вышло!

– Нин, помолчи, а? – дёрнул её за рукав Саня. – Пусть и Серый расскажет.

– А чо? – засмушалась Нинка. – Пусть, конечно, говорит. Только я уже всё рассказала.

Я засмеялся.

– Да, Нин, практически всё доложила. Мелочь осталась. Вы знаете, ребята, ветераны предложили создать в школе стрелковый кружок и купить для этой цели пять настоящих мелкашек!

Несдержанный Вовка тут же заорал ура, а Кочнев от избытка чувств так хлопнул Саню по плечу, что я подумал – вывих парню обеспечен. Даже Витя присел от такой реакции:

– Вы как были бандитами, так ими и остались! – засмеялся он. – И таким доверять оружие?!

Но мы его уже не услышали, а активно обсуждали, где устроить стрельбище, с какого класса будут записывать в кружок, где брать настоящие мишени. Так и вышли гурьбой к гардеробу, а там и на улицу.

– Да, Дмитриенко! – вдруг громко сказал Вовка. – Совсем забыл. Я тут подумал вечером на днях, и решил: после школы я тебя в жёны брать не буду. Вот. Даю тебе свободу!

Я чуть на шпагат не сел от неожиданности. А Ксюха рассмеялась и ответила в своём репертуаре:

– Геращенко! Ты идиот? Я тебе и не давала пока согласие. Я, может, вот за Серёжу замуж пойду!

И она нагло взяла меня под руку, задрала нос, и потащила по улице. И вся толпа с гиком помчалась за нами, крича на ходу извечное «тили-тили тесто, жених и невеста»!

Было тепло, весело и хорошо. От всего. От решённых проблем, оттого, что у нас самый красивый в мире посёлок, что у меня самые лучшие на свете друзья.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Подготовка к глобальной войне – всю школу под ружьё!

«На вас пиломатериала не напасёшься!»

Звезда упала на ладонь...

Вечером ко мне забрёл Санька. Отказавшись пить чай, он уселся на диван, достал из кармана блокнот, и сказал:

– Серый! Есть несколько светлых мыслей про нашу игру. Кстати, название «Зарница» ей очень подходит. Я тут набросал кое-что. Может, обсудим?

– А ты уроки уже сделал? Лично я ещё нет, – ответил я. – Может, потерпит твой план? Сначала задания выполним?

Тут я схитрил. Делать домашние уроки вместе с Сашкой одно удовольствие. Особенно по физике, которая завтра будет первым уроком, и по математике. С этими предметами я не сильно дружил. И помощь Санюры была бы очень актуальной. Всё-таки, он у нас продолжал оставаться отличником. И не потому, что был сыном директора. Нет, голова у него была светлая, и он любил учиться с самого первого класса.

– Успеем! – вздохнул Санька. – Не бойсь, помогу тебе. Я хотел пока рассказать тебе все планы, чтобы не забыть чего. Кое-что я записал, а кое-что в голове держится. Забуду ещё.

То, что придумал Саня, меня сначала поразило, потом удивило, а потом заставило восхититься. А предложил он ни много ни мало устроить «Зарницу» не между нашими классами, а между школами на Мусковите и на Колотовке! И местом сражения избрал Второй остров!

– Понимаешь, это будет гораздо интересней. Включится в игру вся школа. Советы ветеранов наших посёлков объединятся. Как руководители и судьи.

– Сань! А ты представляешь, как нам такую армию вооружить, проследить, чтобы никто не замёрз в снегу, в окопах. Чтобы еда и питьё

были. Это же у нас получится шестнадцать классов с одной стороны! Почти полтыщи человек!

– Стоп, Серый! Я всё продумал! У нас по тревоге будет поднята вся школа. Но это же не значит, что все кинутся воевать. Есть тыловые службы, караульные, штаб, охрана объектов и многое другое.

Я вытаращился на приятеля! Так глубоко ещё никто не копал! У Саньки был именно стратегический план ведения боевых действий. Не просто крепость на крепость. А полномасштабная война. Не хватало только авиации и флота.

– Сань! Это всё здорово. Но слишком неожиданно и глобально. Давай ещё подумаем, с Вовкой, с Витей Антипиным поговорим. Потом будем решать. Столько замороки, просто жуть!

Санька сморщился и даже сник вроде. Мне его стало жалко. Хлопнув его по плечу, я радостно сообщил:

– Не куксись! Такие дела с бухты барахты не делаются. У тебя очень серьёзное предложение. Как говорится, не мой это уровень! Поэтому тут должны решать высокие чины. Вроде директоров школы. А мы снизу, со своей позиции, начнём давить. Опять подключим и родительский комитет, и ветеранов войны. Ведь уже решили вопрос по лыжному пробегу на будущий год? И этот вопрос решим. Ты просто молодец, Санёк!

Лицо у Санюры прояснилось. Он хотел перейти к обсуждению того, какое оружие нам понадобится и в каком объеме, но я предложил это обсуждение перенести на другой день. Сказал, что в этом вопросе больше понимает Вовка. И без него будет некорректно обсуждать. Он просто тупо обидится. Саня с этим доводом согласился сразу. Не первый год знаем Геращенко. Вовка ещё тот человечик, на ровном месте может взорваться.

Мы быстро решили все задачи по физике и математике. Санька заставил меня вызубрить пару физических законов, при этом удивительно просто объяснив их действия. Всё же, наши учителя чересчур, наверное, умные. Так наворотят в объяснениях, что ничего не

понятно. То ли дело Саня. Всё на пальцах пояснил, и всё стало понятно.

Мама пыталась усадить Саню ужинать, но тот быстро засобирился, накинул свою курточку и был таков.

На следующий день мы Санькой отловили Вовку, и Санюра выложил ему свой план по повальной мобилизации всей школы на войну и нападению на Мусковит. Вовка сначала загорелся, а потом так же быстро остыл:

– Сань, не обижайся. Нам не потянуть такую войнушку. Это нужно полгода готовиться. Я вон вчера в столярку нашу ходил, к деду Шалаю, и сказал, что нужны сухие доски для изготовления автоматов и винтовок. Ну, и сабель. Так он сказал, что на нас пиломатериалу не нападёшь. Поэтому тут будет проблема. Да и с мусковитскими мы можем просто передрасться. Тебе Серый рассказывал, как мы осенью у нас в посёлке с Бойковым схлестнулись? Представляешь, обнаглели – у нас же в посёлке решили Серёгу отметелить! Кстати, Серый, ты хоть разобрался, чего они на тебя наехали?

Я кивнул головой в знак того, что разобрался. И потом предложил разговор продолжить на большой перемене вместе с Витей Антипиным. Тот по старой дружбе обязательно что-нибудь посоветует. Санька согласился, потому что и сам стал сомневаться в реализации его наполеоновского плана.

Витя сходу отверг наш план. Сказал, что такое Мамаево побоище это перебор: получится, что в боевых действиях будет занято больше тысячи человек. За всеми не уследить. И директор школы на такой шаг не пойдёт. И правильно сделает. Но вот мысль о всеобщей мобилизации школы, это здорово!

– Мы же можем даже наших малявок, первоклассников, задействовать! – обрадовался Витя. – Пусть привыкают к взрослой жизни. Посыльными, караульными, мало ли? Вот ваш же отряд носит имя Вали Котика. А сколько ему лет было? Совсем пацан, а Герой Советского Союза. Поэтому, давайте сузим фронт и пограничную полосу

проведём по Блиновке. Мы ж там издревле весной силой меряемся, – засмеялся Витя. – Помнишь, Серёга, как тебя Вовка по голове своей алюминиевой шашкой трахнул?

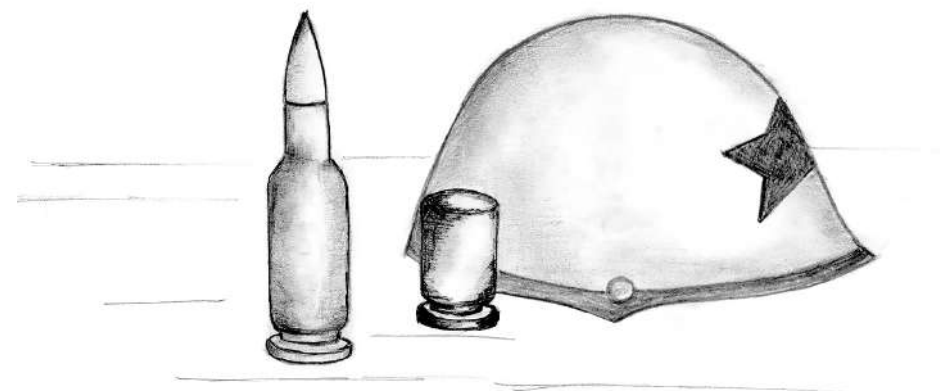
Было что вспомнить. Идея Витина нам понравилась. Но Геращенко тут же рассказал о проблеме с оружием. Что нет пиломатериала, и не предвидится его. А так, бегать друг за другом с палками, вроде, как и несерьёзно. Саня сказал, что школьному комитету комсомола нужно обратиться за помощью к руководителям рудника. У них всё равно есть доски. А на уроках труда все классы могли бы заняться изготовлением оружия. Кроме малышни, конечно.

На этом и порешили. Витя сказал, что он обсудит всё на комитете и к концу недели доложит результаты. А мы должны к этому сроку подготовить развёрнутый план игры. Это мы тут же поручили Сане – он у нас самый лучший стратег. Ещё три года назад он был тюха-матюха, и начальником штаба у нас был Вовка. Не то сейчас – все идеи были Санькины. Ему их и воплощать в виде планов. Работы было много: нужно было составить отряды, подобрать командный состав, расписать все действия, назначить сроки начала и окончания боевых действия, дислокацию войск. В общем, картина грустная – Саня один не справится. Поэтому мы решили, что по старой доброй традиции соберёмся у меня дома, за круглым столом и устроим заседание штаба. Нам, конечно, пока никто ничего ещё не поручал. Но так как идея с «Зарницей» исходила из шестого «Б», то кому как не нам продвигать её дальше?

Работа закипела по всем направлениям.

Девочки во главе с Чернышёвой обходили наших ветеранов с просьбой рассказать, в каких областях они воевали, чтобы написать в местные школы письма-просьбы о музейных экспонатах. Набралось более трёх десятков областей и краёв. География боёв была обширной, а, значит, и результат должен был получиться просто замечательный!

Ксюха вместе с Маринкой Антипиной написали письма. Их тщательно прочитали в учительской, одобрили, и наши голуби полетели

на запад страны. Оксана даже в свою школу отправила экземпляр: было очень интересно получить что-то для музея из блокадного Ленинграда! Честно говоря, я долго подозревал, что такая простая, но замечательная идея пришла в голову Нинке Чернышёвой не без помощи мозга нашего Санюры. Но докапываться не стал – какая разница, чья идея? Главное, хороша и плодотворна.

Целую неделю мы трудились над планом игры. Проводить игру решено было двадцать третьего февраля – к празднику. Так вот решили, и тут же все забыли о ней. А что? Есть те, кто это придумал – шестой «Б» класс. Вот пусть они всё и готовят. У остальных оказалось много других забот. Тут тебе и живой уголок с бурундуками, которые никак не хотели жить в неволе, тут тебе и авиамодельные дела. И кружок «Умелые руки». И, конечно, созданный впервые стрелковый кружок. Туда очередь была огромной. Всем хотелось не столько научиться хорошо стрелять, сколько просто пострелять из настоящей мелкокалиберной винтовки. Мы, конечно, тоже записались. Ходили на тренировки в спортзал. Но стрелять пока никто никому не давал: крытого тира у нас не было и не предвиделось. Поэтому ждали весны. А наша тёплая компания больше тренировалась у меня дома. Мама спрятала патроны от своей мелкашки, а саму тозовку доверила мне. Разбирать и собирать оружие на скорость мы научились очень быстро. И метиться

в цель. Оставались практические занятия, и я мечтал, что мама нам разрешит под её чутким контролем сходить на Витим, к высокому песчаному берегу, и пострелять. Там было абсолютно безопасно: никто не ходил, и пули бы застревали в песке. Помню, мы там с Вовкой и Саней росомаху гоняли, которая разоряла гнёзда стрижей.

Но мечты мечтами, а готовиться к «Зарнице» было нужно. Наших сил явно не хватало, и мы обратились за помощью к нашему бывшему вожатому Вите. Нужно было командиров всех школьных отрядов озаботить подготовкой. Витя тут же приказал Валерке Кочневу собрать всех записанных в план председателей совета отрядов, и притащить их после уроков в спортзал. Там было назначено первое заседание объединённого штаба. Решение у Антипина было простое и гениальное: хотел бы я посмотреть, кто Валерку слушается! Его побаивались не только мелкота и одноклассники. Но и старшие классы. Он ведь с ними многими начинал учиться в школе.

У нас в посёлке горка есть такая, Блиновка называется. Ровная на вершинке, но по склонам поросшая стлаником. В самом центре горки растёт сосна. Когда-то её подожгла молния. И теперь торчало это дерево там как огромная мачта неведомого корабля, отполированная ветром и дождём.

Мы на Блиновке каждый год войну устраиваем: разведские на рудничках. Потому что посёлок на две половины делится: в одной живут геологи-разведчики, в другой половине те, кто на шахтах-рудниках работают. Рудничкие, значит.

Сашкин светлый ум при помощи мощного Вовкиного напора и под моим чутким руководством придумал сделать это любимое место центром будущей битвы. Кратко схема военных действий была проста.

Общее школьное войско разбивается на два лагеря – «синие» и «красные». По жребью один лагерь занимает всю Блиновку, водружает свой флаг на знаменитой сосне, а второй лагерь штурмует этот укрепрайон, чтобы захватить флаг. Разрешаются любые действия, кроме грубых и подлых. Действия боевые продолжаются не более недели и заканчива-

ются в День советской армии и военно-морского флота. Раньше победить можно – позже нельзя! На торжественную линейку, что назначена будет на два часа дня в школе, должен будет внесён захваченный стяг. Или непобеждённый гарнизон его вносит гордо.

Планировалось, что в игре будут участвовать ученики с третьего по шестой классы включительно – то есть, только пионеры. Младшие школьники и комсомольцы могут быть помощниками, наблюдателями, шпионами и разведчиками. То есть, агрессивной или сочувствующей средой. Это заставляло быть очень осторожными, внимательными и бдительными. Так нам предложили сделать наши ветераны. Чтобы было как по-настоящему, на войне.

Штаб прошёл быстро и организовано. Как говорится, лёд тронулся. Теперь нужно было только слегка направлять и чуть-чуть подстёгивать. Никто не удивился, что главным контролёром над этим долгим процессом был тут же назначен Валерка Кочнев. Он от такого доверия расцвёл и недвусмысленно показал воображаемому лентяю свой внушительный кулак.

Застёгивая свою планшетку, я внезапно обнаружил под плексиглазом свёрнутую бумажку, которой утром здесь точно не было. Оглянувшись по сторонам, я осторожно вынул записку. Я уже догадался, от кого она может быть, поэтому не хотел, чтобы Саня, а тем более Вовка, увидели её.

Ксюха лаконично написала: «Жду на вашем месте в семь часов».

На «вашем месте», это значит на высоком берегу над Колотовкой. Там, среди ельника, три наших пенька. И что там в темноте делать? Сидеть на пеньках и нос отмораживать? Придумает же! Однако делать было нечего. Надо было придумывать, как у матери отпроситься. Ведь уши до сих пор висели как у спаниеля. И я по-прежнему ходил в лыжной шапочке. Правда, на улице стояла тёплая погода.

Ладно, до вечера ещё далеко, успею придумать, подумал я, и, закинув планшетку на плечо, поспешил догонять друзей, которые уже успели уйти из спортзала.

– Ты знаешь, когда я смотрю на небо, то никак не могу поверить в то, что оно не имеет границ! – Ксюха откинула голову и смотрела на звёзды, которые в нашем сибирском морозном небе всегда бывали огромными и яркими. Честно говоря, я ещё не знал – какими они бывали в других городах и странах. Потому что дальше посёлка Мама я никуда пока не ездил. А что такое Мама? Это час плавания на речном трамвайчике, и вот он почти такой же посёлок, как моя родная Колотовка. Побольше только. Есть в нём несколько кирпичных пятиэтажных домов. Маму называют базой. Потому что это базовый посёлок геологов и добытчиков слюды. Здесь все конторы, все снабженцы, центр района.

Мы уже почти час сидели над Колотовкой. Мама совсем не стала запрещать мне пойти вечером на встречу. Я так понял, что они пошукались со Светкой. Мама у меня очень умная и понятливая. Поэтому она просто помогла смазать уши гусиным жиром. Я натянул лыжную шапочку, чмокнул маму в щёку и сделал вид, что не услышал Светкину реплику про «жениха».

– Вот как может так быть, что ни конца, ни края нет? – чуть ли не возмутилась Ксюха. – Ведь у всего есть начало и конец.

– Не знаю, – честно ответил я. – Сашка сказал как-то, что наш мозг не может выдержать такого знания. Поэтому и думать даже не стоит на эту тему. Что нам даст понимание бесконечности?! Я вообще где-то прочитал, что самое глупое и подлое изобретение человека, это время!

– Как это? – не поняла Дмитриенко

– Всё просто. Это нам только кажется, что важно знать какое сегодня число, год какой, который час. Ведь звери этого не знают. И живут счастливо.

– Почему счастливо? – спросила Оксана, прижимаясь к моему плечу – становилось холодно.

– Потому что. Смотри сама. Вот сейчас нам по тринадцать лет. Ещё семьдесят и нас не станет. А зачем мне знать, что с каждым годом мне и тебе, а так же маме и Светке, остаётся всё меньше жить?! Почему мы

с детства знаем, сколько нам отведено жить на этом свете? Зачем нам это нужно? Чтобы мы каждый день планировали, что нам делать, чтобы спешить успеть что-то совершить?

– Ну да, – сказала Ксюха. – А как иначе?

– А никак, – разозлился я. – Прошлой осенью сосед наш, Витька Огородников, на своей моторке поплыл с отцом на уток охотиться. Увидели на воде уток. Витька встал в лодке да с двух стволов по табунку и жахнул! Его из лодки выбросило отдачей. Отец даже ничего понять не успел, как Витька камнем на дно пошёл. Телогрейка, свитер, тяжёлые сапоги, патронташ с патронами. И не стало Витьки. А он только в десятый класс перешёл. Какие-то планы были? Были. И нет больше планов...

– Ужас! – прошептала Оксанка. И внезапно заплакала. Плечи её затряслись, она зашмыгала носом. И в свете звёзд я увидел, как по её щекам покатались слёзы.

– Ты чего, Оксан?! – всполошился я, ругая себя последними словами за свой такой страшный рассказ. – Ты ж не знала Витьку. Чего ты?

– Я не про Витьку, – всхлинула девчонка. – Я про маму мою. У неё тоже планы были! А теперь её нет!!! Почему так?!

Конечно, ответа у меня не было. Я снял варежку и указательным пальцем вытер слёзы у Оксаны. И сразу застеснялся своего невольного жеста.

– Слушай, ты меня прости! Я не хотел на такую тему говорить. Как-то случайно вышло. Иногда такие идиотские мысли в голову приходят.

Оксана не отвечала. Просто плакала. Я решил помолчать, потому что не знал, что делать. Сидел и смотрел на небо. Оно скатывалось вслед за Витимом за далёкие гольцы. Было красиво и страшно. Видимо, я впервые видел такую бесконечно бесконечную картину. Засмотревшись на небо, я не заметил, как Оксана перестала всхлипать.

– Красиво как! – вздохнула она. – Жутко. Неужели мы одни во всём мире? Ой, смотри, звезда упала!

Я тоже увидел мгновенный прочерк по небу. Словно кто-то белым карандашом чиркнул по чёрной бумаге.

– Звезда упала на ладонь

И в ней замёрзла...

– Чьи это стихи? – спросила Ксюха.

– А что?

– Красиво. А дальше как?

– А дальше я ещё не придумал, – смущённо ответил я.

– Ты, что, стихи пишешь?! – изумилась Ксюха. – Почитай, а?!

– Ничего я не пишу! Так, просто слова вырвались.

– Не-е, Серёжа, это очень красивая строчка, – загорячилась Ксюха.

– Ты обязательно допиши это стихотворение. У тебя получится.

Она вздохнула:

– У тебя всё получится. Ты хороший и добрый.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Визит деда Савелия. «Мы хотим быть разведчиками».

Ловись, заяц, большой и маленький.

Ксюха быстро подружилась с моей сестрой. Теперь иногда я возвращался из штаба домой и обнаруживал там Ксюху. Они болтали со Светкой о каких-то делах, клеили в альбомы открытки с актёрами кино, шушукались о чём-то. Потом Ксюха приходила в большую комнату, и мы иногда с ней играли в шахматы или готовили домашние задание.

В один из таких вечеров кто-то громко постучал в дверь, а потом в клубах морозного пара появилась волчья шуба, и в ней мой двоюродный дед Савелий!

Я совсем забыл, что в декабре дед, который работал егерем, возвращается домой на Маму, чтобы сдать пушнину, отдохнуть, набрать припасов и после Нового года вернуться в тайгу. Конечно, я кинулся встречать деда! Помог пристроить его шубу на вешалку, а дед вышел на

веранду и вернулся оттуда с мешком и клеткой. А в клетке метался ... соболь! Самый настоящий!

– Смотри, какой новогодний подарок везу! – похвастался дед. В кухне уже его встречали мама и Светка, и, конечно, Ксюха. Все мы уставились на живую драгоценность. Потому что в наших краях носить соболью шапку или иметь женский воротник из соболя это вполне нормальное явление. Но вот, чтобы посмотреть живую зверушку? Это было очень круто! Жалко, что дед у нас только ночует, и утром уходит на лыжах по Витиму домой. Так бы пацанам всем показать!

– Ты куда его несёшь, дед? – поцеловала мама деда в щёку. – В живой уголок, что ли? Сейчас ужин накрою, – пообещала она.

– Не, какой уголок? Это у нас план отлова соболя для зверпромхоза. Для фермы. Там соболей разводят. Вот, свезло. Поймал в сети чертёнка. Целый день он меня таскал по тайге, пока я его в нору не загнал. Помнишь, Серёга, я тебе рассказывал, как соболя живым ловят?

Я, естественно, помнил. И, пока мама со Светкой накрывали на стол, а дед Савелий умывался, рассказал Оксане про этот трудный, но нужный промысел. Обычно охотник пытается подстрелить соболя или в капкан поймать. Но иногда поступает план по отлову живых зверьков. Тогда охотник выслеживает соболя и начинает его загонять в какую-нибудь норку. Если это получается, то нужно очень быстро разгрести вокруг норы снег, воткнуть палки и натянуть сети. Собака возле норы стережёт, чтобы добыча не убежала. Когда сети натянутся, тогда охотник возле норки разжигает костерок, кладёт в него сырой мох, тряпьё старое, да любое топливо, которое больше дымит, чем горит. И начинает махать рукавицам так, чтобы дым шёл в нору. Зверёк не выдерживает, и пулей вылетает на свежий воздух. И тут же попадает в сети! Дальше дело техники: толстые рукавицы, чтобы хищник руку не прокусил, и в мешок. Потом он едет на специальную ферму, где живут другие его сородичи.

Как обычно, Ксюхе всё было интересно. Ведь в её Ленинграде разве такое увидишь? Да прожила бы она в нём ещё сто лет, разве что на пальто только шкурку бы и увидела.

Меня что-то этот рассказ так завёл, что я пригласил Дмитриенко на неделе сходить со мной в ближайшую тайгу и поставить петли на зайцев. И то правда, зима уже к Новому году, а я ещё ни разу не был в тайге. Стыд и позор. И вообще, стоило матери завести у нас кроликов, как я перестал охотиться на зайцев. Зачем? Если вот тебе в огороде котух, иди и лови ушастых на ужин. Но ведь так можно дома и прокиснуть? Что хорошего: дом-школа-каток. Все навыки, что дед Савелий прививал, утерять можно. Вот так мы и решили с Ксюхой – идём на охоту, добываем ей шкурки на шапку и мясо в чугунок. Поди, Олег Григорьевич тоже давно забыл, что такое заяц тушёный с картошкой.

Утром, чуть свет, дед Савелий встал на лыжи, привязал за собой сани с бутором, попрощался с нами, и бодро зашагал к Витиму. Он спешил домой, а мы позавтракали, и тоже подались каждый по своим делам – мама на работу, а мы с сестрой в школу.

На большой перемене, в буфете, меня разыскал Денис Рубцов, из третьего «Б». У него было большое, сильно секретное дело. Так он мне таинственно сообщил. Отдав ему один из купленных пирожков, я увёл его под лестницу на второй этаж, где у нас обычно происходил обмен секретными данными.

– Сергей! – строго и шёпотом начал Дениска. – Тут такое дело. Мы с парнями собрались и решили стать разведчиками! Вот! Когда начнётся война, мы будем выведывать всё и докладывать тебе! Ты как на это смотришь?

– Понятно! – так же серьёзно ответил я Денису. – Разведка, это то, что нужно. И как вы будете действовать?

– Мы пока ещё не всё придумали. Но придумаем обязательно! Например, мы можем нарыть много-много землянок в снегу, где можно будет потом прятаться и следить за противником.

– Вот что, Денис! – положил я руку на плечо разведчику. – Это здорово! Мы обязательно что-нибудь придумаем для вас. А пока передай всем вашим звёздочкам – двадцать третьего февраля вас будут принимать в пионеры. Поэтому нам нужна не только ваша разведыватель-

ная деятельность, но и полные дневники отличных оценок! Потому что штаб и на это будет обращать внимание. Понял? Я вашему водителю так же это скажу. Договорились?

– Договорились! – вздохнул Дениска.

Я понял, что с отличными оценками у них не у всех хорошо обстоят дела.

После школы мы уговорились с Оксаной, что она оденется теплее и придёт ко мне не позже, чем к трём часам – темнеет быстро, а нам неизвестно, сколько времени придётся побродить по лесу, чтобы отыскать заячьи тропы. Я, конечно, рисковал, не позвав с собой на охоту Вовку. Он мог обидеться сильно. Хотя в последнее время особой тяги к охоте у него не замечалось, однако мы привыкли всегда всё делать вместе. И это требовалось учитывать.

Прибежав домой, я первым делом нашёл в сених стальную проволоку для петель. Моток её у меня был закреплён под самым потолком специально так, чтобы проволока не могла пропитаться домашними запахами. Это только глупый человек может подумать, что запах к металлу не прилипает. Ещё как липнет! А заяц легко унюхает, что в лесу появилось что-то чужое. И на километр не подойдет к петле.

Я нарезал проволоку на четыре отрезка длиной примерно по два метра. Этого вполне хватит, чтобы поставить хорошую петлю.

Оксана появилась у нас в половине третьего. Она была одета в курточку, лыжные штаны и унты. На голове вязаная шапочка. Всё было ничего, но вот унты её из камуса через пару шагов будут полные снега. Потому что глубокий он, снег-то! Поэтому я достал из шкафа свои широкие лыжные брюки и приказал Ксюхе переодеться. Она, было, вскинулась, но наткнулась на мой неприступный взгляд. Взяла штаны и пошла к Светке переодеваться. Через минуту вышла одетая, как надо: штанины натянуты были на унты сверху.

– Ну, что? – спросила она.

– Теперь то, что нужно, – удовлетворённо кивнул я головой. – Иначе бы ты снегу начерпала полные унты. И ноги мокрые были бы. Ладно. Берём топорик за пояс, и пошли.

Ксюха крутанулась возле зеркала, оглядывая себя со всех сторон, и попросила у меня ремень, чтобы подвязать штаны – всё же, я был выше и шире её.

Мы протопали по нашему огороду до изгороди, перевалили через неё, и углубились в лес. Я знал примерно, где часто встречаются следы зайцев. Надо было идти вдоль склона гольца в сторону Мусковита. Там, на широких опушках, много ягодника и молодой ольхи с берёзовым подростом и осинкой. Это и был огород для зайцев. Сюда они бегали подкрепиться. На улице, я уже говорил, стояла тёплая погода. Это было важно, потому что в сильный мороз заяц сидит в норе. Палкой его на мороз не выгонишь. Питается тем, что накопит себе под шкурку в теплынь. Отсюда и вывод – лови зайца в оттепель!

Мы шли с Оксаной по глубокому снегу, и я на ходу показывал ей, как нужно узнавать следы той или иной зверушки, птицы. Рассказал, как пару лет назад поймал горностаю и отпустил его. Потому что один зверёк ни на что не годен – ни шапки сшить, ни рукавичек. Конечно, можно для украшения на зимнее пальто, но это, на мой взгляд, баловство. Уж если ставишь задачу, то тогда нужно знать – для чего. Мы себе поставили задачу поймать не менее двух зайцев, чтобы Ксюхе сшить шапку на зиму? Поставили. Поэтому я и приготовил четыре петли. Глядишь, за неделю план и выполним.

Километра через два мы встретили первый заячий след. Но он был запорошен снегом, что шёл несколько дней назад. Если заяц не обновил его, значит, это не его привычная тропа. И ставить тут петлю гиблое дело – пустая затея. Однако буквально через несколько шагов, чуть в стороне, там, где рос куст боярышника, я заметил ещё одну строчку следов.

– Оксан, ступай внимательно! Вон, видишь, вроде как заячий след. Мы не должны на него наступить: заяц сразу поймёт, что тут чужой был. И больше сюда не пойдёт, – пояснил я спутнице.

– Знаешь, что, – продолжил я. – Ты минутку тут постой, а я схожу, проверю – если свежий след, то в этом кусте мы первую петлю и поставим. Я тебя позову.

Ксюха кивнула головой и замерла, восхищённо крутя головой.

Восхищаться, конечно, было чем. По правую руку от нас шёл заснеженный бок гольца. Он оброс низеньким стлаником, такими мохнатыми от снега подковками. Если включить воображение, то эти подковки похожи были на ресницы барышни, которая глаза накарсила не чёрной тушью, а серебром.

С левой руки был тёмный сосновый бор, неширокой лентой отгораживающий голец от белой полосы Витима. На нём красовался Второй остров, а за островом вздымался другой голец. С огромной, сверкающей на солнце, лысиной. И над всем этим могучим великолепием – синее небо. А в него упирались плотные столбы дыма от печек, которые топились в соседнем посёлке Мусковит.

Красиво! Для городской девочки тем более.

Я проверил след, и убедился, что заяц тут тропу натоптал основательную. Вдали виднелись и погрызенный ствол осины молоденькой. Тут он, миленький, бродит! Значит, ещё раз придёт. Вернулся к Оксане и поманил её к небольшому кустарнику метрах в тридцати от места ловли:

– Оксан, пошли вон к тем кустам. Нужны ветки. Только иди за мною по следам – куда я ступил, туда и ты. Не будем добычу пугать.

Мы мигом нарубили с десятков не самых толстых, но длинных веток. Всё это добро я сложил на руки Оксане, а сам стал снаряжать петлю. Дело это, вроде как, и простое, а, всё ж, сноровка нужна. Выбрав у куста ствол потолще, я привязал к нему свою стальную петлю. Настроил её невысоко над снегом и расправил так, чтобы она диаметром была не более пятнадцати сантиметров. Потом стал брать у Ксюхи веточки, по одной, и как бы сплетать проход над тропой и по бокам. Чтобы у зайца выбора не оставалось – раз привык по одной тропе бегать, он по ней и пойдёт, чтобы лишние силы по глубокому снегу не тратить. Вот веточки наши и направят его как раз в ловушку. Ему ж придётся протискиваться между преградами. Такая мелкая, но важная хитрость. И то, что я привязал проволоку к стволу, тоже хитрость. Многие охотники применяют

потаск. То есть, палку или коряжину. Зверюшка попадает в ловушку, мчится от неё. А палка шуршит сзади. Вот заяц и боится неизвестного шума. Начинает забиваться в заросли и там запутывается. Но мне такой приём не нравился. Потому что в этом случае заяц в руки попадал живым. И его надо было убивать чем-то. Одно дело, когда ты готовую дичь забираешь из капкана, другое дело – палкой по голове бить. Не каждый это может сделать...

Настораживая петлю, я это всё с дуру рассказал Оксане. Когда случайно поднял голову, то увидел её глаза, размером с чайное блюдце.

– Я не хочу зайца убивать! – прошептала Ксюха. – Я его и есть не смогу!

– Угу, – пробурчал я, ругая себя последними словами. – А коров ты любишь?

– Причём тут коровы? – опять зашептала девчонка.

– Притом! – отрубил я. – Ты котлеты дома из чего делаешь? Пирожки с мясом в буфете покупаешь? Колбасу докторскую утром с хлебом? Так это, моя хорошая, всё из коровы сделано. Полушубочек твой тоже когда-то на лужайке бегал и бе-бе кричал. Ты, Оксана, не переживай. Жизнь так устроена. Да и не увидишь ты никакого зайца. Один я пойду проверять ловушки. Не девчоночье это дело, охота. Жалеть начнёшь мёртвого зайца. Ещё выкинуть его заставишь?

Надо было видеть, как эта девчонка на месте подпрыгнула! На верную струнку я надавил. Мне даже показалось, что из носа у неё не морозный пар, а дым повалил. Глаза пыхнули огнём.

– Посмей только один пойти! – чуть не закричала она. – Я тебе не кисейная барышня!

Я подумал, что она ещё ногами сейчас затопает. Поэтому встал с колен, и примирительно ответил:

– Остынь! Надо сначала ещё петли поставить, а потом уж решать – кто зайца из них доставать будет. Может, заяц умнее нас будет? Давай, сходи за ельником – сруби пару веток. Следы заметём. А я петлю доделаю.

Всё-таки здорово я её завёл! Она мне всё больше нравилась. Как не крути, а девочка городская пока сто очков давала вперёд нашим многим поселковым. У нас даже Саня не мог смотреть на мёртвого зайца. Про то, чтобы шкуру с него снять, или выпотрошить вообще речи не могло быть. Наверное, мне легче было. Дед охотник, у матери оружие дома. Опять же, у нас были кролики. А ведь их не только кормить, да за ушами гладить нужно было. Но и убивать. Кто этим дома занимался бы? Светка что ли? Так она когда первого кроля увидела ободранного на столе, чуть в обморок не упала. А потом орала, что мы все фашисты! Она, понимаете ли, кроликов травой кормила, а мы убиваем! Правда, потом крольчатина ей понравилась, да и повзрослела девочка. У меня тоже не с первого раза рука поднялась. Но дед Савелий всему научил. Одну истину нужно было понять – жизнь не всегда бывает простой. И бутерброд с ветчиной сначала по полям бродит. В посёлке этому быстро обучаются.

За час мы поставили четыре петли, и, спустившись по косому боку гольца, вышли на дорогу – надоело по глубокому снегу шагать. Домой можно было и по дороге дотопать.

– Ну, как тебе? – поинтересовался я у Оксанки впечатлениями.

– Очень красиво! – вздохнула она. – У нас в Ленинграде такого нет, конечно. Мы с папой как-то ездили кататься на лыжах к его другу, в Колпино. Но там равнина. Сосны. Тоже красиво. Но как-то всё ухожено, что ли? Как в парке. А тут дикая природа. Жаль, фотоаппарат с собой не взяла. Классные фотки бы получились!

– Ещё наснимаешь, – пообещал я.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Шпионы попадают на мелочах.

Денис Рубцов и его товарищи. Первый заяц.

Вовка уже на следующий день узнал о том, как мы ходили с Дмитриенко на охоту. Он прямо на перемене зажал меня в угол в коридоре, и приступил к допросу.

– И как это понимать?! Лучшие друзья дома от скуки сохнут, а ты с девочками на охоту гоняешь?! Зайчатинки захотелось?

– Вов, да брось ты волну на меня гнать! Не хуже меня знаешь, что толпой на зайцев не ходят – всё равно, что дорогу к петле заасфальтировать! Я же тебе говорил – дед Савелий приезжал. Давай за столом истории рассказывать. Вот Оксанка и загорелась – сходить на зайцев. Пришлось вести. Ничего в этом такого нет.

– Но ты же мог мне рассказать? – настаивал Вовка.

– Мог. А зачем?! – удивился я. – Ты бы пошёл, что ли? Ты ж равнодушен к охоте. Ну, хватит бухтеть, а? Не хотел я тебя обижать. Давай завтра сходим, петли проверим? После школы?

Вовка задумался. Обвинить меня практически было не в чем. Протношения к Оксане мы с ним уже договорились. Он сам потом отказался от неё. На охоту ходить не очень любил. Просто, какой-то мелкий раскол так и не зарос между нами. Торчала заноза, ох, торчала.

Договорить нам не дал Денис с группой третьеклассников. Они появились, словно из воздуха, окружили нас, и приступили к разговору.

– Сергей! – нахмутив брови, начал свою речь Денис. – Мы вот с парнями ещё раз всё обдумали и решили – если ждать, когда начнётся война, то мы проиграем как Красная Армия в сорок первом!

Ничего себе заявленице выдал Рубцов.

– И кто ж такой начитанный у вас? – любопытствовал Вовка.

– Какая разница? Мы все читать умеем. И думать! – отрезал Денис. Было видно, что идея принадлежит лично ему.

– Дело в том, Сергей, что если мы сейчас не займёмся подготовкой, то потом будет поздно! Противник захватит Блиновку, и мы близко туда не подберёмся.

– Стоп! – поднял я руку. – Не тарахти! Кто тебе вообще сказал, что мы будем штурмовать гору? Ещё никто даже о жеребьёвке не думал.

– Как ты не понимаешь! – стукнул кулачком о кулак Денис. – Разницы нет, кто будет владеть горой! Вы нас будете слушать или как?!

Вовка аж глаза вытаращил.

– Вот молодёжь выросла, а?! Ничего не боится!

– Ладно, Денис. Доложишь на большой перемене. Сейчас звонок будет. И в этот момент точно прозвенел звонок на урок.

После того, как Дмитриенко сдружилась с сестрой моей и вечерами пропадала у нас, мне стало значительно проще готовить уроки. Вдвоём было веселее решать задачи по физике, учить теоремы, правила русского языка. Поэтому я теперь не дрожал: вызовут к доске или не вызовут. В любой момент, если не на пятёрку, то на твёрдую четвёртку я мог ответить почти по всем предметам. Я даже не заметил, как у меня дома стал меньше появляться Саня, да и Вовка уже не высиживал вечерами за моим столом. Не учил меня математике, в которой он стал едва ли не самым сильным учеником. Это было неправильно. Но я пропускал данный факт мимо себя.

География закончилась быстро. Не успели мы выйти из класса, как нас снова окружили будущие разведчики третьего «Б» класса.

– В общем, так, – сказал Денис, словно разговор у нас не прерывался. – Мы решили, что уже сейчас нужно наделать вокруг Блиновки снежных землянок. Чтобы в удобный момент в них можно было схорониться, а потом напасть на противника. Мы нашли в детской энциклопедии, как чукчи и эвенки строят снежные дома. В них тепло. Мы уже попробовали. И можно так замаскировать их, что рядом пройдёшь, и не увидишь. Сугроб да сугроб. Как вам идея?

Честно говоря, нас с Вовкой в данный момент больше занимал вопрос проверки петель на зайцев, чем какие-то землянки-снежанки.

Но обижать пацанов, которые трудолюбиво и с удовольствием готовились к игре, было нельзя.

– Ребята! Вы придумали очень толковую вещь, – сказал я. – Сделаем так. Сегодня и до пятницы мы заняты – свои дела были запланированы. Поэтому или в пятницу после школы, или в субботу днём встречаемся на Блиновке, и вы на месте нам всё покажете. Годится?

– Нет! – жёстко ответил Рубцов. – Если мы всё будем показывать на Блиновке днём, то противник нас отследит. И всё пойдёт прахом. У нас есть местечко, где мы уже сделали кое-что. Мы за тобой зайдём в субботу, Сергей. Домой. Хорошо?

Вовка покачал головой – эти мальки были серьёзнее, чем мы три года назад. Хотя мы и воевали от всей души, и так же серьёзно относились к заданиям Вити Антипина, нашего вожатого, но вот так ставить задачи ему, вожатому?! Мы и подумать об этом не могли.

– Хорошо! Договорились! – Вовка хлопнул ретивого Дениса по плечу. – Мы вас будем ждать!

– Договорились! – важно ответил Рубцов. – Пошли, пацаны!

И группа серьёзных третьеклашек пошла по своим серьёзным делам.

– Нет, ты видал? Рыцари плаща и кинжала! Разведка! – засмеялся Вовка. – Так что, идём сегодня за твоими зайцами?

– Пошли, если ты готов. Что с Дмитриенко? Берём или пусть дома сидит?

– Скандальная она, конечно! – почесал затылок Вовка. – Закатит тебе истерику?

– Да она вроде не истеричка, – ответил я. – Это тебе не Чернышёва. Та сразу в крик. И как только с ней Саня дружит. Правда, я Ксюхе обещал взять с собой. Сначала пугал мёртвыми зайцами. Да куда там! Напугаешь её.

В этот момент к нам подвалила тройца: Санька, Нинка и Оксана.

– У нас есть предложение после школы остаться в пионерской комнате и подумать про новогоднюю стенгазету. Осталось-то три недели!

– сказала Нинка. – Потом опять будем торопиться. Ещё вот Саша предложил специальное устройство сделать, чтобы ёлка в школе вращалась. Знаете, как красиво будет!

В этом году мы впервые шли на «большую ёлку». Не на утренник, как раньше было с начальными классами. А на настоящий новогодний вечер. Конечно, событие было важное, и отнестись к нему нужно было серьёзно.

– Кулибин, а тебе кто поручал думать про крутящуюся ёлку? – спросил Вовка у Сани. – Там вроде этим делом завхоз и трудовик занимаются?

– Так они её снова на крестовину поставят, ватой закроют и всё, – пробурчал Саня. – А вращаться ёлка может легко. Нужно электродвигатель, два шкива и ремень. И всё.

– Сань, а гирлянду ёлка на себя наматывать будет?! – захихикал Геращенко. – Как ты себе это представляешь? Вот мы накинули гирлянду, воткнули вилку в розетку и ты включаешь свой двигатель. Ёлка крутится, и?...

– Вот чёрт! – воскликнул Сашка. – Про это я не подумал!

– Вот! – радостно воскликнул Вовка. – Вы оставайтесь, думайте, а у нас с Серым дело серьёзное. Мы к вам завтра со своими идеями присоединимся.

– Да, Нина, – поддержал я Вовку, – Ты пока номер стенгазеты продумай. Рисунков побольше. Я потом у матери всё увеличу.

Это я прогнулся перед Чернышёвой, чтобы она сейчас губу не надула. А то ещё бы час разговаривали. Осталось тактично избавиться от Дмитриенко. Но она тут же сама о себе озаботилась.

– Серёжа, а мы же с тобой за зайцами должны сегодня идти? Или завтра?

Я крикнул. Вот так шпионы попадают на мелочах. Хотя... Я ж не предупреждал её, чтобы она язык за зубами держала. Да и тайной это перестало быть, я так понимаю, ещё вчера. Раз Вовка с утра меня допрашивал про охоту. Ему же Саня рассказать успел. Тому – Нинка. А кто Чернышёвой сказал? Наверное, не я.

– Давай завтра сходим, – увильнул я. – Хотя, можно и сегодня. Пошли сейчас, впятером?

У Нинки лицо вытянулось. Она явно не хотела по морозу топтать в лес. Да и мёртвых зайцев она, как все наши поселковые девчонки, смотреть отказывалась. Это мы точно знали: те, кто занимались живым уголком, охоту не любили, и охотников осуждали. Хотя мясо уплетали за обе щеки. А утку, приготовленную в глине, ели с писком.

Саня тоже неохотно помотал головой. Он в живом уголке был за главного. Прошло время, когда мы с луками гонялись и за белками, и за утками, и за гусями в протоках Второго острова. Жизнь нас меняла.

– Ну, не хотите, как хотите, – подвёл я черту. – Мы с Вовкой пойдём петли проверять.

– А я?! – изумилась Оксана. Лицо у неё помрачнело. Я вспомнил, как вчера в лесу у неё из ушей и глаз огонь и дым валил. Даже испугался снова.

– Так ты ж с ребятами стенгазету думать будешь? Нет? – неуверенно уточнил я.

– Ничего подобного! – отрубил Оксана. – Ты, Чернов, обещал!

Так! Я уже не «Серёжа». Я уже «Чернов».

– Да ладно тебе, Серый! – встрял Вовка. – Берём её с собой. Вдруг, заблудимся. Будет кого съесть!

И он заржал на всю школу.

Внутренне я сомневался – кто кого первым съест? А вслух сказал:

– Тогда чего стоим? Жду вас у себя не позже трёх часов после обеда. Потом один пойду. Сань, ты подумай в новогоднюю газету стихи. У ребят поспрашивай – интересно же, кто что пишет. Сделаешь?

– Попробую, – кивнул головой Саня.

На том мы и расстались.

По дороге домой, я заскочил к маме в контору. Вызвал её в коридор, и, сделав самое умоляющее лицо, выпалил:

– Мам! Мы сейчас с Вовкой и Оксаной пойдём проверять петли на зайцев. Можно, я твою тозовку возьму а?

Мама не успела рот открыть, чтобы сразу отказать, как я продолжил:

– Представляешь, попал серый в петлю, и ещё живой. Что я его, при девчонке буду палкой добивать или душить?! Бр-р-р! Придётся ведь отпускать? Жалко. А так пристрелю и всё. Тем более, что на будущий год мне вообще уже официально оружие можно иметь – четырнадцать лет будет. А, мам?!

Мама покачал головой. Помолчала, раздумывая. И спросила:

– Правильно понимаю, перед ребятами ты уже хвастанул. Пообещал. Хотя я никому про свою идею с мелкашкой пока не говорил, но я согласно кивнул головой. Потому что понял – сейчас мать меня будет спасать. Ведь получится, что я опрофанюсь перед друзьями!

– Ладно. Возьму грех на душу. Парень ты уже взрослый. Патроны знаешь где?

Ну как же можно не знать, где мама хранит патроны! Я их все даже наперечёт знаю. Золотистые гильзы с тёмно-серыми свинцовыми пулями сидели рядками в картонной коробочке. Которая была спрятана в ... аптечке в маминой спальни. Детское место!

– Только, Серёжа, десять раз смотри, куда стреляешь. Сейчас, скажем, в лесу народу мало, не осень. Но всё равно.

Я поцеловал маму и помчался домой во все лопатки! Вот Вовка глаза вылупит, когда я небрежно закину мелкашку на плечо и высыплю в карман телогрейки пачку патронов!!! Какая же у меня прекрасная мама! Она всё так чётко поняла! И выручила меня.

Дома не было никого – Светка ещё не пришла. Быстро сделав пару бутербродов и поставив греться чайник на плитку, я отпер мамин шкаф и достал мелкокалиберную винтовку ТОЗ. По простому – тозовка. Поколебавшись, достал и тулку – одноствольное ружьё. Здесь же был патронташ. Я подумал, что буду выглядеть слишком вызывающе, если у меня будет оружие, а у Вовки нет. Поэтому и решил – Вовке дам ружьё, а себе мелкашку. Так будет правильнее. Пусть мама ругается потом – ведь где одно ружьё, там и два. Какая разница!

Парочка подтянулась к трём часам. Как я и думал, Вовка вытаращил глаза на оружие. Я не стал долго рассусоливать и вручил другу тулку:

– Держи! Сейчас оденусь и пойдём.

Ксюха на этот раз учла все вчерашние замечания, и пришла уже в штанах, натянутых на валенки.

Мы быстро собрались, закинули на плечи оружие и двинули в лес. Перебравшись через изгородь, Вовка перевесил ружьё с плеча на грудь. Он считал, что так нести его удобней. Мол, если стрелять, то сразу же с груди будет удобней. По-моему, он вообразил себя уже партизаном из отряда Ковпака.

Цепочкой: я, Ксюха, потом Вовка, мы потопали по нашему следу. Снег не выпадал после вчерашнего похода, и следы были отчётливые. Идти было проще. Поэтому до первой петли в кустарнике мы добрались быстро. Она была пустой. Обойдя её по дуге так, чтобы не оставлять новых следов, мы пошли дальше.

Заяц лежал в третьей петле. Его было чуть видно издали: серо-белая шкурка в кустах почти сливалась со снегом. Вовка сорвал с груди ружьё, словно хотел добивать животинку. Но добивать было уже не нужно.

– Ксюха, Вовка, постойте здесь. Пойду, выну добычу. Да петлю перенастрою. Глядишь, ещё один придёт.

Оксана стояла ни живая, ни мёртвая. Она неотрывно смотрела на тушку зайца. Конечно, первый раз всегда неприятно. Привыкли мы, что на картинках и в кино заяц такой красивый и весёлый. А тут...

Не стал я ничего говорить ребятам. Просто подошёл к кусту, присел так, чтобы загородить собой зайца. Быстро вынув тушку из петли, сунул зверька в мешок, а потом снова настроил ловушку. Охота есть охота. Здесь правила просты – или ты добываешь зверя, или сидишь дома, слушаешь радио. Только при этом не нужно говорить, как ты любишь природу. Я её тоже люблю. И лишнего не беру, не порчу. Накрепко усвоил уроки деда Савелия: ради баловства в тайгу не ходи!

– Пошли, у нас есть ещё одна тропа, – приказал я своим спутникам.

– Как ты можешь, Серёжа!? – вдруг всхлипнула Оксана.

– Что именно? – буркнул я.

– Так спокойно реагировать. Ведь мы убили ни в чём не повинное существо!

– Володя! – попросил я Геращенко. – Ты можешь её домой отвести? Тут не далеко. Быстро дойдёте. А то не дай Бог, в последней петле снова заяц будет? Она ж нам истерику устроит, охотница наша.

– Чо ты так на неё? – опешил Вовка.

– Я вчера её предупреждал на эту тему. Она меня заверила, что всё будет нормально. Что она крутая. А теперь из меня изувера делать? Оно мне нужно?!

Оксана резко выдохнула и уставилась на меня. Казалось, ещё мгновение, и она выхватит у Вовки ружьё и откроет огонь на поражение. Потом губы у неё задрожали.

– А ты жестокий, Чернов! Я думала, ты добрый.

– Что поделаешь! Я таков, каков есть. Жизнь штука суровая, не я её придумал, – ответил я, приторачивая мешок за спину. – Надеюсь, отдышалась? И от зайца отказываться не будешь? Я тебе вечером мясо принесу. Отцу приготовишь. Умеешь зайчатину тушить?

Откуда было ей уметь? Я просто дразнил её, отвлекая внимание от той картины, которую она только что видела. Смерть даже обычной мыши зрелище тяжёлое.

Вовка только головой качал, пока я монолог свой говорил.

– Ну, вы даёте, братцы! – наконец, сказал он. – Страсти какие! Серёга-Синяя Борода и Красавица. Дальше-то пойдём?

Ксюха ещё несколько секунд смотрела мне в глаза, потом развернулась и пошла первой по тем следам, которые мы с ней протоптали до этого. Всё же характер у неё был бойцовский. Пацан, сидящий где-то внутри девчонки, брал верх.

Последняя петля была пустой. От неё мы ускоренным маршем сначала спустились к дороге, а потом вообще махнули на Витим. Потому что иметь в руках оружие и не пострелять было бы просто дико.

Мишеней, конечно, у нас не было. И по пути не нашлось ни банок, ни бутылок. Всё было завалено толстым слоем снега. Пришлось найти на берегу реки толстую сосну. Я сделал топором затёс сантиметров пятнадцать на пятнадцать. С тридцати метров он был виден хорошо.

Сначала решили пострелять из тозовки. И первой предложили выстрелить ещё дующейся Оксане. Вовка, словно строгий тренер, показал девчонке, как нужно держать карабин, как целиться и куда целиться. Та вроде бы поняла процесс, прицелилась в сосну, а потом опустила мелкашку:

– Скажи мне, ты ружьё это брал, чтобы в зайца стрелять?! – спросила она меня неожиданно.

– В медведя! – буркнул я. Мне не хотелось продолжать тему мёртвого зайца.

– Нет, ты ответь серьёзно! – потребовала Оксана.

– Да мы ружья взяли просто пострелять! – вмешался Вовка. Он почувствовал, что сейчас возможна ссора. А у этой дурной мадам ещё и винтовка в руках!

– Обожди, Вовка! – отмахнулся я от друга. – Дай, я ей объясню. Она же у нас защитник природы. Да, я взял мелкашку, чтобы в случае чего пристрелить зайца. Они не всегда бывают уже мёрзлыми. Иногда живые встречаются, если перед твоим приходом попал в петлю. Или петля бывает широкая, и он попадается туловищем. Тебе бы понравилось, если бы я его добивал дубиной по голове?! Ты сама напросилась на охоту. А на охоте обязательно кого-нибудь убивают. Ещё вопросы есть?

Мне уже и стрелять расхотелось. Оставалось одно желание – придти домой и больше не ходить проверять петли. От этих, то испуганных, то бешеных глаз Оксаны стало неудобно. Вот-вот и я стану жалеть лесную живность. Я ж осенью пожалел рябчика? Хотя мог добыть весь выводок. И накормить семью вкусным супом и варёным мясом. Следом пойдут домашние кролики. Светка их бить будет?! Чертовщина какая-то!

Мои мысли прервал хлёткий выстрел: Оксана наконец-то выстрелила. И, на удивление нам, попала почти в центр затёса.

Мы не заметили, как расстреляли все патроны. Запарились с Вовкой бегать к сосне, чтобы затыкать веточками пробойны после своих выстрелов. Напоследок жажнули каждый из ружья шестнадцатого калибра. И забыли предупредить Ксюху, что отдача у тулки гораздо сильнее, чем у мелкашки. Поэтому ей повезло, что Вовка стоял по-прежнему сзади и помогал целиться. От выстрела Ксюху откинуло назад, в объятия ухмыляющегося Геращенко, а ружьё улетело в снег. Если бы Вовки не было, наша подруга кувыркалась бы в сугробе.

На этом мы и закончили охоту.

К вечеру заяц оттаял возле печки. Я вытащил его на улицу, быстро обработал и нарубил мясо на такие кусочки, чтобы Ксюха не могла увидеть в них белого красавца, каким заяц был днём. Мама пообещала помочь выделатать шкурку на шапку. Но не сейчас – может быть, нам повезёт, и охота принесёт ещё одного зверька: как не крути, на шапку хорошую нужно пару шкурок. Вечером я отнёс мясо Оксане. Она сначала отнекивалась, а потом в кухню вышел Олег Григорьевич и забрал пакет.

– Вы просто удивительные молодцы! – похвалил он. – Мне Оксана рассказала про вашу охоту. Всё же здесь, на природе, растут совершенно другие люди и личности. В городе, каким бы прекрасным он не был, такого не встретишь. В городе ты живёшь как в трамвае – каждый день один и тот же маршрут. Одни и те же остановки. Хотя выбор есть у всякого человека, но мы такие стали ленивые, что с пелёнок привыкаем в городе ко всем удобствам. Проще сходить в гастроном и купить килограмм баранины, чем вот так, по колено в снегу, искать следы. Промышлять зверя, жить полной грудью...

– Возьмёте меня на охоту? – неожиданно попросил Ксюхин отец меня.

– А чего не взять? Возьмём! – засмутился я. – Только на петли это не интересно. Вы после Нового года с Гордеем на лося ходите. Это – да, это охота. Мясо на весь год будет.

Я хотел сказать, что на островах можно с ружьём на зайцев поохотиться. Но осёкся – хватит сегодня Оксане по самые уши жалости к этим ушастым созданиям.

– Ладно, мне домой пора. Уроки ещё не сделаны. До свидания. Оксана, ты в жаровню морковки побольше положи. Заяц мягче будет. И вкусней.

Я повернулся и вышел вон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Землянки-снежанки как они есть.

Скоро, скоро Новый год. Внезапный отъезд Оксаны.

В субботу рано утром, когда только чуть рассвело, ко мне нагрянула целая делегация пацанов из третьего «Б» класса – Рубцов ничего не забывал! Более того, оказывается, они позвонили домой Сане и скоро они с Вовкой подтянутся прямо на Блиновку. Чтобы, значит, по морозу туда-сюда через весь посёлок не бегать. Ну, не молодец, а?!

– Вы чего так рано-то? – проворчал я, застёгивая куртку и надевая шапку. – К обеду теплее было бы.

– Конечно, теплее. Но и глаз посторонних будет море! – пояснил Денис. – Ты представляешь, сколько к обеду людей пойдут в магазин, в гости, на Витим кататься? А тут мы, по Блиновке шастаем! Не, мы не должны там светиться. Нужно всё тайком сделать!

Я был в восхищении от такой мудрости маленького разведчика. Если у него в классе все такие, победа нам будет обеспечена!

Рубцов и его команда следовала по дороге гуськом. У моста через Колотовку, где, собственно, и начиналась Блиновка, нас встретили Вовка с Сашкой.

– Привет!

– Привет! – поздоровались все. А Вовка, как и я, пробурчал Денису:

– Ты в курсе, малявка, что по субботам нормальные люди отсыпаются за всю неделю?

Денис молча посмотрел на меня, а я хлопнул Вовку по плечу.

– Ладно, старый! Не ворчи. Дело сделано, мы на улице, осталось только проверить то, что хочет показать Денис. Веди, вождь краснокожих!

По еле заметной тропке мы пошли на вершину горки, но не со стороны посёлка, а со стороны Колотовки. Там были кручи, и нас никто не мог видеть. Слева и справа от тропы рос стланик. Сейчас он был завален снегом, и я начал понимать задумку Рубцова со товарищи. В таких кустах запросто можно спрятаться.

– Парни, помните наш прыжок «альпийский»? – спросил я Вовку и Саню. – Там такие же кусты были. «Ашники» о нас даже не подозревали, пока мы им на голову не свалились!

– Витёк, покажись! – внезапно негромко приказал Денис.

Мы не успели удивиться, как стоящий справа от нас куст стланика качнулся, осыпался снег, и перед нами появился бравый крепыш, красные щёки которого говорили о том, что он в этом убежище находится уже не одну минуту! В руках у него был игрушечный автомат с трещоткой, но вид человек имел самый, что ни на есть боевой.

– Во, чёрт! Напугал! – воскликнул Вовка. – Ну, Рубцов! Фокусник! И много у тебя таких постов?

– Пока три! – доложил Денис. – Но сделать можно много. Я вас поэтому сюда и позвал. Чтобы вы сами убедились.

– Убедил! – засмеялся Сашка. – Мы бы в жизнь не додумались до таких засад! Тут ведь в чём Дениска прав? Разницы не будет – защищаем мы гору или штурмуем. Эти секреты в любом случае пользу принесут. Главное, чтобы противник именно по этим тропам шёл.

– Да, – согласился польщённый Денис. – Но как это сделать? Мы не знаем.

– Будем думать, – важно сказал Сашка. – Кое-какие мысли у меня уже есть.

– Показывай, как вы тут устроили эту снежанку? – обратился Вовка к командиру разведчиков. – Насколько надёжно – мы поняли. Насколько трудоёмко?

– Да всё просто и легко, – засмеялся Денис. – Кусты сами по себе заснеженные. Мы вход делаем с обратной стороны, а следы граблями зачищаем. Где не хватает снега, подсыпаем.

– Простынями ещё можно маскировать! – вмешался боец из засады. – Сначала простыню натянуть, а потом сверху снег.

– Классно! – обрадовался Вовка. – Серый! С такими пацанами нам с тобой на пенсию пора! Они уже всё придумали! Сливай воду.

– Я вот про воду и хотел сказать, – вмешался Саня.

– Ребя! – Вовка сдвинул шапку на затылок. – А мы прямо вот тут сейчас будем планы строить и проекты придумывать? Или куда в тепло пойдём? Динька, у тебя есть ещё что показать? Или остальное на бумаге нарисуешь?

– В общем-то, мы с пацанами и хотели такие вот засады показать, – ответил Денис Рубцов. – Другого пока ничего не придумали.

– Так, – начал подводить итоги я. – Предложение Вовкино хорошее. Нам бы в тепло перебраться. Сань, как думаешь, в школу нас пустят?

– Почему нет? – удивился Саня. – В выходные же разные кружки работают. Спортзал открыт. Можем там засесть.

– Вот и ладушки! – обрадовался Вовка. – Чешем все туда. Там и поговорим.

Я поравнялся с Саней и спросил его:

– Что вчера с Новым годом порешали? Проблемы есть?

– Мне кажется, всё нормально. Нина много рисунков и фоток придумывала сделать. Так что тебе пахать да пахать у матери в камералке, – он улыбнулся. – Она ещё сказала, что ты стихи пишешь? Ей Оксанка сказала.

– Совсем сдурела! – возмутился я. – У нас один был поэт – ты!

– Ну, почему же? Есть ещё. Маринка Антипина пишет. Не знал?

– Ух, ты! – обрадовался я. – Может, конкурс новогодний предложим?

– Почему бы и нет? – согласился Сашка. – Надо в понедельник собрать редколлегию всю. И составить точный план номера стенгазеты.

– Добро! Сделаем! – решил я.

– Так вот, – начал совещание нашего импровизированного штаба в спортзале Сашка. – Я начал на Блиновке говорить про воду. Ребята замечательные засады придумали. Просто замечательные молодцы. А что если нам, вечерами, эти тропинки водой пролить? Они замёрзнут, мы их сверху снежком присыплем. Такие ледянки получатся, что мама не горюй!

– Сань, – перебил докладчика Вовка. – Сознайся: ты недавно кино смотрел, «Волочаевские дни». Идея оттуда?

– Конечно! – обрадовано подтвердил Сашка. – Всё новое это хорошо забытое старое. Там красноармейцы тоже гору водой залили. И беляки не могли её штурмом взять. Представляешь, с двух сторон тропы ребята делают засады в своих снежанках.

Тут идёт гуськом отряд противника. Они такие карабкаются по скользкой тропе. А у засады есть крепкая верёвка поперёк тропы. И пацаны – раз! И натягивают верёвку! Бац! И все противники покатились вниз. Это всё равно будет считаться, словно гранатами отряд закидали или они на минное поле попали! Как вам идея?!

– Круто! – восхитился Вовка. – Таких засад надо будет много сделать!

– Много не сможем, – возразил я. – Одна-две таких ловушек работает, они по снегу попрут, на другие тропы не сунутся. Дураков нет. Это вредно противника тупее себя считать. А вот заставить их пойти по нужным нам тропам, это можно попробовать.

– Как это? – зашумели все.

– А как ставят петли на зайцев? – спросил я. – Разными веточками и коряжками перегораживают обе стороны заячьей тропы, чтобы он прыгал только по нужному нам направлению. Так и мы: на той неделе проведём жеребьёвку, кто владеет Блиновкой, чей там будет флаг. И

начнём подготовку по вечерам. Наметим нужное количество троп, а остальные прогалы закрывать будем лапником и снегом. И своими следами обозначим тропу, будто она тут всегда была. Если сделать это аккуратно и тайно, то противник наш пойдет по тем тропам, что останутся между стлаником! А там-то мы им засады и устроим. И на разных уровнях от вершины. Чтобы не враз все улетели. Как вам?!

Штаб зашумел! Малявки повскакали с ног и запрыгали по спортзалу от радости. Ещё бы не радоваться, когда их план был не только одобрен старшими пацанами, но и даже развит. Конечно, засады они придумали очень толковые, ничего не скажешь. Хорошая смена подрастала.

Но, главное было в том – кому повезёт защищать Блиновку! Если мы штурмуем, то стратегия будет совсем иная. И ледяные тропы тупо не пригодятся. Хотя, с таким мозговым запасом, который зрел в третьем классе, можно было надеяться, что опять они подкинут плодотворную идею.

После обеда, не став ничего говорить ни Вовке, ни Оксане, я сбегал проверить петли. К моей радости, в самой последней ловушке лежал очередной заяц. Сунув его в мешок, я решил снять все петли – домой нам зайчатина была не нужна, хватало кроликов. А просто так ловить зайцев не было смысла: свой план – добыть шкурку на шапку Оксане, я выполнил. Остальное было бы баловством. Поэтому мне пришлось сделать ещё один круг по старым следам. Я даже на всякий случай потоптался на заячьих тропках: зайчатам придётся новые проторить. Не хотелось мне, чтобы кто-то после меня на моих заламах новые петли ставил. Пусть охотники сами ищут новые места.

Мама обещала через неделю шкурки сделать. «Вот и новогодний подарок будет», – подумал я. Пусть Олег Григорьевич закажет в посёлке шапку. У нас хорошие мастера. Ему мама сама шкурки отдаст. Ксюха и не узнает про второго зайца. Это я так решил. Но эту ленинградку не так-то просто было обхитрить. Потому что ближе к вечеру раздался телефонный звонок. И Светка опять проворчала, что меня зовёт к аппарату «милая барышня».

– Привет! – прошелестело в трубке.
– Привет!
– Может я не права, я не Диана-охотница, но вроде как мы должны были петли сегодня проверять. Нет?!
«Вот ведь коза-дереза! Всё помнит»!
– Я проверил уже. И снял их все.
– Два вопроса, Серёжа. Первый – почему без меня? Мы ж уговаривались всё вдвоём делать. И второй вопрос – зачем ты снял ловушки? Из-за меня?
– Из-за зайцев снял ловушки! – сказал я. – Зачем ловить больше, чем нужно?
– Я правильно поняла, что сегодня снова был заяц? – напрягся голос Ксюхи.
– Правильно. Мы уже его потушили. А ты вчера приготовила рагу?
– Спасибо. Съели мы этого несчастного, – вздохнула Ксюха. – Надо отметить, что вкусный косой. Папа был очень доволен. И всё время хвалил тебя. Но ты не ответил на первый вопрос.
– Можешь обижаться, Оксана, но охота не для тебя, – отрубил я жёстко. – Ты, конечно, молодец, особой истерики не было. Но ведь тебе этот процесс не понравился. Скажи честно?
– Ну-у, – протянули в трубке. – Не скажу, что в восторге.
– Тогда зачем себя напрягать? – спросил я в ответ. – Ты всё равно не будешь жить в тайге и такая привычка или опыт тебе не нужны. Посмотрела, как это работает, и хватит. Вот я и подумал – не нужно лишний раз нервы трепать людям. Погулять с тобой по лесу мы можем и так, без зверушек.
– Когда?
– Что «когда»? – не понял я.
– Гулять пойдём когда? – засмеялась Ксюха. – Мне тебе есть что сказать. Важное.
– Давай хоть сегодня! – обрадовался я.
– Тогда в шесть вечера на старом месте.

Интересно, что такого важного она собралась сказать? Что-то вы, товарищ Чернов, заволновались, а?! Мне нравилась эта девчонка. Но если бы кто сказал, что я влюбился в неё, мне пришлось бы дать ему в лоб. Потому как я даже себе в этом не признавался. Нравится. Не больше.

В шесть вечера я, как примороженный, сидел на еловом пенёчке в нашем потайном месте, и смотрел на бесконечную ленту Витима. За спиной послышался скрип снега под чьими-то валенками. И, как мне показалось, это были шаги не одного человека. Я оглянулся и облез от удивления: вместе с Ксюхой по тропке топал ... Санька! Вот это свидание!

– Какие люди! – делано удивился я. – Откуда шагаем устало?

– Из дома, – ответила Ксюха. – А Саню по дороге подцепила. Бредёт такой скучный из магазина. Вот я его с собой и взяла. А то темно, страшно!

«Ну, вот и поговорили о важном», – подумал я. Стоило морозиться. Лучше бы дома книжку почитал!

– Привет, Серый! – Саня пожал мою руку и плюхнулся на соседний пенёк. – Давай, Оксана, колись. Чего ты там важного хотела сказать. И почему здесь, а не в школе в понедельник? Не май, чай на дворе.

«О, как», – поразился я. Саньке она, значит, тоже что-то важное придумала. Интересно как.

Ксюха села на третий, Вовкин, пенёк, стряхнув с него шапку снега.

– В общем, тут такое дело. Папа меня сегодня «обрадовал». В кавычках. 28 декабря мы с ним улетаем в Ленинград!

«Приехали»! – мелькнуло у меня в голове. – «А как же новогодний бал»?

– Здравсьте, пожалуйста! – удивился Саня. – Чего это так? А как же бал новогодний? Кто у нас принцессой класса будет?! За кого наши мушкетёры шпаги ломать будут?

– Обожди, Сань, – перебил я друга. – Правда, чего это вы вдруг?

– Так случилось. У нас в Ленинграде заболела тётя Ира, папина сестра. Она одна живёт. Поэтому надо лететь. Я хотела остаться, но он боится оставить меня одну.

– Так, давай, у меня поживёшь? – оживился Саня. – Давай, мама с твоим папой поговорит?

Я даже рот открыл на такую реакцию Саньки.

– Спасибо, Саша! Ты настоящий друг! – ответила Ксюха, глядя, почему-то на меня. – Но не получится. За тётей ухаживать нужно будет. Папе помогать. Ему сейчас отпуск на две недели дают. Это ведь у нас каникулы, а они работают. Так что вот, полетим. Двадцать девятого рейс самолёта из Иркутска в Ленинград.

Мне стало не по себе. Грустно, что ли? Такое ощущение было, будто что-то пообещали и отобрали потом. Главное, что изменить ничего нельзя было. Да и нужно ли было менять? У меня ответов на эти вопросы, что вихрем пронесли в голове, не было.

– Понятно, – только и сказал я. – Жаль. У нас на каникулах в посёлке весело.

– Жаль, конечно, – согласилась Оксана. – Ничего не поделаешь. Вот так вот.

Мы ещё чуть-чуть посидели молча, потом Саня заявил, что окоченел полностью и бесповоротно. И что пора идти по домам.

– Да уж, – согласился я. – Здесь летом хорошо сидеть. Но зимой как-то зябко.

И передёрнул плечами.

– Пошли, Сань, проводим её домой. Да разбежимся. Ладно, шапку после каникул сошьёте, – невпопад продолжил я свои мысли.

– Какую шапку? – удивился Саня.

– Никакую, – уклонился я от ответа.

Больше по дороге домой мы не разговаривали. Наверное, каждый был погружен в свои мысли. А какими они были, это тайна. Мне казалось, что грустными.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

*История с перископом. Снегурочка с подарками,
а «шмакодявка» с кулаками. Вечерняя прогулка под окном.*

На следующий день я зашёл к Вите Антипину. Нужно было поговорить о «Зарнице». В школе не всегда бывала возможность. Да и дел у выпускников школы, надо полагать, было больше чем у нас. Хотя Витя уже и не был нашим вожатым, как в начальных классах, но у нас сохранились самые надёжные и близкие отношения.

Я ему рассказал про идею наших разведчиков из третьего «Б» класса, о том, что хорошо бы не затягивать время с жеребьёвкой. Надеялся, что он поговорит со своим одноклассником Гарифом, председателем совета дружины школы. Дело-то не хитрое – собрать штаб на десять минут, кинуть в шапку две бумажки. И вопрос будет решён.

Витя согласился помочь. Тем более, что идея со «снежанками» ему сильно понравилась.

– Да, у нас с тобой таких выдумок не было. Меняется народ, – посмеялся Витя.

– Меняется, – согласился я. – Они стали больше читать. Мы, всё же, больше носились, хулиганили слегка. А эти такие вдумчивые, серьёзные.

– Ну, Саня ваш тоже был серьёзным, – возразил Антипин. – Как вы тогда перископ соорудили, а? Великолепная вещь, скажу тебе! Вся школа восхищалась.

– Угу, – засмеялся теперь уже я. – Пока его директор не сломала.

История нашего перископа была печальной.

Сначала Сашка придумал, что для ведения войны между третьими классами нам край как нужен перископ. Мы его изготовили, и в битвах он нам пригождался. Поэтому вполне заслуженно попал в школьный музей. Откуда был немедленно украден ушлой парочкой из тогдашнего пятого класса, в котором училась моя сестра. Эта парочка не

нашла ничего умного, как через перископ подсматривать через окно в ... женскую баню! Они были отловлены участковым милиционером и переданы директору школы. А тот приказал этот случай на обще-школьной линейке обсудить! Позору пацаны огребли ужасного! Особенно среди девчонок. Парни как-то похихикали, попытались расспросить их кое о чём, но те молчали как партизаны. И всё. Потом, правда, один из них рассказал, что ничего не видели – внутренние окна белой краской замазаны, оказывается. Зря только позорились! Но перископ директором был самолично уничтожен. На всякий случай, как мы поняли. Всё же директором у нас была тоже женщина. Понять можно.

В понедельник только и разговоров было, что про отъезд Дмитриенко в Ленинград. Словно, королеву английскую обсуждали. Источник информации был ясен: Сашка рассказал Нинке, та – всем. Хотя Оксана и не делала из этого тайны. Класс шушукался, и почему-то многие девчонки с любопытством посматривали на меня. Будто я владел какой-то тайной. Смешные.

На большой перемене, закупив как обычно пирожков, мы – Вовка, я и Сашка, устроились в коридоре на широком подоконнике, перекусить. Я пересказал парням свой разговор с Антипиным. Получил полное одобрение нашим решениям. Потом к нам подошли Оксанка с Нинкой, и разговор перескочил на подготовку к новогоднему вечеру, словно никто никуда не собирался улетать. До звонка оставалось минут пять, когда к нашей группе подошёл Витька Слободчиков из седьмого класса. Он осмотрел Дмитриенко с ног до головы, прищурился и ляпнул:

– Шмакодявка! А разговоров-то! Нашли, кого обсуждать!

Наши все рты открыли, а меня как чёрт дёрнул. Соскочил с подоконника и пихнул Витьку в грудь.

– Заткнись! – прорычал я. Мне было плевать, что Слободчиков был на полголовы выше меня и на год старше. Какой-то бес в груди поселился, и я готов был тут же вступить в драку. Витька не ожидал такой реакции, но среагировал быстро, и схватил меня за грудки:

– Защитничек? Давно по сусалам не получал? Сейчас огребёшь! А ну, пойдём за школу, выйдем. Я тебе там быстро мозги вправлю.

– До первой крови? – звенящим голосом деловито уточнил я.

– Там посмотрим, сколько у тебя её будет, – оскалился Витька.

– Серый, помочь? – спросил Вовка.

– Зачем? – пожал плечами я. – Сам справлюсь.

И в это время между мной и Слободчиковым втесалась Оксана. Она упёрла руки в бока, покачалась на носках унтиков, расшитых бисером, и молча, точным ударом своего кулачка захлала прямо в нос Витьке, а потом пнула под колено. Витька рухнул, а на пол упали красные капли крови из разбитого носа.

– Ну, как? До первой крови? – прошипела Ксюха. – Так кто из нас шмакодявка?!

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как за окном пошёл снег. Витька сидел на полу и размазывал кровь из носа по щекам. Это было ужасное зрелище. Чтобы девчонка побила парня?! Да ещё одним ударом?! Не знаю, что думал Слободчиков, но мы втроём встали перед ним, закрывая Оксану. Давая понять поверженному, что он тут же получит по полной программе, если вздумает продолжить.

– Держи платок! – Чернышёва наклонилась над парнем.

– Иди ты ..., – сматерился Слободчиков, поднимаясь с пола. И тут же услышал от Сани:

– Или извиняешься, или продолжим!

Уж такого Витька точно не ожидал. Чтобы тихарь Саня так выступил? Его мир рушился у него на глазах – мелкота перестала бояться! И кого?! Витька у себя в околотке слыл хулиганистым пацаном. Говорят, частенько задирался и бил всех, кто не мог ему дать сдачи. И кто был мельче его. Но тут он напоролся на непонятное сопротивление.

– Ну, подождите у меня! – прогундосил Слободчиков, зажимая нос ладонью. – Я вас достану по одному.

– Достанешь, куда ты денешься! – засмеялся Вовка. – Тебя вот Ксюха уже достала. Будешь остальных доставать, ещё получишь. Или сейчас прямо добавить?

Витька ничего не ответил, а пошёл, сопровождаемый взглядами почти всей школы, в туалет, смывать кровь.

– Однако! – протянул за нашей спиной голос Хайрулина. – Ты где так научилась, боксёрка?

Мы разом оглянулись. За нами столпилось масса народа. Это мы в пылу драки не видели ничего. А все наблюдали за нами. Значит, в самое ближайшее время надо ждать разборок и у директора школы, и на совете дружины. Как говорится, приплыли!

– Случайно вышло! – опустив глаза, чуть слышно ответила Дмитриенко. – А чего он обзывается?!

И тут прозвенел звонок на урок. Толпа быстро разбежалась по классам.

Странно, но после уроков никто не вызвал нас в учительскую или на совет дружины. Даже Наталья Петровна ничего не сказала Оксане, хотя заглядывала в класс, осмотрела внимательно её, покачала головой, и скрылась.

– Тучи над городом встали! – пропел Вовка. – Не дрейфь, мы своих не бросаем! Наверное, разборки перенесли на завтра. Санёк! Ты дома у матери провентилируй – какая казнь ждёт нашу борюху. Или борицу? Или боксёрку? Вот чёрт! Как теперь тебя называть, Дмитриенко?

– Всё же, Геращенко, ты законченный идиот! – засмеялась Оксана. – Называй меня просто – Оксаночка! Мне это нравится! А то Ксюха-Ксюха! Слово кошку зовут.

И она посмотрела мне в глаза. Или прямо в душу, я так и не понял. И поэтому грубовато спросил:

– Ты где так махаться научилась? У нас так никто не умеет.

Оксана усмехнулась.

– Меня Лёшка научил, одноклассник. У нас в Ленинграде наш район хулиганистый был. Наши девчонки тоже драться умели. Вот Лёшка и

говорил: – Бей сразу, без разговоров. В нос. Чтобы кровь пошла. Не петушишься, как некоторые. Знаешь, как малыши: крутятся, кулачки выставляют и причитают при этом – «Ну, ударь только»! Просто сожми пальцы в кулак, посмотри по сторонам, отвлекая внимание, а потом бей точно в нос! И носком ботинка в коленную чашечку. Потом беги со всех ног по задворкам в наш район. Ну, тут бежать куда не нужно было. Вы же рядом были?

Вовка только головой покрутил.

– Научишь, ясно? – сказал он. – Полезный приём. У нас мусковитские в печёнках сидят. Да и на Маму одному хоть не ездят – обязательно нос расквасят. А так, глядишь, и отбиться можно. Нас тоже учили бить первым. И дёру. Но чтоб вот так, по коленной чашечке, это...

И он уважительно хлопнул Оксану по спине. За что тут же получил удар под дых.

– Мать! Ты чего своих бьёшь! – дурашливо согнулся Вовка. – Страшное дело! Зойка – Золотая Ручка.

Начитался Вовка разной литературы. Умный стал. Главное, вовремя цитаты приводит. У меня так с девчонками не получается.

– Сергей! – это Нинка подошла. – У нас с девочками идея родилась. Про Новый год!

По Вовкиным глазам я понял, что он хотел сказать про «родилась», и показал ему кулак: хватит уж дразниться. Потом спросил Чернышёву:

– Давай!

– В общем, девочки предлагают, чтобы Кочнев был Дедом Морозом, а я Снегурочкой.

Тут Вовка не выдержал и хрюкнул. За что снова получил тычёрк в бок от Дмитриенко.

– Так в школе всегда трудовик за Деда Мороза отдувается? – не понял я.

– Да нет! Это другой Дед Мороз! Мы подумали, что хорошо бы запрячь кошёвку, нарядиться и с подарками съездить к нашим ветеранам. Подарки им вручить, а?!

Идея мне понравилась очень! И вообще, в этом году мой класс был богат на такие замечательные выдумки. Жить было так интересно! Ещё бы Ксюха не улетала, и всё было бы очень хорошо.

– Здорово придумала! – воскликнул Сашка. – А на облучок кучером можно я сяду?!

– Да, пожалуйста! – потупила глазки Чернышёва. – Мы помощникам добровольным всегда рады!

– А подарки где возьмём? – озаботился Вовка. – И какие они будут? Не думаю, что ветеран обрадуется нашему мешочку с конфетами и парой мандаринов. Вот если бы что-нибудь особенное им подарить!

– Ну, не знаю! – протянула Нинка. – Мы не думали над этим. Пусть вон Серый думает. Он у нас командир.

Нет, ну, конечно, молодцы! Я теперь должен придумать ещё и подарки. Идеи легко рождают. Поди, потом их, реализуй.

За ужином дома я случайно вспомнил про подарки ветеранам, когда рассказывал маме, что скоро приду к ней опять со стенгазетой. К моей радости, мама тут же предложила выход. Она сказала, что договорится со своим профсоюзом. Ветеранов у нас не много, восемь человек. Поэтому денег в профсоюзной кассе хватит. А не хватит, люди охотно добавят свои.

С другой стороны, предложил я маме, Дед Мороз и Снегурочка всего лишь почтальоны! Нужно открытку в подарок придумать. Или как военное письмо сделать. Треугольник! От школы, от геологов, от рудника. Получится отлично!

На том и порешили: мама свою часть проблемы решит, а я схожу завтра к Марине Леонидовне. И с ней поговорю на эту тему.

Уши мои практически зажили. Поэтому я вечером свободно мог пойти куда захочу. А захотелось мне погулять с Ксюхой. Но рука не поднималась позвонить ей домой и вызвать на улицу. Я оделся и пошёл гулять наугад. Получится вызвать её из дома, значит, повезло. Нет – значит, нет.

Раза четыре я прошёл по переулку, на который выходили окна квартиры Оксаны. Иногда видел тени за занавесками. Представлял, что она ходит по комнате, пьёт чай, прибирается или делает уроки. Хотелось кинуть льдышку в окно, чтобы выглянула. Но я останавливал себя – было бы совершенно глупо делать это. Ведь сам не захотел звонить, положился на случай. А случай дело такое. Ненадёжное.

Сделав такой вывод, я пошагал домой: было уже поздно и холодно.

Не успел отогреться от своей прогулки, как Светка опять позвала меня к телефону:

– Ишь, как у вас теперь! – хихикнула она. – Через день да каждый день.

– Я ж не виноват, что ты телефон к себе утащила, чтобы трещать по нему по часу. Вот и работай теперь телефонисткой, – усмехнулся я в ответ, потому что понял, что звонит опять Оксана.

– Привет!

– Привет! Что, добрался уже до дома? Отогрелся, пешеход? – засмеялась трубка Ксюхиным голосом.

– Не понял! – сделал удивлённое лицо и голос я. А сам съёжился: откуда она всё знает?! Ведь на улице никого не было, в проулке тоже. Кто мог меня сдать?!

– Ой, Серёжа, – хихикала трубка. – Смешной ты! Забавно было наблюдать за тобой, как ты мимо окон шагал. Когда мне папа сказал, что ты под окнами маршируешь, я хотела выйти, но отец не пустил: волосы мокрые были – голову уже помыла. Да и ужин отцу готовила, картошку жарила. Не оторвёшься. Так что извини. Но ты знаешь, есть чудный такой агрегат – телефон называется. По нему можно иногда звонить, предупреждать, даже приглашать куда-нибудь.

Она снова хихикнула.

Я онемел! Она меня видела в окно, и не постучала, не отдёргнула штору, не позвала погреться? Желание тут же бросить трубку было очень велико. Даже тот момент, что её не пустил отец, ничего не менял – могла рукой в окно помахать? Могла!

– Как агрегат называется? – язвительно спросил я. – Обожди, я сейчас запишу, ты мне продиктуй. Только ручку возьми!

– Записывай по слогам: те-ле-фон! – продолжала шутить Оксана. – Это такой чёрный аппарат. Он у тебя находится в комнате сестры. Хватит дуться! Не мог позвонить, что ли? Можно было в кино сходить. Я как могла догадаться, что ты под окнами нарисуешься? Кстати, замечу, через замёрзшие окна никого различить нельзя. Папа тебя увидел, когда на веранду выходил. Вот!

Крыть было нечем. Опять эта девчонка была кругом права.

– Ладно, проехали, – пробурчал я. – В школе встретимся завтра. Нужно про фотографии в газету поговорить, а то ты скоро уедешь же.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

К бою и походу готовы! Или как защитит флаг.

Русские витязи. Скоро бал без королевы.

Витя Антипин не обманул. Уже в среду был созван совет дружины школы, и на нём торжественно провели жеребьёвку – кто будет защищать флаг на Блиновке, а кто атаковать крепость. Гариф Хайрулин бросил в пустой кубок две бумажки с названиями команд, и приглашённый для объективности первоклашка вытащил заветный билетик. Нам повезло – мы были в «крепости»! Хорошо, что на совете не было Вовки Геращенко. Иначе бы он кинул свой боевой клич от радости, который бы услышал весь посёлок. Но я для солидности лишь откашлялся и спросил:

– Нужно договориться о сроках начала подготовки к игре. Правильно ли мы понимаем, что теперь, когда появилась определённость, мы имеем право укреплять высоту, а наши любезные противники вести разведывательно-диверсионную деятельность?

Члены совета глаза выпучили. А наши противники из шестого «А» вместе со своими коллегами из младших классов загомонили о том,

что если нам сейчас разрешить там строить крепость, то мы за месяц воздвигнем Великую китайскую стену. И взломать её сможет только весна со своими ручьями!

Спор разгорелся не на шутку. Мой штаб горлопанил, что к войне нужно готовиться заранее. Чтобы не повторился сорок первый год. Это суетился Денис Рубцов, которого я уже подготовил. Его друг из четвёртого класса Димка вторил ему, говоря, что за неделю ничего путного сделать нельзя. Это будет только изображение деятельности, а не работа.

Однако победить нам не удалось. Совет решил однозначно – на подготовку к битве отводится десять дней. Не больше. Неподчинение будет считаться поражением. Поэтому начало боевых действий будет двенадцатое февраля, а сам штурм – двадцать второго. Штурмующие сами определяют время начала штурма. Но контрольное время внесения знамени в школу – четырнадцать часов. В эту минут начнётся торжественная линейка. И она должна начаться именно внесением знамени.

После совета дружины я оставил свой штаб в классе зоологии. Все уселись за парты.

– В общем, парни, мы с вами были готовы к тому, что на подготовку к защите крепости нам много времени не дадут. Спорили больше для виду. Но готовиться нужно. Тут Дениска прав! Поэтому делаем так. Денис!

Рубцов вскочил из-за парты.

– Назначаю тебя координатором всех мероприятий! То есть, записываешь начальников отрядов четвёртого и пятого классов себе в тетрадку, и вместе с ними составляете перечень всех идей и предложений по защите высоты Б. Так мы её теперь будем называть. Берите даже самые тупые и дурные. Потом еженедельно будем собираться все вместе и решать – что из этого сумасшествия можно осуществить.

Затем. Привлекли пацанов из первого и второго классов. Они нам назначаются для работы в тылу, но мы их немного переориентируем.

Они должны будут, сменяя друг друга, следить за подступами к высоте. Чтобы «ашники» не начали свои действия за нашей спиной. Если книжки читаете, это называется разведка. Но есть и контрразведка. Пусть выведывают всё у приятелей из параллельных классов: что и где готовит нам противник. Это относится, ребята, и к вам! – обратился я к командирам четвертого и пятого класса. – Включайте свою фантазию. В итоге – объявляю полную и всеобщую мобилизацию. Война не за горами!

– Степан! – я подошёл к председателю совета отряда пятого класса. – Займись ещё учётом оружия. Составь список – что у кого есть. И сколько чего нужно ещё сделать. И вот что. Перечитай внимательно «Комендант снежной крепости» Гайдара. У него там какой-то интересный агрегат стрелял снежками. Может, сможем конструкцию расшифровать. Я подскажу Сашке Арутинову, чтобы он с тобой вместе помогал на эту тему. Договорились?

Степан кивнул головой.

– Так, ребята! Заканчиваем. Теперь заседания штаба будет у нас каждую пятницу. Место определяем каждый раз иное. Наш противник тоже не лыком шит! Разойдись!

По дороге из школы я зашёл в Вовке. Рассказал ему об итогах жеребьёвки, о последних новостях в штабе. Как я предполагал, Вовка издал боевой клич и кровожадно заявил, что теперь знамя будет наше, и что «ашники» могут хоть завтра писать акт о добровольной капитуляции.

Мы ещё посмеялись на эту тему. Вовка даже предложил где-то взять бензопилу, и если совсем станет плохо, спилить сосну под корень, снять флаг и смыться. Я ему ответил, что нужно не допускать, чтобы стало «совсем плохо». И что поражение начинается тогда, когда мы его планируем. Нужно планировать победу!

Вовка пошёл меня провожать. Да и проводил до самого дома. А там мы поели и засели играть в шахматы. Мой друг настолько натренировался в игре с мамой моей, что я для него был совсем несерьёзным противником. Потом на пороге дома нарисовался Саня. Мы, как раньше,

уселись на диван, Саня притащил из шкафа Детскую Энциклопедию, и мы стали листать её в поисках интересных тактических решений в деле обороны крепости. Рытьё рвов и наполнение их водой мы отвергли сразу.

Постепенно от дел военных мы перешли к обсуждению вполне мирных, даже приятных. К подготовке Новогоднего бала. Как не крути, а мы и здесь впервые вступали во взрослую жизнь – переходили от утренников к настоящему вечернему балу. А школьный бал требовал обязательного карнавального костюма! Если у человека не было костюма, дежурный класс на входе в школу заворачивал его безо всяких разговоров.

Поэтому мы стали искать уже не крепости, а костюмы тех, кто эти крепости брал. Потому что мы решили стать или морскими пиратами, или мушкетёрами. Для этого нужно было найти картинки, и озадачить родственников изготовлением этой прелести – костюма. Оружие типа шпаг мы могли сделать сами.

– Вот что нам нужно! – воскликнул вдруг Саня. – На фига нам эти французы? Давайте попробуем сделать костюмы русских витязей! Всё же, мы как ни как русичи!

И он ткнул пальцем в картину, на которой два воина на лошадях крошат друг друга в капусту.

– Это Челубей. Русский монах, который победил монгола на Куликовской битве, – пояснил он.

Богатырь нам понравился. Мы стали искать уже иллюстрации доспехов витязей того времени. И поняли, что нашли то, что нужно. Кольчуги можно легко сделать из свитеров, нашив тонкие полоски фольги на грудь. Каплевидные щиты выпилить не проблема. Мечи сделать тем более привычно. Оставались шлемы. Но я сказал, что спрошу у мамы – если она умеет шить шапки, то подскажет, как сделать такие островерхие шлемы.

– Парни! – вспомнил вдруг Вовка. – Я слышал, что во время бала сначала зал, а потом жюри выбирают королеву бала. Из девчонок любого

класса. Важен костюм, танец и прочие прелести. Нам бы подумать – кого двинем?! Да потом подговорить всех наших, чтобы давили на жюри.

Я хотел сходу заявить Ксюху, но вовремя осёкся. Она же на днях улетает к себе, домой. И все каникулы проведёт там. Какая уж тут королева бала?

Тут я обратил внимание, что Сашка вроде как напрягся. Он сидел, отвернувшись к окну, словно вопрос ему был совсем не интересен.

«Чернышёва!» – полыхнуло в голове. А что? Девочка статная, высокая и симпатичная. А уж говорливая!!! За словом в карман не полезет. Нужно только её нарядить так, чтобы вся школа ахнула.

– Что тут думать? У нас самая подходящая кандидатка, это Нина Чернышёва, – выпалил я.

Вовка подпрыгнул на диване, а Саня резко оглянулся.

– Как Чернышёва?! – закричал Геращенко. – Я думал, Дмитриенко. Ксюху давай!

– Какая Дмитриенко! – передразнил я Вовку. – Забыл, что она уедет через неделю? Да и если бы она не уезжала, то всё равно Нинка была бы лучше. Во-первых, её все знают в школе, и голосов она собрала бы больше. Во-вторых, она самая высокая в классе, стройная и красивая.

У нашего друга Сашки внезапно покраснели уши, словно это я его расхваливал.

– Точно! – удручённо вздохнул Вовка. – Ксюха же улетает! Я совсем забыл. Ладно, Нинка тоже ничего себе. Годится. А у неё платье есть приличное? Или в валенках придёт? Слышь, Санюр, чо про её гардероб знаешь?

– Ну, ты спросил! – хихикнул Саня. – Про валенки знаю. Не подшиты, стареньки.

– А если серьёзно? – насупился Вовка.

– А если серьёзно, – ответил Саня, – то откуда у неё красивое платье возьмётся? Она старшая в семье. Кроме неё ещё четверо по лавкам. А

мать одна. Поэтому она везде и всюду в школьной форме. Мог бы и сам заметить.

Саня был прав. Нинка ходила везде в одном и том же. Мы просто не обращали на это внимания. И семья у них была большая. Нинка такая же безотцовщина, что и мы. Только девчонка. Если нам было просто – шаровары, кеды, фуфайка с кепкой и вперёд, то она была девчонкой. Если старшая в семье, то и донашивать только за матерью можно. Это была проблема.

– Чего закручинились, мушкетёры? – в комнату вошла Светка. – Опять кардинал непосильную задачу задал?

– Проблема у нас, сестрёнка, – сказал я, изучающе оглядев Светку. – Ты хочешь быть королевой новогоднего бала?

– Вот ещё! – фыркнула Светка. – Мне и так хорошо. А что, кто-то из вас хочет ею стать?

Она засмеялась.

– Обалдела, что ли? – среагировал Вовка. – У нас есть кандидатка. Но её не во что одеть.

– Вот как? – удивилась сестра. – И кто, если не секрет? Не Ксюха?

– Она улетает с отцом в Ленинград на днях, – поспешил ответить я, чтобы Сашка не успел обидеться вторично. – Мы хотели, чтобы от нашего класса была Чернышёва. Ты ж её знаешь?

– Нина? Нормальный выбор! – одобрила Светка нашего кандидата. – Высокая девочка. Её нарядить, так и вообще будет прекрасно.

– Вот и проблема в том, что нарядить её не во что! – вступил в разговор, наконец-то Сашка, поняв, что обсуждение идёт не в шутку, а всерьёз. – Бедно они живут с матерью.

– Ну, да, знаю, – протянула сестра. – Их вроде пятеро. И она одна девочка. Остальные пацаны?

– Да, – кивнул Саня. – Пацаны.

Светка задумалась. Потом решительно перекинула свои косички с груди на спину, тряхнула головой и заявила:

– Значит, будем из Золушки делать принцессу сами!

– Как это? – вскинулись мы.

– Обыкновенно. Придумаем ей карнавальный костюм. Мы с мамой посмотрим, что у нас из вещей есть. И сварганим. Маску придумаем, как у дам в пушкинскую эпоху. Должна же я брата выручать или как?!

Она засмеялась.

– А вы, братцы, себе что выбрали?

Мы пояснили, что решили стать витязями русскими. Тут Светка сказала, что тогда и Чернышёвой нужно будет делать костюм той эпохи. Что мы так и появимся – три витязя и Василиса Прекрасная.

– У меня приплёт к косе есть! – выдала свой секрет Светка. – Получится у неё коса до пояса. Есть кое-что из новогодних игрушек. Помнишь, Серый, такие бусы из стекла?

– Помню, – радостно ответил я.

– Вот! Мы их на платье пустим. В общем, скажешь завтра Нине, чтобы ко мне на перемене подошла. Мы с ней обо всём договоримся. Корону сделаем, шаль набросим мамину, белую. Красота!

Мы, оглушённые перспективами, сидели на диване. Теперь мы неминуемо должны были занять первое место. Потому что из рассказов той же Светки знали, что все делают костюмы роботов, космонавтов, разных зверушек (потому что в магазине полно картонных масок). Тех же пиратов и казаков. А у нас будет «здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Я даже забыл, что главной героини не будет на балу – Оксаны Дмитриенко. Вот получилось так. Забыл.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Отъезд Ксюхи. Карнавальная ночь. «Мне очень жаль, но я останусь в Ленинграде». «Слеза упала на ладонь и там замёрзла...»

Скостюмами всё получилось просто отлично. Моя мама загорелась Светкиной идеей. Вовкина мать нашла красивый пояс и большую брошь. Нинка сначала ерепенилась, стеснялась, но Ксюха и Светка ей быстро вправили мозги. И вечерами они подолгу шушукались и хихикали в маминной комнате, где строчила швейная машинка.

Мы же себе приготовили костюмы сами. Оставалось дело за шлемами. Время ещё было. И мы надеялись, что мама успеет всё сделать. У наших мам есть одно удивительное свойство – они всегда всё успевают делать вовремя. Тем более, что заготовки к шлемам мы сделали. Мама нам показала, как при помощи обычной трёхлитровой банки, старых газет и клейстера можно сварганить основу убора. Легче лёгкого: слой за слоем клеим газеты вокруг банки. Осталось сделать острую макушку. Вот это мама нам и покажет.

Наши разведчики из третьего «Б» регулярно докладывали о своей деятельности: противник бездействует! Никаких планов выведать не удалось, а на Блиновке чисто – никаких следов! Денис предложил под покровом ночи всё же заняться изготовлением «снежанок». Но я категорически запретил это делать. Во-первых, не честно, во-вторых, совершенно случайно можно проиграть, попавшись на этом деле. За десять дней мы всё успеваем сделать. Тем более, что проведя тщательный осмотр высоты с помощью маминого бинокля, мы наметили все тропинки, которые будем «минировать». Чтобы занять пацанов нужной работой и отвлечь их от устройства схронов, я предложил Рубцову чертежи перископа, что мы делали три года назад. Для таких засад, что задумал Денис, это была сама необходимая вещь!

Мы с Саней вечерами в маминной конторе сделали массу не только разных рисунков для отрядной стенгазеты, но и другой «продук-

ции», как насмешливо назвал кучу заказов от совета дружины Сашка. Там были и смешные карикатуры размером в огромный лист ватмана, и лозунги, и просто Дед Мороз со Снегурочкой. Работы хватало.

За всеми этими заботами незаметно пролетела последняя неделя перед праздником. Двадцать седьмого декабря нам выдали табели за вторую четверть. Мама была довольна – много пятёрок.

– Твоя дружба с Оксаной тебе на пользу пошла, – улыбнулась она, отдавая мне табель. – В курсе, что она завтра с отцом улетает?

– В курсе, – грустно ответил я. – Жаль, что на бал не останется. Мы бы тогда точно первое место заняли по костюмам.

– Не переживай! – ответила мама. – У Нины прекрасно всё получится.

– Причём тут Чернышёва? – пожал я плечами. – Важно, чтобы ещё и другие костюмы были красивыми. Нам массовость нужна!

– А-а-а, – протянула насмешливо мама. – Погоня за количеством. Господи, она уже и в школу проникла! А как же «лучше меньше да лучше»?

– Ты это о чём? – переспросил удивлённо я.

– Да так, – уклонилась мать от прямого ответа. – Просто часто мы гонимся за количеством, а не за качеством.

– Ну, – кивнул я головой, – у нас в школе это кругом и рядом. Если придумают хор, то всем классом туда нужно. Даже если, как у меня, слуха нет, могу только орать. Но я ж председатель совета отряда! Должен быть в первых рядах.

Я засмеялся.

– Это точно, – согласилась мама. И внезапно добавила: – Олег Григорьевич уезжает завтра в девять утра. На машине конторской.

Я снова кивнул головой и ничего не ответил. Мы всегда с мамой понимали друг друга с полуслова.

С Оксаной все попрощались ещё в школе. Что тут такого? Ну, уезжает человек на пару недель в Ленинград! Только и остаётся, что поза-

видовать. «Везёт же людям!» – сказал ей Вовка. – «А тут живи среди этой тайги. Так никогда моря и не увидишь».

Ксюха засмеялась на это и сказала, что она тоже моря ещё не видела. У них есть речки Мойка и Нева. А до моря ехать нужно. На машине.

Поэтому идти утром провожать её я не видел смысла. Зачем? Она не звала, а суетиться? Увидит кто, потом от насмешек не отделаешься. Пусть едет. Дел на два дня по горло. Парни утром придут – шлемы нужно доделать. И плащи ещё решили сшить – мама старую простыню отдала. Надо будет три плаща нарезать и покрасить в чёрный цвет.

... В половине девятого утра двадцать восьмого декабря я сидел в нашем потайном месте и смотрел на дорогу, пробитую по середине Витима. По ней в ближайшее время должен был проехать конторский «газик». Ещё вечером я твёрдо решил не провожать Ксюху. Но утром, внезапно, надел телогрейку, шапку и валенки, и ушёл на утёс над Колотовкой. Были серые сумерки. Дул не сильный ветер, и на широкой груди Витима иногда возникали небольшие снежные вихри. Картина выглядела безрадостно. Наверное, поэтому на душе было тоскливо. Я вообще терпеть не мог сумерек и неопределённости. Сумерки это что-то между тьмой и светом. Как говорил умный Сашка, субстанция явно не устойчивая, вызывающая тревогу. Вот сейчас эта «субстанция» вызвала не только тревогу, но и тоску. Внезапно справа взвился ввысь ещё один вихрь снежный. Побольше. А из него вырвался «газик». И понёсся прочь от посёлка. Это была та машина, которую я ждал.

Я встал с пенька и зачем-то помахал рукой. Хотелось крикнуть хоть что-то. Но горло перехватило. И я не смог пропищать и половины того, что хотелось прокричать.

«Газик» за пять минут проглотил расстояние до Зелёного острова, быстро превращаясь в крошечную точку. Которая потом исчезла напрочь...

Я постоял ещё пару минут. Развернулся. И пошёл домой. Ко мне должны были придти парни, делать шлемы. Жизнь продолжалась.

Просто, как мне показалось, в ней, в моей жизни, стало на одного человека меньше. Почему я так решил, я не знал...

Бал прошёл великолепно! Не смотря на то, что наша Чернышёва заняла всего второе место. Она страшно расстроилась, потому что мы ей неделю жужжали в уши, что нет прекраснейшей девы, чем Нинкина Василиса Прекрасная. Что приз будет её. Но на самом деле победить малоизвестной ученице шестого класса признанную красавицу из десятого Анюту Смелякову было невозможно. Даже если бы она вышла просто в белом фартуке и коричневом форменном платье. А тут у неё был костюм Снежной Королевы. Огромная светящаяся корона. Какой-то умелец вмонтировал в неё лампочки от фонарика и спрятал куда-то батарейки. И Королева вся светилась даже в темноте!

Вся школа тут же разделилась на бедных Каев и гордых Герд. Но вообще было здорово и весело. Наш завхоз с трудовиком умудрились сделать в зале огромную горку, на которой можно было запросто кататься по скользкому линолеуму. Что мы и делали. В одном углу зала была натянута верёвка, на которой, на тонких нитках, висели конфеты, мандарины, яблоки. И толпа ребят и девчонок, с завязанными глазами пыталась отрезать ножницами нитку, чтобы забрать себе приз. В другом углу фокусник из девятого класса показывал разные фокусы, которым он научился по журналу «Юный техник». В общем, каждому нашлось весёлое занятие.

Не хватало только Оксаны и танцев.

Потом навалились каникулы. На них тоже не приходилось скучать. Целыми днями мы гоняли в хоккей на Витиме или крутились на карусели, что опять сделали поселковые мужики. Вечерами не забывали собираться штабом, чтобы отработать стратегию и тактику наших действий по защите крепости на Блиновке. Сашка со своими подопечными из третьего класса так и не смогли разгадать механизм снежкомета из гайдаровской книги. Не получалось у них ничего с этим механизмом. И мы плюнули на него, решив, что и так отобьёмся.

А потом пришла вечером с работы мама и передала мне записку от Олега Григорьевича. Оказывается, он уже вернулся из Ленинграда.

Записка была от Оксаны. Она написала несколько строк о том, что тётка серьёзно болеет. Что отец решил её оставить в Ленинграде, чтобы она присмотрела за больной. Что она очень хотела вернуться, но если такие дела, то она будет доучиваться в своей старой ленинградской школе. И, может быть, приедет к нам на будущий год, если отцу продлят командировку. Что она очень жалела, что я не пришёл её проводить. Что она будет обязательно писать письма, и чтобы я обязательно писал стихи и присылал их ей.

Заканчивалась записка рисунком ромашки с оторванным одним лепестком. Я не понял, что это означает. Понял лишь одно – практически сто процентов за то, что Ксюха больше никогда не вернётся! Потому что от мамы я точно знал – строительство обогатительного комбината признано не нужным. И Олег Григорьевич работает у нас только до лета: они завершают какие-то заключительные работы. Потом он вернётся в свой Горный институт. Куда собралась поступать через два года моя сестрёнка. Мать радовалась, что если она поступит, то у Светки в огромном городе будет хотя бы пара знакомых людей.

Вечером я снова пришёл на наше потайное место над Колотовкой. Сел на еловый пенёк и долго смотрел на ночную ленту Витима. Она была серой и бесконечной. Бесконечная бесконечность в бесконечности...

Всё стало не интересным.

Мне ещё долго было всё не интересным.

Ни «Зарница», которая вот-вот должна была начаться в посёлке.

Ни приход в семью Гордея, который с собой привёл не только мотоцикл, но и подарил мне своё старое ружьё-двустволку, сказав, что на будущий год он его регистрирует на меня. И мы вместе будем ездить на мотике на охоту. Что можно надеть на колёса мотоцикла цепи и

даже поздней осенью вполне реально подниматься в гольцы, чтобы пострелять коз.

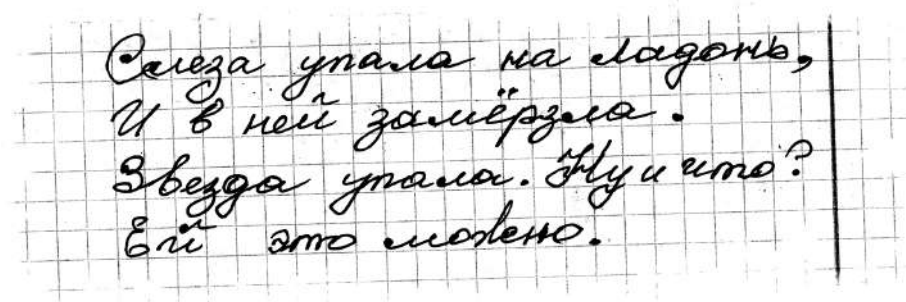
Я вежливо кивал головой, улыбался радостно, но меня эти перспективы не прельщали.

Чаще всего я просто уходил к себе в комнату, доставал общую тетрадь, и сидел, молча уставившись в четыре строчки:

Слеза упала на ладонь,
И в ней замёрзла.
Звезда упала. Ну и что?
Ей это можно...

Больше я ничего придумать не мог. Стихи сами по себе закончились. Потому что начинался какой-то новый виток жизни.

Какой, я пока не знал.

Слеза упала на ладонь,
И в ней замёрзла.
Звезда упала. Ну и что?
Ей это можно.

СОДЕРЖАНИЕ

Звезда упала на ладонь

Глава первая	3
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	29
Глава пятая	36
Глава шестая	42
Глава седьмая	48
Глава восьмая	58
Глава девятая	69
Глава десятая	83
Глава одиннадцатая	90
Глава двенадцатая	99
Глава тринадцатая	110
Глава четырнадцатая	115
Глава пятнадцатая	123
Глава шестнадцатая	128
Глава семнадцатая	142
Глава восемнадцатая	150
Глава девятнадцатая	156
Глава двадцатая	168
Глава двадцать первая	175
Глава двадцать вторая	185
Глава двадцать третья	193
Глава двадцать четвертая	203
Глава двадцать пятая	211
Глава двадцать шестая	218
Глава двадцать седьмая	225